

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 1 · 2020 · ЯНВАРЬ–МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

- Мельянцева В.А., Бочарова Л.С.* Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е годы). Часть 1 3

Литературоведение

- Акимушкина Е.О.* Образ «восхваляемой» в персоязычной панегирической поэзии классического периода (к проблеме изучения жанра *мадх*) 25
- Образцов А.В., Сулейманова А.С.* Шейхульислам на защите театра Карагёз 39

Языкознание

- Напольнова Е.М.* Отражение идентичности в лексике турецкого языка ... 50
- Су Муюань.* О старых и новых китайских словарях чэньюй 68

История

- Мишин Д.Е.* Нападения арабов на южные рубежи Сасанидской державы в начале правления Шапура II (307/8–379/80) 78
- Никольская К.Д.* «Новокрещенные индейцы» в астраханской торговой колонии. Часть I 93
- Панченко К.А.* Сказание об истреблении иноков лавры Св. Саввы (к реконструкции исторической мифологии палестинского монашества) 106
- Шлыков П.В.* Армия и военная элита в контексте политического развития Турции 2000-х и 2010-х годов 121
- Федоров Н.С.* Египетские интеллектуалы первой трети XX в. о месте ислама и исламских институтов в развитии страны 138

Научная жизнь

- Кириллина С.А., Жантиев Д.Р., Кобищанов Т.Ю.* Ближний Восток эпохи Средневековья и Нового времени в фокусе международного академического сообщества 150
- Захарьин Б.А.* Международная конференция по языкам Южной Азии в Париже 154

CONTENTS

Economics

- Meliantsev V.A., Bocharova L.S.* Main Trajectories of Economic Development of the Arab Countries (1980–2010s). Part 1 3

Literature

- Akimushkina E.O.* The Image of the Lauded Lady in the Persian Panegyric Poetry of the Classical Period (to the Problem of Studying the Genre of Madh) 25
- Obraztsov A.V., Suleymanova A.S.* Shaykh Al-Islam as a Protector of Karagöz Theater 39

Linguistics

- Napolnova E.M.* Reflection of Identity in Turkish Vocabulary 50
- Su Muyuan.* Old And New Chinese Idioms Dictionaries 68

History

- Mishin D.Ye.* Arab Attacks on the Sasanid Empire's Southern Borders in the First Years of Shapur II (307/8–379/80)'s Reign 78
- Nikolskaia K.D.* “Newly Baptized Indians” in Astrakhan Trade Colony. Part 1 93
- Panchenko C.A.* A Legend on a Massacre of Monks of the Mar Saba Monastery: A Historical Mythology of the Palestinian Monasticism 106
- Shlykov P.V.* The Army and Military Elite in the Context of Turkey's Political Transformation in the 2000s and 2010s 121
- Fedorov N.S.* Egyptian Intellectuals of the First Third of the 20th Century about the Place of Islam and Islamic Institutions in the Country Development ... 138

Scholarly Life

- Kirillina S.A., Zhantiev D.R., Kobishchanov T.Y.* The Middle East of the Middle Ages and the Modern Times in the Focus of the International Academic Community 150
- Zakharyin B.A.* International South Asian Languages Analysis Roundtable in Paris. 154

ЭКОНОМИКА

В.А. Мельянцев, Л.С. Бочарова

ВАЖНЕЙШИЕ ТРАЕКТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ СТРАН (1980–2010-е годы).

Часть 1¹

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Посвящается памяти Леонида Абрамовича Фридмана

В статье, построенной на ряде авторских расчетов и моделей, анализируются важнейшие тенденции, пропорции, экономические и социально-институциональные факторы экономического развития арабских стран (АС) за последние четыре десятилетия. Показано, что, хотя в АС в целом наблюдается определенный экономический и социальный прогресс, для них характерны высокая нестабильность его динамики и значительная неравномерность распределения его «плодов». Существенное сокращение темпов прироста подушевого ВВП и совокупной факторной производительности (СФП) в АС в последние десятилетия вызвано прежде всего недонакоплением физического и человеческого капитала, низкой динамикой экспорта товаров и услуг, ухудшением во многих из них качества госуправления. По многим индексам развития большинство стран арабского мира (АМ) отстает не только от развитых государств (РГ), но и ряда быстро модернизирующихся развивающихся стран (РС). По минимальным критериям, свыше двух пятых населения АМ живет в бедности, а по уровню неравенства доходов он опережает многие другие регионы мира. Без проведения неотложных реформ, нацеленных на существенное улучшение качества государственных институтов, человеческого капитала, поддержку частного предпринимательства, диверсификацию производства и экспорта,

Мельянцев Виталий Альбертович – доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ, зав. кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vamel@iaas.msu.ru).

Бочарова Людмила Семеновна – кандидат экономических наук, заслуженный преподаватель МГУ, доцент кафедры экономики и экономгеографии стран Азии и Африки ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: bocharovaludmila@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных экономических отношениях».

высокая социально-политическая нестабильность, свойственная многим АС, будет в тенденции нарастать.

Ключевые слова: арабские страны; индексы развития; модели экономического роста; совокупная факторная производительность; информационно-коммуникационные технологии; инновации; качество государственных институтов; бедность; неравенство доходов; политическая нестабильность.

В последние два десятилетия прошлого – первые десятилетия нынешнего века возник синергетический эффект двух мощнейших по своему воздействию на человечество процесса – быстрого развития и распространения инфотехнологий и глобализации². Страны и народы стараются адаптироваться к этой «новой нормальности», пытаются извлечь из нее пользу. Кто-то, проводя эффективные социально-институциональные реформы, сумел сделать это лучше, но многие – хуже. В мире одновременно происходят процессы и конвергенции и дивергенции по уровням экономического, технологического и социального развития. Складывается драматичная ситуация раскола мира (и сообществ внутри отдельных стран) на так называемых лузеров и фаворитов удачи. Рассмотрим, как обстоят дела в этом отношении в группе стран АМ, которые по многим причинам остаются в фокусе внимания экономистов, политологов, социологов и историков.

Предварительно сделаем несколько замечаний. АМ включает 22 государства (без Южного Судана и Западной Сахары), на которые приходится 5,5–5,7% численности населения мира (в 2018 г. примерно 430 млн из 7,6 млрд человек) и столько же его ВВП (по ППС). При этом АМ *сильно дифференцирован* по многим характеристикам, что дает основание выделять в нем богатые, среднеразвитые, бедные и беднейшие государства. В силу этого усредненные индикаторы по региону не вполне адекватно отражают реальную действительность³.

² См. об этом: Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018; Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века // Восток. Афро-азиатского общества: история и современность. 2017. № 3; Он же. Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1.

³ Если по странам Европы коэффициент вариации (КВ) подушевого ВВП (по ППС) в 2017–2018 гг. составлял 61% (это много, так как при КВ больше 40% совокупность считается сильно неоднородной), Латинской Америки – 69%, Восточной и Юго-Восточной Азии – 104%, то по АМ он достигал 127%. (Рассчитано по данным источников к граф. 1.)

Это заставляет исследователя проводить компаративный анализ траекторий развития на уровне субрегионов арабского мира или даже отдельных стран.

Заметный прогресс в развитии. Хотя ряд арабских государств, около трети из которых — так называемые несостоявшиеся или весьма слабо дееспособные⁴, переживают острые экономические и социально-политические проблемы, в целом АМ в последние десятилетия по многим важным социально-экономическим индикаторам добился немалых успехов.

Несмотря на то что среднегодовой темп прироста (СГТП) *индекса человеческого развития (ИЧР)* в целом по АС в 1980–2018 гг. (1,1%) был существенно ниже, чем в 1950–1980 гг. (2,7%)⁵ и меньше, чем в азиатских НИС, Индии и КНР (2,4–3,1%), он оказался все же, подчеркнем, не ниже, чем в среднем по РГ, а также ЛА, РФ, АЮС (0,9–1,1%). По более бедным и среднедоходным АС (таким, например, как Мавритания, Судан, Египет, Марокко, Тунис, Алжир), стартовавших со сравнительно низкого уровня, СГТП рассматриваемого показателя (в 1980–2018 гг. 1,3%) был выше, чем в среднем по миру (1,2%) и вдвое больше, чем в целом по шести богатым странам, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ, 0,6–0,7%).

По нашим расчетам, по ИЧР в целом АС существенно подтянулись к РГ (с 34–35% в 1950 г. до 47–49 в 1980 г. и 53–55% в 2018 г.). При этом по рассматриваемому показателю они в 2018 г. более чем

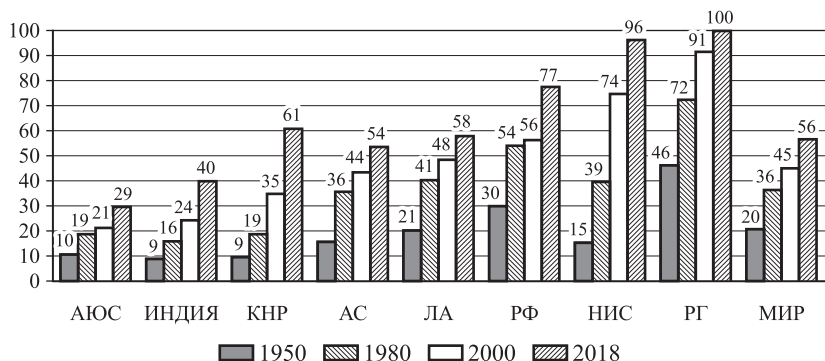
⁴ The Fund for Peace. 2018 Fragile States Index. Washington, D.C., 2018. P. 6–7. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/wp-content/uploads/2018/04/951181805-Fragile-States-Index-Annual-Report-2018.pdf> (accessed 2019.01.05). Число этих стран выросло втрое в результате арабского кризиса. О его причинах и последствиях см., в частности: Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018; Васильев А.М., Саватеев А.Д., Исаев Л.М., отв. ред. Арабский кризис и его международные последствия. М., 2014; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С., отв. ред. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М., 2012; Федорченко А.В. Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире? // Восточная аналитика. 2017. Вып. 4; Филоник А.О. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. // Восточная аналитика. Ежегодник 2013. М., 2014; Видясова М.Ф., Бочарова Л.С., Гевелинг Л.В., Исаев В.А., Мейер М.С., Мельянцева В.А., Орлов В.В., Сафронова А.Л., Фридман Л.А. Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2011. № 3; Мельянцева В.А. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10.

⁵ Рассчитано по данным и источникам к граф. 1.

на треть превосходили Индию, почти вдвое – АЮС, но примерно на 1/10 отставали от КНР и ЛА, более чем на четверть – от РФ и почти наполовину от НИС и РГ. Заметим также, что если по ОАЭ, Катару, Королевству Саудовская Аравия (КСА), Бахрейну, Оману и Кувейту их ИЧР, отнесенный к уровню РГ, достигал 67–62%, то по Ливану, Алжиру, Иордании, Тунису, Ливии, Египту, Ираку и Марокко он составлял 59–52%, а по Сирии, Мавритании, Коморским островам, Судану, Джибути, Йемену и Сомали был намного ниже – 41–23%⁶.

График 1

Динамика индекса человеческого развития (ИЧР)¹ в крупных странах и регионах мира², 1950–2018 гг., 100 = РГ в 2018 г.

Примечания: 1. Среднегеометрическое невзвешенное показателей подушевого ВВП в ППС 2011 г., средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, среднего числа редуцированных лет обучения взрослого населения. Все данные отнесены к уровню развитых государств в 2018 г. Рассчитанный нами индекс по формуле построения и корректировке лет обучения на их качество отличается от базового индекса ПРООН. По нему достигнутый РС прогресс по отношению к РГ в 2015–2018 гг. примерно на две пятых меньше (не 74–77%, а 43–45% от РГ). 2. АЮС – Африка южнее Сахары, АС – арабские страны, ЛА – Латинская Америка, НИС – новые индустриальные страны (средневзвешенное по Республике Корея и Тайваню), РГ – развитые государства.

Рассчитано по: UNDP. Human Development Indices and Indicators. N.Y., 2018. P. 26–29; World DataBank (URL: <http://databank.worldbank.org>); The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C., January 2019. P. 231–234; Мельянцева В.А. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С. 206; Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы). М., 2019. С. 12.

В последние 3,5–4 десятилетия в целом по АС средняя продолжительность предстоящей жизни от рождения выросла не меньше, чем в среднем по РС (соответственно на 12–13 и 10–11 лет), достигнув в 2018 г. 71–72 лет, в том числе в Египте 72, в Марокко и КСА 75–76, в Судане 65 лет. Средний по АС показатель, подчеркнем,

⁶ Рассчитано по источникам к граф. 1.

оказался, хотя и ниже, чем по РС Восточной Азии (ВАЗ, 74–75 лет) и ЛА (75–76 лет), но выше, чем по Южной Азии (ЮАЗ, 69 лет) и существенно выше, чем по АЮС (61 год).

Охват молодежи обучением в высшей школе повысился в рассматриваемый период в среднем по АС более чем втрое – примерно до трети (в Египте и Марокко 33–36%, в Мавритании, Судане и Йемене 4–6%, в КСА уже 66–68%), что, хотя соответственно на 1/5 и 1/3 меньше, чем по РС ВАЗ и ЛА, но на 2/5 и в 4 раза больше, чем ЮАЗ и АЮС⁷.

Говоря об успехах АС в последние десятилетия, необходимо отметить их попытки приобщиться к современному технологическому развитию. Отдельные монархии (КСА, ОАЭ, Катар) претендуют на региональное лидерство и даже на попадание в мировые лидеры по развитию инноваций. Среди прочих азиатских АС наиболее продвинутыми в научно-техническом плане оказались Ливан и Иордания, разработавшие амбициозные проекты по модернизации собственного сектора ИКТ с целью перехода к полномасштабной экономике нового поколения.

Что касается стран Северной Африки, то, несмотря на проведение экономических реформ во второй половине XX в., в силу объективных и субъективных причин здесь не сложились предпосылки для ускоренного инновационного развития. Государство было ограничено в выборе и масштабе средств, сильный частный капитал отсутствовал. Как показывает опыт Египта и Алжира, иностранные частные инвестиции были успешными лишь в рентабельных сырьевых отраслях и не приносили необходимого эффекта технологического трансфера в обрабатывающую промышленность. Отсюда становится понятным, почему планы и проекты египетской стратегии «Egypt's Vision 2030», нацеленные на создание к 2030 г. конкурентоспособной, сбалансированной и диверсифицированной экономической системы, опирающейся на инновации и знания, не нашли полномасштабного воплощения на практике. Они, скорее, отражают лишь желание руководства превратить свое государство в мощный оплот современной цифровой экономики с передовыми IT-технологиями⁸.

Таким образом, прогресс в развитии (хотя и не столь значительный, как например, в целом по РС ВАЗ) есть, но его масштабы очень

⁷ Рассчитано по источникам к граф. 1.

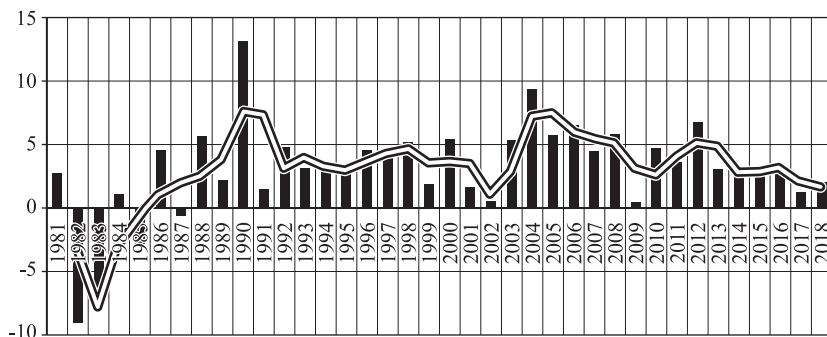
⁸ Бочарова Л.С. Арабский мир в поисках эффективной стратегии роста // Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность. Труды Института востоковедения РАН. 2018. Вып. 11. С. 17.

сильно дифференцированы внутри столь гетерогенного сообщества, каким является АМ.

Торможение экономического роста. Вместе с тем в целом по АС в 1980–2010-е годы обнаружилось более заметное, чем в ряде других регионов РС⁹, *снижение СГТП ВВП* (с 6,3% в 1950–1980 гг. до 3,0% в 1980–2018 гг.) и еще больше – *подушевого ВВП* (в семь (!) раз – соответственно с 3,5% до 0,5%; см. граф. 2 и 3).

График 2

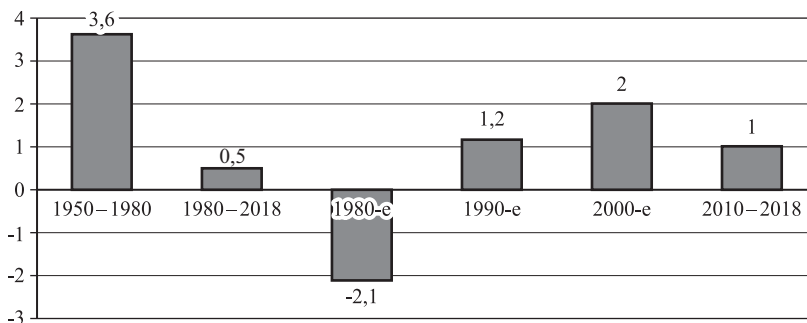
Динамика годовых темпов прироста ВВП в целом по группе арабских стран в 1981–2018 гг., %

Рассчитано по источникам к граф. 1.

График 3

Среднегодовые темпы прироста ВВП в расчете на душу населения в целом по группе арабских стран, 1950–2018 гг., %

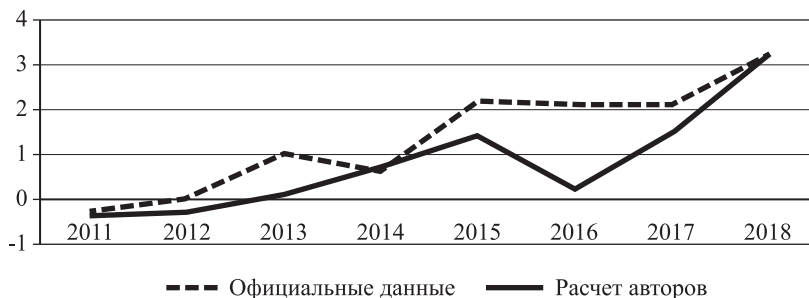
Рассчитано по источникам к граф. 1, а также: Мельянцева В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003. С. 68.

⁹ См.: Мельянцева В.А. Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутое и развивающиеся страны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1. С. 104–105.

Здесь полезно сделать одно важное методологическое замечание. Анализируя основные параметры долговременного экономического роста АС, целесообразно подчеркнуть, что исследователь, даже приложив немалые усилия, способен выявить лишь наиболее общий тренд. Дело в том, что качество официальной статистики арабских стран, которую приходится по необходимости использовать (поскольку все пересчитать невозможно), оставляет желать много лучшего. В связи с этим полезно привести следующие данные по одной из крупнейших стран АМ – Египту (граф. 4). Даже без пересмотра дефляторов (индексов цен) ВВП по этой стране, которые рядом экономистов считаются заниженными, можно обнаружить, что СГТП подушевого ВВП в этой стране в 2010–2018 гг. завышен примерно на 3/4 (!): по официальным данным он составил 1,4%, а, по нашим расчетам, – не более 0,8%¹⁰.

График 4

**Египет: официальные и рассчитанные авторами данные
о темпах прироста подушевого ВВП, 2011–2018 гг., %**

Примечание. Авторский расчет основан на использовании формулы Торнквиста-Дивизиа со скользящими весами (rolling weights) по долям отраслей в общей сумме их добавленных стоимостей, которая позволяет более адекватно учесть структурные сдвиги в экономике (см.: Мельянцев В.А. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С. 73).

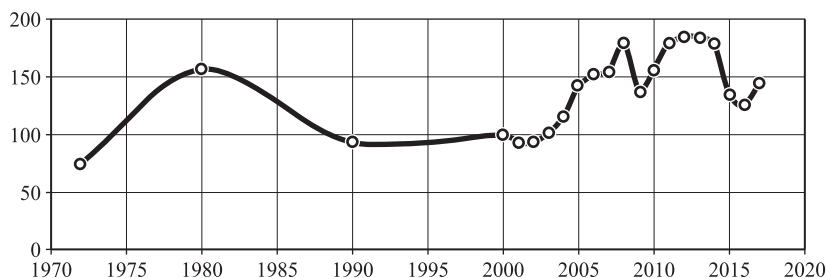
Составлено и рассчитано по источникам к граф. 1.

¹⁰ Если же учесть, что, по имеющимся данным, в Египте в последние четыре–пять лет СГТП официального дефлятора ВВП составлял лишь 3/4 – 4/5 от действительного роста цен по стране, который, по расчетам ряда экономистов, достигал в среднем 20%, то реальный рост подушевого ВВП в этой стране мог быть еще меньше. (Рассчитано и составлено по источникам к граф. 1, а также: Poor on the Nile // The Economist. 08 August 2019. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2019/08/08/egypt-is-reforming-its-economy-but-poverty-is-rising>)

Торможение экономического роста в целом по АМ вызвано многими причинами (о чем пойдет речь ниже). Но, несомненно, весьма важная из них – значительное ухудшение экономической конъюнктуры и инвестиционного климата, связанное (а) со снижением динамики *индекса чистых бартерных условий внешней торговли*¹¹ (граф. 5), который, сильно флуктуируя¹², практически не вырос с 1980 г.¹³, (б) с резким (в последние два десятилетия – в 2–2,5 раза) падением в среднем по АС *индекса политической стабильности* (ИПС, граф. 6). По данным Всемирного банка, на страны Ближнего и Среднего Востока, сосредоточившие 6% численности населения мира, приходится примерно треть общемирового числа беженцев и внутренне перемещенных лиц, возникших в результате военных действий¹⁴.

График 5

Динамика индекса чистых бартерных условий внешней торговли в целом для арабских стран, 1972–2017 гг., 2000=100

Рассчитано по: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=16421> (accessed 2018.12.11); World DataBank. <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 2018.12.11).

¹¹ Соотношение индекса экспортных и импортных цен страны.

¹² Коэффициент вариации индекса чистых бартерных условий внешней торговли товарами за 2001–2017 гг. в целом по АМ (540%, в том числе по Египту 252% и КСА 617% (!)) был в полтора раза, а соответствующая внешнеторговая квота (78–80% ВВП) на $\frac{3}{4}$ выше, чем в среднем по РС (367 и 43–47%). Исчислено по источникам к граф. 1, а также: UNCTADStat (<https://unctadstat.unctad.org>) (accessed 2019.01.25).

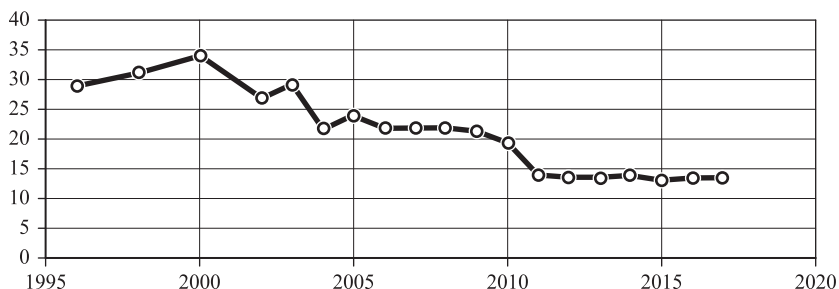
¹³ Рассчитано по источникам к граф. 1, а также: UNCTADStat (URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=16421> (accessed 2018.12.11)).

¹⁴ The World Bank. Expectations and Aspirations. A New Framework for Education in the Middle East and North Africa. Washington, D.C., 2019. P. 4.

Если по странам, входящим в ССАГПЗ, ИПС уменьшился на треть, то в таких государствах, как Египет, Ирак, Йемен, Тунис, Сирия, Ливан, Ливия и Иордания, он сократился в среднем в четыре раза. По имеющимся данным, этот показатель в среднем по АС в 2017 г. оказался соответственно в три и пять раз ниже, чем в целом по другим РС и РГ. Заметим, что в целом по АС за последние три–четыре десятилетия парные коэффициенты корреляции Пирсона динамики каждого из двух рассмотренных факторов с динамикой ВВП были весьма существенными ($R \sim (+)0,8-0,9$) и значимыми ($p < 0,1$)¹⁵.

График 6

Динамика индекса политической стабильности в целом по группе арабских стран, 1996–2017 гг. ($0 \leq V \leq 100$), %

Рассчитано по: The World Bank. World Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home> (accessed 2018.12.11).

Моделирование экономического роста. На основе рассчитанной нами модели (см. далее) удалось установить, что более чем втрое низкий СГТП подушевого ВВП в целом по АС в 2000–2017 гг. (1,6%) по сравнению с РС ВАЗ и ЮАЗ (5,3%) объяснялся примерно на $\frac{1}{4}$ более низкой в АС долей вложений в физический и человеческий капитал (соответственно 25–26 и 37–38% ВВП), на $\frac{1}{3}$ – многократно более низким СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (3,8–4,0 и 9,7–9,9%) и на $\frac{1}{7}$ существенным отставанием в динамике эффективности государственного управления¹⁶.

$$GR(Y/P)_i = 0,068 * mPKHK_i + 0,22 * GRX_i + 0,0055 * \Delta EFF_i,$$

¹⁵ Рассчитано по пятилетним значениям исследуемых показателей.

¹⁶ Если в среднем по РС ВАЗ и ЮАЗ она за рассматриваемый период выросла на 4,2 п.п., то в целом по АС – уменьшилась на 4,5 п.п. Примерно четверть общей величины разницы в средних темпах подушевого роста ВВП двух групп стран пришлось на неидентифицированные факторы.

($p = 8,72E-07$) ($p = 7,17E-07$) ($p = 0,0055$)

F-StatProb. = 4,81E-17; $R^2_{adj} = 0,886$; N = 34.

Примечания. 1. $GR(Y/P)_i$ и GRX_i – среднегодовые темпы прироста ВВП в расчете на душу населения и физического объема экспорта товаров и услуг i -й страны (%), $мПКНК_i$ – средняя за рассматриваемый период доля совокупных инвестиций в основной капитал, в образование и НИОКР в ВВП (%); ΔEFF_i – прирост показателя эффективности госуправления за период (в процентных пунктах, п.п.). 2. Параметры модели значимы на высоком (1%) уровне. Вариации трех регрессоров объясняют почти 89% вариаций зависимой переменной. 3. Расчеты выполнены за 2000–2017 гг. по 34 крупным и средним странам (по которым была необходима статистика), представляющим все регионы развивающегося мира и на которые в общей сложности приходится 85% численности его населения и ВВП.

Рассчитано по источникам к граф. 1, а также: The World Bank. World Governance Indicators (URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home> (accessed 2018.12.11)).

К сказанному полезно добавить следующее. Значительное уменьшение в целом по АС доли инвестиций в физический капитал в ВВП (с 1950–1980 гг. по 2001–2018 гг. примерно на 1/5)¹⁷, СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (в 2000–2018 гг. по сравнению с 1960–1980 гг. более чем втрое)¹⁸, СГТП суммы абсолютных величин сдвигов в отраслевой макроструктуре занятости населения (с 1960–1980 гг. по 2000–2017 гг. в 2,5 раза; табл. 1)¹⁹, а также весьма низкая доля в ВВП АС наиболее динамичных, обрабатывающих отраслей²⁰ в немалой мере обусловили резкое падение в АМ не

¹⁷ Показатель снизился с 24–26% ВВП в 1950–1980 гг. до 23–24% в 1980–2000 гг. и 19–21% ВВП в 2001–2018 гг. При этом он в 2001–2018 гг. в странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис) достигал 24–26%, в КСА 19–21%. Но в Египте составлял всего 16–18%, в более бедных АС был еще меньше.

¹⁸ С 9–10% в 1960–1980 гг. до 2,9–3,1% в 1980–2018 гг.

¹⁹ С 1,8% в 1960–1980 гг. до 1,3% в 1980–2000 гг. и 0,7% в 2000–2017 гг. В 1980–2017 гг. СГТП исследуемого показателя в целом по АМ (0,9–1,0%) был на четверть ниже, чем в среднем по РС (1,2–1,3%). Рассчитано по источникам к граф. 1, а также по: Мельянцева В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 171. Быстрые сдвиги в отраслевых структурах занятости за счет ее перемещения в более продуктивные отрасли в модернизирующихся РС обычно способствуют росту производительности (см. модели и расчеты в: Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 92).

²⁰ Показатель в целом по АМ, выросший с 7–8% в 1980 г. до 11–12% в 2000 г., затем снизился до 10–11% в 2016/2017 гг. В 2000–2016/2017 гг. он увеличился в КСА с 9–10 до 12–13%, но сократился в Египте и Марокко с 18 до 16–17%, в Тунисе – с 16 до 15%. В 2016/2017 гг. в целом АМ по доле обрабатывающей промышленности в ВВП, хотя и немного опережал АЮС (10%), но отставал от ЛА (12,3%), более чем на четверть от ЮАЗ (14,9%) и более чем на 3/5 от среднего показателя по быстро индустриализирующейся ВАЗ (27,6% ВВП). Рассчитано по источникам к граф. 1.

только динамики подушевого ВВП, но и *совокупной факторной производительности* (СФП; граф. 7).

Таблица 1

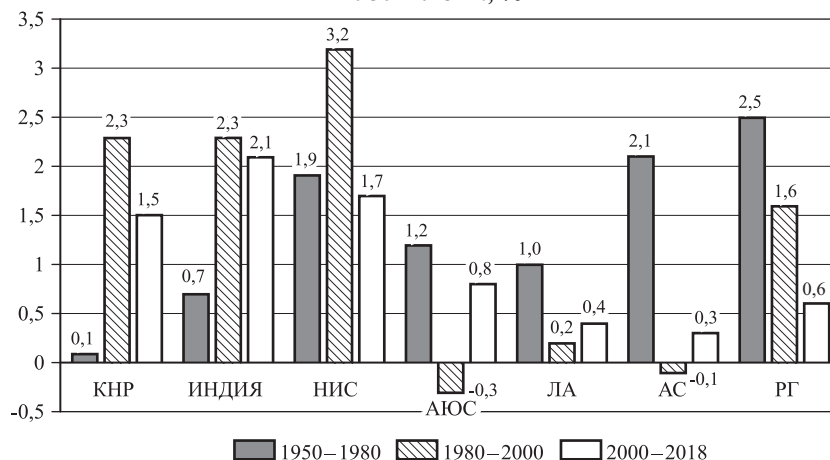
Арабские страны: изменение доли важнейших отраслей в структуре занятости населения, %

	1960	1980	2000	2017
Агросфера	66	45	30	24
Промышленность и строительство	12	22	23	27
Сфера услуг	22	33	47	49
Всего	100	100	100	100

Составлено и рассчитано по источникам к граф. 1, а также: Мельянцеv В.А. Арабо-исламский мир. С. 66.

График 7

Среднегодовой темп прироста совокупной факторной производительности в 1950–2018 гг., %

Примечания. 1. СГТП СФП получен разницей между СГТП ВВП и взвешенной суммой темпов прироста СГТП затрат труда и капитала.

Рассчитано по источникам к граф. 1, а также: Мельянцеv В.А. Арабо-исламский мир. С. 69; The Conference Board. Total Economy Database. Washington, D.C., 2018. URL: <https://www.conference-board.org/data/economydatabase> (accessed 2018.12.15).

В 2000–2018 гг. средние темпы прироста СФП в рассматриваемом регионе были существенно ниже²¹, чем в других группах РС.

²¹ При этом в АМ наблюдалась немалая дифференциация по СГТП СФП. В 2000–2016/2018 гг. рассматриваемый показатель, например, по КСА составлял (–)

Последнее в немалой мере связано также с рядом других причин, о которых стоит рассказать подробнее.

Развитие человеческого потенциала и современных отраслей промышленности. Хотя в целом по АС *среднее число лет обучения взрослого населения*²², по нашим расчетам и оценкам, существенно выросло (с 1,6 года в 1950 г. до 4 лет в 1980 г., 6,5 лет в 2000 и 9 лет в 2018 г.), правда, затухающими темпами (СГТП показателя сократился с 3,1% в 1950–1980 гг. до 2,5% в 1980–2000 гг. и 1,8% в 2000–2018 гг.) и в 2018 г. оказалось выше, чем в целом по АЮС и Индии (соответственно 6,9 и 8,5 лет), оно заметно ниже, чем в ЛА и КНР (10,7 и 11,2 года) и намного ниже, чем в НИС и РГ (17–18 лет)²³.

К тому же *по ряду качественных характеристик образования*, полученных на основе имеющихся данных тестирования по программам PISA (2015 г.), группа среднедоходных и богатых АС (Иордания, Тунис, Алжир, ОАЭ, Катар; 347 баллов) значительно отставала не только от РГ (508), но и от группы других среднедоходных РС (Мексика, Турция, КНР, Вьетнам; 464 балла)²⁴. Исследование, проведенное специалистами программы ООН в 2014 г. по четырем арабским странам (ОАЭ, Йемен, Марокко и Иордания), было направлено на изучение когнитивных (познавательных), «гибких» и коммуникативных навыков среди выпускников средней школы²⁵. Результаты показали слабые способности учеников справляться с проблемами каждодневного характера, требующих знания простейших математических операций, логического мышления и выбора альтернативных вариантов. Средний показатель не превысил отметки в семь баллов из 25 возможных.

Судя по данным ПРООН, в 2016–2017 гг. *доля взрослого населения с полным и неполным средним образованием* в целом по АС (50–51%²⁶) была выше только, чем в АЮС (33–35%). Она равнялась

1,1%, по Алжиру и Египту 0,5–0,6%, по Марокко и Тунису 0,9% и 1,3% (Рассчитано по источникам к граф. 7).

²² Редуцированные в годах начального образования.

²³ Рассчитан по источникам к граф. 1.

²⁴ Рассчитано по: UNDP. Human Development Indices and Indicators. N.Y., 2018. P. 81–82.

²⁵ UNDP: Arab Knowledge Report 2014. Youth and Localisation of Knowledge. Dubai, 2014. P. 145.

²⁶ В АС рассматриваемый индикатор, как и многие другие, сильно варьировал во многом в зависимости от уровня развития. Он в среднем за обозначенный период достигал в Иордании 83–85%, в Египте, Омане, ОАЭ, Катаре и КСА 64–73%, в Кувейте, Тунисе, Ливане и Ливии 51–57%, в Сирии и Ираке 41–48%, в Марокко и Алжире 31–38%, в Судане, Мавритании и Йемене – 17–27%.

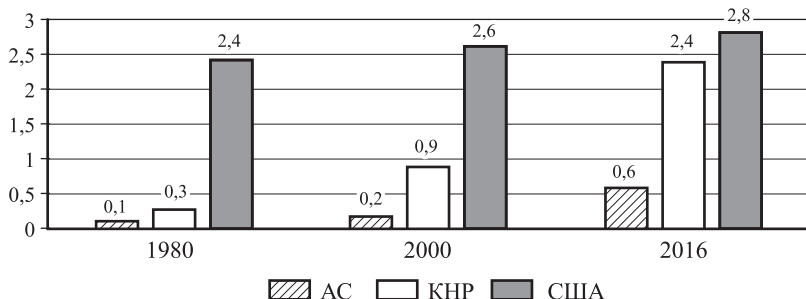
показателю по ЮАЗ, но была заметно ниже, чем в ЛА (59–60%), РС ВАЗ (70–72%), в регионе Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА, 81–82%) и РГ (88–90%)²⁷. Что касается доли *естественно-научных и инженерных факультетов университетов и колледжей* в общем числе выпускников, то она, по имеющимся данным, в целом по АС в первой половине 2010-х годов составляла всего четверть и была на треть меньше, чем по-азиатским НИС²⁸.

По расчетам ВЭФ, *средний уровень IQ* в целом по АС в первой половине 2010-х годов (82 единицы; в странах ССАГПЗ – 83,6, в других АС – 81,2) был существенно выше, чем в бедных РС (75,4), но намного ниже, чем в среднем по странам БРИКС (88,5), РГ (100) и азиатским НИС (106). Также подчеркнем, что *доля рабочей силы, имеющей высшее образование*, в целом по АС (12–13%; в странах ССАГПЗ 16–17%, в среднем по другим АС – 10–11%) намного больше, чем в бедных и беднейших РС (4–7%), но уступает индикатору по странам БРИКС (в среднем 15–17%) и значительно меньше, чем в НИС (31–33%) и РГ (34–36%)²⁹.

По АС в целом многократно увеличились *удельные расходы на НИОКР* в ВВП (граф. 8). Но по этому важному показателю, во многом определяющему инновационные достижения и международную конкурентоспособность стран на нынешнем этапе развития, АМ в среднем примерно в 2,5 раза отстает от всей группы РС (1,5% ВВП), в 4–5 раз от КНР и РГ (2,4–2,8% ВВП).

График 8

Сравнительная динамика расходов на НИОКР в ВВП в АС, КНР и США, 1980–2016 гг., %

Рассчитано по источникам к граф. 1.

²⁷ Составлено по: UNDP. Human Development Indices and Indicators. P. 52–55.

²⁸ Рассчитано по: UNESCO. Science Report: Towards 2030. Paris, 2015. P. 441.

²⁹ Рассчитано по: The WEF. The Human Capital Report. Geneva, 2013. P. 54–537.

Подчеркнем, что ни одной арабской стране пока не удалось «взять планку» упомянутых расходов в 1% ВВП, достижение которой планировалось рядом АС два десятилетия назад. Ближе всех к этой цели оказались Тунис, Египет, Иордания и Марокко (0,6–0,7% ВВП в 2015–2017 гг.), а также ряд таких богатых АС, как КСА (0,8%) и ОАЭ (0,9% ВВП). Эти данные более или менее соответствовали мировым показателям по странам со средним уровнем доходов. В других странах АМ рассматриваемые индикаторы существенно ниже. А в целом во второй половине 2010-х годов на долю АС приходилось не более 1,5% мировых инвестиций в НИОКР, что примерно вчетверо меньше их доли в численности мирового населения³⁰.

Несмотря на то что в целом по АС замечен прогресс в росте *числа публикаций научных статей на 1 млн жителей* (в 2010–2016 гг. на 3/5) и соответствующего *числа заявок на патенты* (в 2000–2016 гг. – на 3/4; граф. 9 и 10), во-первых, среди них наблюдается существенная дифференциация³¹, а во-вторых, по первому из рассматриваемых индикаторов АС отстают от среднего показателя по РС примерно на треть, а по второму – в 12 (!) раз³².

Хотя *средний невзвешенный показатель доли средне- и высокотехнологичных отраслей в добавленной стоимости обрабатывающих отраслей* в целом по АС в 1990–2015 гг. вырос в полтора раза, он (1/5) на 2/5 меньше, чем, например, в среднем по БРИКС (1/3), в том числе почти вдвое меньше, чем по КНР и Индии (41 и 38%), и в 2,5 и 3 раза меньше, чем по РФ и Республике Корея (52 и 64%). *Доля высокотехнологичной продукции в стоимости экспорта готовых товаров* АС увеличилась в 2000–2016/2017 гг. на четверть. Но, достигнув в среднем всего 2,3–2,5% (3% в КСА, 3,7% в Марокко, 5,7% в Тунисе и 0,6% (!) в Египте), оказалась на 2/5 меньше, чем по АЮС (3,9%) и меньше примерно в три, пять, семь и десять раз, чем соответственно по ЮАЗ (6,5%), ЛА (11,6%), РФ (16,6%) и РС ВАЗ (23,9%)³³.

Гипертрофированное наращивание военных расходов и отставание в развитии финансового сектора. Сдерживает увеличение продуктивных вложений в человеческий и физический капитал еще два обстоятельства, характерные для АС. Первое – это их более чем

³⁰ Составлено и рассчитано по источникам к граф. 1.

³¹ Например, по КСА в 2016 г. первый показатель был выше, чем в среднем по АМ в 2,6, а второй – в 4,7 раза.

³² См.: Arab States Are Losing the Race for Technological Development // The Economist. 2018.07.12. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/07/12/arab-states-are-losing-the-race-for-technological-development>

³³ Рассчитано по источникам к граф. 1.

График 9

Сравнительная динамика числа публикаций научных статей в расчете на 1 млн человек в АС, РК, КНР и США, 2010–2016 гг.

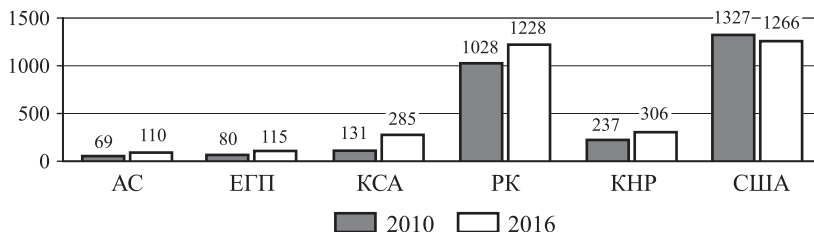
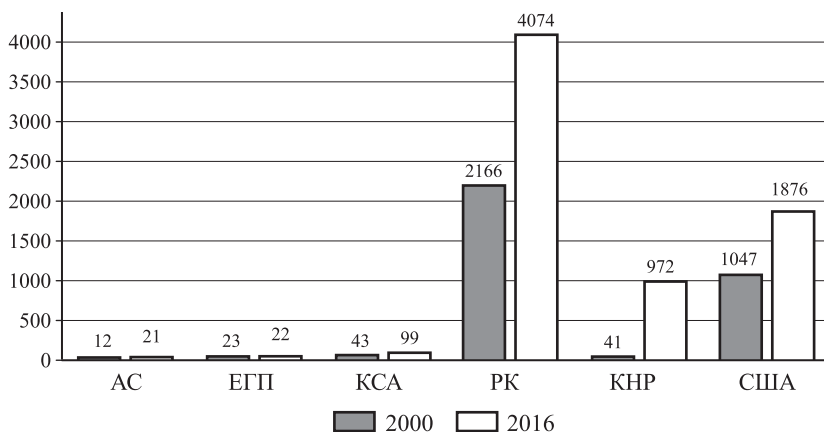

График 10

Сравнительная динамика числа заявок на патенты в расчете на 1 млн человек в АС, РК, КНР и США, 2000–2016 гг.

Примечание. РК – Республика Корея. КСА – Королевство Саудовская Аравия.
Граф. 9 и 10 рассчитаны по источникам к граф. 1

тремя (!) опережение в *удельных военных расходах* по сравнению в целом с другими РС (в 2010–2017 гг. соответственно 6% и 1,8–1,9% ВВП). Если в среднем по РГ рассматриваемый показатель составлял 2,1% и в Израиле 4,7%, то, например, в ОАЭ, Кувейте и Алжире он достигал 5,6–5,9%, а в Омане и КСА 10–12%³⁴. Подобные расходы, как показал опыт ближневосточного региона за последние семь десятилетий, не способствовали в нем ни повышению стабильности, ни динамики экономического роста.

По нашим расчетам, сделанным по имеющимся данным по АС за 2010–2017 гг., коэффициент линейной парной корреляции между

³⁴ Составлено по источникам к граф. 1.

уровнем их военных расходов, отнесенных к ВВП, и СГТП его подушевого роста оказался равен $(-)0,32$, что, судя по шкале Чеддока, свидетельствует об умеренной, но вполне определенной *отрицательной зависимости* двух переменных.

Второе, при всей дифференциации, существующей между бедными и богатыми АС, для них в целом характерно существенное отставание по *уровню финансовой глубины* (в 2016/2017 гг. 115–120% ВВП)³⁵ не только от РГ, но и от быстро модернизирующихся РС – соответственно в 2,5 и 1,5 раза и *притоку ПИИ в их экономику* (в 2017 г. 1,2% ВВП, в целом по РС 1,9%). Последний индикатор, выросший в целом по АС примерно с 0,5% их ВВП в 1999–2001 гг. до 4,8% в 2006–2008 гг., сократился к 2011–2013 гг. в 2,5 раза (до 1,8%) и еще в полтора раза до обозначенного выше уровня в 2017 г.³⁶

ТНК в АС, как правило, предпочитают инвестировать в добычу сырья. Впрочем, у некоторых АС есть и успехи в привлечении иностранного капитала в технологичные отрасли. Речь прежде всего идет об альтернативной энергетике, фармацевтике, автомобильном производстве и телекоммуникациях.

Например, в монархиях Персидского залива разработан и осуществляется ряд инновационных проектов по эксплуатации возобновляемых источников энергии: солнца и ветра. В упомянутые сегменты экономики инвестируются огромные средства, но при этом у АС отсутствует доступ к самим технологиям, лежащим в основе реализуемых инновационных проектов. Инжиниринговой деятельностью занимаются американские или европейские консалтинговые компании. Арабской стороне чаще всего остается лишь функция общей координации, финансирования и последующей эксплуатации созданных объектов. Наиболее ярко данное ограничение просматривается в сфере атомной электроэнергетики. Единственный сегмент инноваций, где монархии Персидского залива ближе всего оказались к полному контролю над замкнутым технологическим циклом реализации энергетических проектов, это отрасль преобразования энергии солнца в электрическую³⁷.

³⁵ Здесь рассчитана как сумма кредитов, выданных частному сектору экономики, и рыночной капитализации, отнесенных к ВВП страны. Исчислено по данным источников к граф. 1.

³⁶ Исчислено по данным источников к граф. 1.

³⁷ См.: *Бочарова Л.С.* Зеленая экономика арабских стран: реалии и перспективы // Арабский Восток: «зеленый рост» и вызовы современности. Труды Института Востоковедения РАН. М., 2019. Вып. 22. С. 93.

Рассмотренные ранее важнейшие факторы роста экономики АС в немалой мере определялись сравнительно медленным характером ее реформирования, доминирующими в регионе экономическими и социально-политическими институтами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018.
2. Бочарова Л.С. Арабский мир в поисках эффективной стратегии роста // Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность. Труды Института востоковедения РАН. 2018. Вып. 11.
3. Бочарова Л.С. Зеленая экономика арабских стран: реалии и перспективы // Арабский Восток: «зеленый рост» и вызовы современности. Труды Института Востоковедения РАН 2019. Вып. 22.
4. Васильев А.М., Саватеев А.Д., Исаев Л.М., отв. ред. Арабский кризис и его международные последствия. М., 2014.
5. Видясова М.Ф., Бочарова Л.С., Гевелинг Л.В., Исаев В.А., Мейер М.С., Мельянцев В.А., Орлов В.В., Сафронова А.Л., Фридман Л.А. Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2011. № 3.
6. Исаев В.А., Филоник А.О., Морозов В.М. Проблемы адаптации нефтегазового комплекса аравийских монархий к современности // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108).
7. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С., отв. ред. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М., 2012.
8. Мельянцев В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003.
9. Мельянцев В.А. Развитее и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009.
10. Мельянцев В.А. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10.
11. Мельянцев В.А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. М., 2013.
12. Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3.
13. Мельянцев В.А. Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1.
14. Мельянцев В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы). М., 2019.
15. Федорченко А.В. Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире? // Восточная аналитика. 2017. Вып. 4.
16. Филоник А.О. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. // Восточная аналитика. Ежегодник 2013. М., 2014.
17. Филоник А.О., Исаев В.А. Ближний Восток: вода и безопасность // Азия и Африка сегодня. 2019. № 5.
18. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018.
19. Alvaredo F., Assouad L., Piketty T. Inequality in the Middle East // VoxDev. 2018.08.27. URL: <https://voxddev.org/topic/methods-measurement/inequality-middle-east>

20. *Al-Ismaily S.B.N., Al-Busaidi A., Cervantes M., MacMahon M.* Fraser Institute. Economic Freedom of the Arab World. Montreal, 2018.
21. *Amin S.* L'économie arabe contemporaine. P., 1980.
22. Arab States Are Losing the Race for Technological Development // The Economist. 2018.07.12. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/07/12/arab-states-are-losing-the-race-for-technological-development>
23. Arab Youth Vent Their Anger at Broken Economic Promises // The Financial Times. 2019.10.22. URL: <https://www.ft.com/content/4ee827cc-f3f5-11e9-a79c-bc99cae3b654>
24. *Belhaj F., Arezki R.* How the Middle East Can Escape the Middle Income Trap // The Project-Syndicate. 2018.07.16. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/middle-east-north-africa-digital-economy-by-ferid-belhaj-and-rabah-arezki-2018-07>
25. Global E-Commerce Community. URL: <https://www.ecommerce-nation.co>
26. *Gwartney J., Lawson R., Hall J., Murphy R.* Fraser Institute. Economic Freedom of the World. Montreal, 2018.
27. *Helliwell J., Layard R., Sachs J.*, eds. World Happiness Report, 2018. N.Y., 2018.
28. *Meliantsev V., Amirov E.* Arab Countries: Achievements, Challenges and Crucial Factors of Economic Development // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 3.
29. Poor on the Nile // The Economist. 08 August 2019. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2019/08/08/egypt-is-reforming-its-economy-but-poverty-is-rising>
30. *Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E.* Underestimating Inequality in Egypt // The VoxEU. 2016.08.11. URL: <https://voxeu.org/article/egypt-not-equal-surveys-say>

ИСТОЧНИКИ

1. Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. Париж, 2015.
2. The Conference Board. Total Economy Database. Washington, D.C., 2018. URL: <https://www.conference-board.org/data/economydatabase>
3. Cornell University, INSEAD, and WIPO. Global Innovation Index 2018. Geneva, 2018.
4. Economic Complexity Index. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings>.
5. The Fund for Peace. 2018 Fragile States Index. Washington, D.C., 2018. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/wp-content/uploads/2018/04/951181805-Fragile-States-Index-Annual-Report-2018.pdf>
6. Global E-Commerce Community URL: <https://www.ecommerce-nation.co>
7. Global Entrepreneurship Network. Global Entrepreneurship Index 2018. Washington, D.C., 2017.
8. ILO. World Employment Social Outlook. Geneva, 2018.
9. IMF. World Economic Outlook. Washington, D.C. October, 2018.
10. Internet World Stats. World Internet and Population Statistics. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.
11. Legatum Institute. The Legatum Prosperity Index. London, 2018. URL: www.prosperity.com/rankings.
12. Obesity – Adult Prevalence Rate // The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/docs/rankorderguide.html>
13. PAYFORT. Online Payment Gateway. URL: <http://marketing.payfort.com>
14. State of payments 2016 with comparative data for the MENA region going back to 2015. Payfort. — UAE. — 2016.

15. Total Patent Applications. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/IpsStatsResultvalue>
16. UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=16421>
17. UNDP. Arab Knowledge Report 2014. Youth and Localisation of Knowledge, Dubai – United Arab Emirates.
18. UNDP. Global Multidimensional Poverty Index, 2019. New York, 2019.
19. UNDP. Human Development Report, 2016. New York, 2016.
20. UNDP. Human Development Indices and Indicators. New York, 2018.
21. UNESCO. Science Report: Towards 2030. Paris, 2015.
22. UNIDO. Industrial Development Report, 2018. Vienna, 2018.
23. The WEF. The Arab World Competitiveness Report, 2018. Geneva, 2018.
24. The WEF. Global Competitiveness Report. Geneva, 2010-2011, 2018.
25. The WEF. The Human Capital Report. Geneva, 2013, 2017.
26. The World Bank. Doing Business, 2019. Washington, D.C., 2019.
27. The World Bank. Expectations and Aspirations. A New Framework for Education in the Middle East and North Africa. Washington, D.C., 2019.
28. The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C., January 2019.
29. The World Bank. The Middle East and North Africa. From Transition to Transformation. Washington, D.C., 2019.
30. The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012.
31. The World Bank. World Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>
32. World DataBank. URL: <http://databank.worldbank.org>
33. The World Justice Project. Rule of Law Index, 2019. Washington, D.C., 2019.

Vitalii A. Meliantsev, Lyudmila S. Bocharova

MAIN TRAJECTORIES OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ARAB COUNTRIES (1980–2010s). PART 1

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper, based on a series of authors' computations and models, provides an assessment of major tendencies, proportions, economic, social and institutional factors of the Arab countries' (ACS) economic development during the last four decades. It is shown that although on the whole some economic and social progress has been achieved in the ACS, it is characterized by high instability of its dynamics and huge unevenness in the distribution of its "fruits". The substantial contraction of the average growth rates of per capita GDP and total factor productivity in the ACS over the last decades was primarily brought about by insufficient level of investments in physical and human capital, low dynamics of exports of goods and services and deterioration of the quality of governance in many ACS. By many indices of development, the majority of the ACS lags not only behind the advanced economies (AES), but rapidly modernizing developing countries (DCS) as well.

By minimal criteria, more than 2/5 of the population of the ACS lives in poverty, and by the index of income inequality the ACS outstrip many other regions of the world. If urgent reforms directed towards considerable improvement in the quality of government institutions, diversification of production and exports are not carried out, the high level of social and political instability, which is inherent to many ACS, will have a tendency to rise.

Key words: Arab countries; indices of development; models of economic growth; total factor productivity; information and communication technologies; innovations; quality of government institutions; poverty; income inequality; political instability.

About the authors: *Vitalii A. Meliantsev* – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vamel@iaas.msu.ru); *Lyudmila S. Bocharova* – Candidate of Economic Sciences, Associate professor, Department of economics and economic geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bocharovaludmila@mail.ru).

REFERENCES

1. Baranovskiy V.G., Naumkin V.V. *Blizhniy Vostok v menyayuschemsya globalnom kontekste* (The Middle East in the changing global context). M., 2018.
2. Bocharova L.S. Arabskiy mir v poiskah effektivnoy strategii rosta (The Arab world in search of an effective growth strategy). *Arabskiy mir i ekonomicheskie vyzovy. Mnogolikaya real'nost'*. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. Vyp. 11.
3. Bocharova L.S. *Zelenaya ekonomika arabskih stran: realii i perspektivy* (Green economy of the Arab countries: realities and prospects). *Arabskiy Vostok: "zelenyy rost" i vyzovy sovremennosti. Trudy Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2019. Vyp. 22.
4. Vasilev A.M., Savateev A.D., Isaev L.M., otv. red. *Arabskiy krizis i ego mezhdunarodnyie posledstviya* (The Arab crisis and its international consequences). M., 2014.
5. Vidyasova M.F., Bocharova L.S., Geveling L.V., Isaev V.A., Meyer M.S., Melyantsev V.A., Orlov V.V., Safronova A.L., Fridman L.A. *Kruglyiy stol: sotsialno-ekonomicheskie aspektyi sobyitiy na Arabskom Vostoke* (The round table: socio-economic aspects of the events in the Arab East). *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie*. 2011. # 3.
6. Isaev V.A., Filonik A.O., Morozov V.M. Problemyi adaptatsii neftegazovogo kompleksa araviyskih monarhiy k sovremennosti (The problems of adaptation of the oil and gaz complex of the Arab monarchies to the modern times). *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura*. 2017. # 6 (108).
7. Korotaev A.V., Zinkina Yu.V., Hodunov A.S., otv. red. *Sistemnyiy monitoring globalnyih i regionalnyih riskov: Arabskaya vesna 2011 goda* (The systemic monitoring of the global and regional risks: The Arab spring of the 2011). M., 2012.
8. Meliantsev V.A. *Arabo-islamskiy mir v kontekste globalnoy ekonomiki* (The Arab-Islamic world in the context of the global economy). M., 2003.
9. Meliantsev V.A. *Razvityie i razvivayushiesya strany v epohu peremen* (The advanced and developing countries in the epoch of changes). M., 2009.
10. Meliantsev V.A. *Krizis v arabskom mire: ekonomicheskie i sotsialnyie aspektyi* (The crisis in the Arab World: economic and social aspects). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. 2011. # 10.

11. Meliantsev V.A. *Analiz vazhneyshikh trendov global'nogo ekonomicheskogo rosta* (The analysis of the major trends of the global economic growth). M., 2013.
12. Meliantsev V.A. Umnyie tehnologii, paradoks Solou i protivorechiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya v stranah Zapada i Vostoka v nachale XXI veka (Smart technologies, Solow paradox and contradictions of the social and economic development in the countries of the West and East at the beginning of the XXI century). *Vostok. Afro-aziatskie obschestva: istoriya i sovremennost*. 2017. # 3.
13. Meliantsev V.A. Sovremennaya globalizatsiya i ee vozdeystvie na ekonomicheski prodvinitye i razvivayushiesya strany (The contemporary globalization and its impact on the advanced and developing countries). *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie*. 2018. # 1.
14. Meliantsev V.A., Matyunina L.Kh. *Ocherki makroekonomicheskogo i finansovogo razvitiya stran Vostoka i Zapada (1980–2010-ye gody)* (Essays of macroeconomic and financial development of the countries of the East and West). M., 2019.
15. Fedorchenko A.V. Vozmozen li ekonomicheskiy renessans v arabskom mire (Is there a chance of the economic renaissance for the Arab world)? *Vostochnaya analitika*. 2017. Vyp. 4.
16. Filonik A.O. Stsenarii razvitiya arabskikh stran do 2050 g. (Scenarios of development of the Arab countries up to 2050). *Vostochnaya analitika. Yezhegodnik* 2013. M., 2014.
17. Filonik A.O., Isaev V.A. Blizhnij Vostok: voda i bezopasnost' (The Middle East: water and security). *Aziya i Afrika segodnya*. 2019. № 5.
18. Schwab K. *Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* (Technologies of the fourth industrial revolution). M., 2018.
19. Alvaredo F., Assouad L., Piketty T. Inequality in the Middle East. *VoxDev*. 2018.08.27. URL: <https://voxddev.org/topic/methods-measurement/inequality-middle-east>
20. Al-Ismaily S.B.N., Al-Busaidi A., Cervantes M., MacMahon M. *Fraser Institute. Economic Freedom of the Arab World*. Montreal, 2018.
21. Amin S. *L'économie arabe contemporaine*. P., 1980.
22. Arab States Are Losing the Race for Technological Development. *The Economist*. 2018.07.12. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/07/12/arab-states-are-losing-the-race-for-technological-development>.
23. Arab Youth Vent Their Anger at Broken Economic Promises. *The Financial Times*. 2019.10.22. URL: <https://www.ft.com/content/4ee827cc-f3f5-11e9-a79c-bc9acae3b654>
24. Belhaj F., Arezki R. *How the Middle East Can Escape the Middle Income Trap*. The Project-Syndicate. 2018.07.16. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/middle-east-north-africa-digital-economy-by-ferid-belhaj-and-rabah-arezki-2018-07>
25. *Global E-Commerce Community*. URL: <https://www.ecommerce-nation.co>
26. Gwartney J., Lawson R., Hall J., Murphy R. *Fraser Institute. Economic Freedom of the World*. Montreal, 2018.
27. Helliwell J., Layard R., Sachs J., eds. *World Happiness Report, 2018*. N.Y., 2018.
28. Meliantsev V., Amirov E. Arab Countries: Achievements, Challenges and Crucial Factors of Economic Development. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*. 2018. № 3.
29. Poor on the Nile. *The Economist*. 08 August 2019. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2019/08/08/egypt-is-reforming-its-economy-but-poverty-is-rising>
30. Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E. Underestimating Inequality in Egypt. *The VoxEU*. 2016.08.11. URL: <https://voxeu.org/article/egypt-not-equal-surveys-say>

SOURCES

1. Doklad YUNESKO po nauke: na puti k 2030 godu (UNESCO. Science Report: Towards 2030). Paris, 2015.
2. The Conference Board. Total Economy Database. Washington, D.C., 2018. URL: <https://www.conference-board.org/data/economydatabase>
3. Cornell University, INSEAD, and WIPO. Global Innovation Index 2018. Geneva, 2018.
4. Economic Complexity Index. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings>
5. The Fund for Peace. 2018 Fragile States Index. Washington, D.C., 2018. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/wp-content/uploads/2018/04/951181805-Fragile-States-Index-Annual-Report-2018.pdf>
6. Global Entrepreneurship Network. Global Entrepreneurship Index 2018. Washington, D.C., 2017.
7. ILO. World Employment Social Outlook. Geneva, 2018.
8. IMF. World Economic Outlook. Washington, D.C. October, 2018.
9. Internet World Stats. World Internet and Population Statistics. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>
10. Legatum Institute. The Legatum Prosperity Index. London, 2018. URL: www.prosperity.com/rankings
11. Global E-Commerce Community URL: <https://www.ecommerce-nation.co>
12. Obesity – Adult Prevalence Rate // The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/docs/rankorderguide.html>
13. PAYFORT. Online Payment Gateway. URL: <http://marketing.payfort.com>
14. State of payments 2016 with comparative date for the MENA region going back to 2015. Payfort. — UAE. — 2016.
15. Total Patent Applications. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/IpsStatsResult-value/UNCTADstat>. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=16421>
16. UNDP: Arab Knowledge Report 2014. Youth and Localisation of Knowledge, Dubai – United Arab Emirates.
17. UNDP. Global Multidimensional Poverty Index, 2019. New York, 2019.
18. UNDP. Human Development Report, 2016. New York, 2016.
19. UNDP. Human Development Indices and Indicators. New York, 2018.
20. UNESCO. Science Report: Towards 2030. Paris, 2015.
21. UNIDO. Industrial Development Report, 2018. Vienna, 2018.
22. The WEF. The Arab World Competitiveness Report, 2018. Geneva, 2018.
23. The WEF. Global Competitiveness Report. Geneva, 2010–2011, 2018.
24. The WEF. The Human Capital Report. Geneva, 2013, 2017.
25. The World Bank. Doing Business, 2019. Washington, D.C., 2019.
26. The World Bank. Expectations and Aspirations. A New Framework for Education in the Middle East and North Africa. Washington, D.C., 2019.
27. The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C., January 2019.
28. The World Bank. The Middle East and North Africa. From Transition to Transformation. Washington, D.C., 2019.
29. The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012.
30. The World Bank. World Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>
31. World DataBank. URL: <http://databank.worldbank.org>
32. The World Justice Project. Rule of Law Index, 2019. Washington, D.C., 2019.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Е.О. Акимущкина

ОБРАЗ «ВОСХВАЛЯЕМОЙ» В ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРА *мадх*)

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу персоязычных панегириков классического периода, в которых объектом восхваления выступают женщины – правительницы или представительницы семейного окружения правителей (мать, супруга, сестра). Такие панегирики, представленные в творчестве поэтов указанного периода главным образом в форме касыды (примерно 90% от общего числа произведений), до недавнего времени практически не попадали в фокус интереса исследователей. На основании анализа произведений персоязычных поэтов XI–XIV вв. автор статьи приходит к выводу о том, что сами принципы построения образов восхваляемой и восхваляемого идентичны, однако подбор поэтами образов и мотивов для описания восхваляемой и их интерпретация имеют свои особенности. В статье предпринимается попытка выявить основные трансформации, которые претерпевает образ «восхваляемой» на протяжении классического периода. Изучение таких панегириков призвано способствовать восстановлению более полной картины эволюции жанра *мадх* в персоязычной поэзии.

Ключевые слова: образ «восхваляемой»; панегирик; классическая персоязычная поэзия; жанр *мадх*; мотивы восхваления; касыда.

В персоязычной панегирической¹ поэзии классического периода (X–XV) в роли восхваляемых могут выступать не только правители-

Акимущкина Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekimushkina@mail.ru).

¹ Панегирическая поэзия на персидском языке включает мотивы восхваления (*мадх*) и самовосхваления (*фахр*), сюда же ряд исследователей относят мотивы «служения и договора» (термин М.Л. Рейснер), описывающие перипетии отношений восхваляющего и восхваляемого (*Рейснер М.Л. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII в. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006. С. 165–189*). В настоящей работе рассматриваются исключительно произведения **в жанр *мадх***.

мужчины, но и правители-женщины, а также представительницы семейного окружения правителя – мать, супруга (супруги), сестра².

Такие объекты восхваления пока не становились темой специального исследования в иранистике, хотя панегирическая поэзия на персидском языке широко изучалась³. Проблема изображения женщины в персоязычной панегирической поэзии затрагивалась лишь однажды – при анализе тематики касыд Муиззи (1048/49 – между 1126 и 1153), посвященных Тадж ад-Дин Хатун, матери султана Санджара (1118–1157) из династии Сельджукидов⁴. На первый взгляд, кажется вполне логичным, что такие произведения не рассматривались отдельно в рамках изучения средневекового панегирика, так как принципы функционирования мотивов при изображении восхваляемого в нормативной поэтике⁵ являются одними и теми же, вне зависимости от его гендерной принадлежности. Вместе с тем некоторые наблюдения в отношении образа «восхваляемой» в английском панегирике показывают, что в ее изображении есть своя специфика (в частности, касающаяся подбора мотивов), без рассмотрения которой представления исследователей о панегирической поэзии не будут полными⁶. В связи с этим мы поставили целью выяснить, существуют ли какие-либо особенности в изображении «восхваляемой» в классической панегирической поэзии на персидском языке по сравнению с изображением восхваляемого,

Произведения, содержащие мотивы самовосхваления и мотивы оплакивания (*mar-suiia*), привлекаются только в качестве сопоставительного материала.

² Наличие таких объектов восхваления не является уникальной чертой персоязычной поэзии. О панегириках в адрес английской королевы Елизаветы I (1558–1603) см., например: *Cobb A.H.* Representations of Elizabeth I: three sites of ambiguity and contradiction. Thesis submitted to the University of Oxford for the degree of Doctor of Philosophy. L., 1989.

³ См., например: *Ворожейкина З.Н.* Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII–XIII в.). М., 1984. С. 59–114; *Рейснер М.Л.* Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006; *Meisami J.S.* Medieval Persian Court Poetry. Princeton; New Jersey, 1987.

⁴ *Tetley G.E.* The Ghaznavid and Seljuk Turks. Poetry as a source for Iranian History. L.; N.Y., 2009. P. 159, 181, 184, 186, 188–190.

⁵ Об образе восхваляемого в средневековом арабском панегирике см.: *Куделин А.Б.* Образ восхваляемого в средневековом арабском панегирике // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. М., 1994. С. 103–136.

⁶ *Cobb A.H.* Representations of Elizabeth I: three sites of ambiguity and contradiction. Thesis submitted to the University of Oxford for the degree of Doctor of Philosophy. L., 1989. С. 23 и далее.

и если существуют, то в чем они состоят. В наши задачи входит анализ мотивов и образов, которые подбираются поэтами для изображения «восхваляемой», и выявление трансформаций ее образа на протяжении классического периода⁷.

Настоящая работа призвана расширить наши знания о том, как строится образ восхваляемого в классической панегирической поэзии на фарси при условии, что восхваляемый – женщина⁸, что позволит сформировать более полное представление о характере эволюции персидского панегирика указанного периода⁹. Кроме того, данная статья содержит дополнительные сведения не только о произведениях хорошо известных в иранистике поэтов (Саади Ширази (ум. 1292)), но и о стихах поэтов, творчество которых пока исследовано недостаточно (Сайид Хасан Газневи (ум. ок. 1160/1162 г.)).

Объектом нашего исследования стали произведения шести поэтов указанного периода – Амира Муиззи, Сайида Хасана Газнави, Хакани Ширвани, Анвари (ум. ок. 1191 г.), Саади Ширази, Салмана Саваджи (1300–1376). Панегириков, объектом восхваления в которых выступают женщины – матери, жены, наложницы, сестры¹⁰

⁷ Хотелось бы специально пояснить, что в данной статье не рассматриваются проблемы функционирования правителя-женщины в средневековом мусульманском государстве и связанная с этим гендерная проблематика (см., например: *Учок Б.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах / Пер. с тур. З.М. Бунятова; отв. ред. М.С. Мейер. М., 1982), нас интересует исключительно литературоведческий аспект проблемы. Вместе с тем отметим, что за последнее десятилетие появилось значительное число работ по истории, посвященных женщинам-правительницам и родственницам правителей из различных династий, правивших в Иране (см., например: *Nicola B. de.* Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017; см. также весьма подробную библиографию к его работе), что свидетельствует о росте исследовательского интереса к феномену женской власти в Средние века на Востоке.

⁸ Пока из «нестандартных» образов восхваляемых нами рассматривался только образ восхваляемого-пленника в касыдах Катрана Табризи (ум. после 1072 г.) и Хакани Ширвани (ум. 1192). См. об этом подробнее: *Акимушкина Е.О.* Жанр *хабсийят* в персоязычной поэзии XI–XIV веков: генезис и эволюция. М., 2006. С. 85–94; 111.

⁹ Разработанная теория жанра *мадх* в персоязычной поэтологической традиции отсутствует. См. об аналогичной проблеме в арабистике: *Куделин А.Б.* Образ восхваляемого в средневековом арабском панегирике // *Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность.* М., 1994. С. 105.

¹⁰ Нам пока неизвестно ни одного случая, чтобы произведения классического периода содержали восхваление в адрес дочери правителя (т.е. чтобы такое произведение было адресовано именно дочери правителя). В постклассический период такие восхваления наличествуют: Мухташам Кашани (ум. 1588) слагал касыды в честь дочери шаха Тахмаспа I Сефевида (1524–1576) – Парихан-ханум.

царствующих особ, в персоязычной поэзии указанного периода нами пока зафиксировано немного – 49 произведений (44 касыды и 5 кыта примерно за пять веков!)¹¹. Объектами восхваления выступили, например, следующие персоналии¹²: Тадж ад-Дин Хатун Сафариййа, мать султана Санджара¹³; сестра султана Санджара Шах-хатун Сафиййа¹⁴; Исмаат ад-Дин Марйам, сестра Манучихра III ибн Фаридуна Ширваншаха (ум. 1160); Сафват ад-Дин, супруга его сына Джалал ад-Дина Ахситана (1160 – между 1188 и 1192)¹⁵; Туркан-хатун (Теркен-хатун) (1257–1282), регент при сыне султана Кутб ад-Дина Кутлугхана Союргатмыше, четвертый правитель государ-

¹¹ Из рассмотренных нами стихов 60 поэтов указанного периода только 1/10 часть писала панегирики в адрес женщин. У Муиззи в 2,2% от общего числа касыд восхваляются женщины, в 97,8% – мужчины; у Анвари это соотношение составляет 2,9% и 97,1% соответственно, у Хакани – 3,1% и 70%, у Сайида Хасана Газнави – 1% и 99%, у Саади – 4,3% и 70%, у Салмана Саваджи – 19,5% и 75% (остальные касыды у Хакани, Саади и Салмана Саваджи относятся к непанегирическому). Возможно, не все произведения, посвященные женщинам, включались в Диваны по политическим и/или религиозным мотивам. Существует определенное количество стихов, посвященных женщинам и помещенных в исторические хроники или собранных в поэтические антологии, однако ими сложно оперировать, так как далеко не всегда их можно точно атрибутировать. В данной работе мы опирались на произведения, включенные в Диваны, стихи из других источников (например, рубаи, приписываемые Падишах-хатун (1256–1295) привлекались в качестве сравнительного материала (Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах / Пер. с тур. З.М. Буниятова; отв. ред. М.С. Мейер. М., 1982. С. 42–43; *Хондамир Гийас ад-Дин*. Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар. Тегеран, 1954. Джалд 3. С. 270–271).

¹² При работе с материалом исторических сочинений нам пришлось столкнуться с рядом трудностей в том, что касается биографий приведенных персоналий, так как правительницам и влиятельным женщинам из окружения правителя в исторических сочинениях традиционно уделяется намного меньше внимания, чем правителям-мужчинам (см. об этой проблеме подробнее: Nicola B. de. Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335. Edinburgh, 2017. С. 2; и далее).

¹³ Tetley G.E. The Ghaznavid and Seljuk Turks. Poetry as a source for Iranian History. L.; N.Y., 2009. P. 184, 186, 188–190.

¹⁴ Ibid. P. 189.

¹⁵ Существует точка зрения, что Сафват ад-Дин и Исмаат ад-Дин – одна и та же личность, а именно супруга Джалал ад-Дина Ахситана Ширваншаха Сафват ад-Дин Исмаат ад-Дин-Марйам (*Ашурбейли С.Б.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983. С. 112). Мы придерживаемся точки зрения К.Э. Босворта и считаем, что это два разных человека – соответственно супруга (Сафват ад-Дин) и сестра (Исмаат ад-Дин) Ширваншаха, что подтверждается анализом панегириков, адресованных каждой из них (*Bosworth C.E.* Šervānšāh. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/servansahs> (дата обращения: 06.10.2019); *Beelaert A.L.* Kāqānī Šervānī. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kaqani-servani-poet> (дата обращения: 03.10.2019).

ства Кутлугханов (1202–1303) в Кермане¹⁶; Абиш-хатун (1263–1287), последняя правительница из династии атабеков Фарса¹⁷; Дилшад-хатун, мать султана Увайса (1356–1374)¹⁸.

Для систематизации обширного материала мы предлагаем классификацию панегириков, основанную на внелитературном критерии, – статусе восхваляемых женщин по отношению к верховной власти¹⁹. К первой группе можно отнести панегирики в адрес тех, кто официально обладал верховной властью в государстве: суверенный правитель (Абиш-хатун)²⁰, регент при малолетнем правителе (Туркан-хатун), консорт и позднее регент (Сафват ад-Дин). Ко второй группе можно отнести панегирики в адрес тех, кого можно условно назвать «влиятельными лицами из ближайшего женского окружения правителя – мать, супруга, сестра»²¹, которые могли принимать весьма активное участие в политических интригах, но официальной властью не обладали. При этом цель панегириков в адрес женщин-правителей более или менее ясна – это одновременно и дань придвор-

¹⁶ Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах / Пер. с тур. З.М. Бунятова; отв. ред. М.С. Мейер. М., 1982. С. 32–37.

¹⁷ Там же. С. 45–50.

¹⁸ Хафиз-Абру. Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2011. С. 137, 144, 148, 152, 154–155, 167.

¹⁹ В целом, отношение к участию женщин в государственных делах в персидской адабной литературе можно охарактеризовать как негативное: «Не следует, чтобы подручные государю становились начальствующими, ибо от этого порождаются большие беспорядки, государь лишается силы и достоинства. В особенности это относится к женщинам, которые являются “людьми покрывала” и у которых нет совершенства разума. Цель их существования — сохранение рода. Чем они родовитее, тем достойнее, чем скромнее, тем более заслуживают похвалы» (*Сиасет-намэ*. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введ. в изуч. Памятника и прим. Б.Н. Заходера; отв. ред. Е.Э. Бертельс. М.; Л., 1949. С. 179). При этом допускается возможность женского регентства при малолетнем правителе (*Кабус-наме*. Пер. Е.Э. Бертельса. Душанбе, 1953. С. 78–79), также не отрицается, что женщины-правители могут обладать похвальными качествами (там же, с. 74; *Сиасет-намэ*. С. 149).

²⁰ Понятно, что Абиш-хатун была скорее номинальным правителем, нежели реальным, однако речь идет о ее формальном статусе. Особой разницы в панегириках в адрес реального и номинального правителей, равно как в восхвалениях женщин-суверенных правителей и, например, регентов, нами пока не выявлено.

²¹ В этом случае мы исходим из тех социальных ролей, которые определяются у этих женщин в рассматриваемых произведениях через их родственников-мужчин: например, восхваление Дилшад-хатун как матери султана Увейса, восхваление Шах-хатун Сафийа как сестры султана Санджара.

ному этикету, и завоевание поэтом расположения правительницы. Цель восхваления влиятельных женщин, относящихся ко второй группе, – снискание расположения их самих, а при необходимости, уже благодаря их гипотетическому посредничеству, – благосклонности правителя²². Несмотря на некоторую размытость границ между группами (статус женщины менялся на протяжении ее жизни, не все изменения фиксировались в исторических сочинениях и т.п.), мы руководствовались при их выделении главным образом характером анализируемого материала: в произведениях, относящихся к первой группе, обычно приводятся мотивы апологии власти той или иной женщины-правителя, во второй группе такие мотивы нами не зафиксированы; кроме того, в панегириках, относящихся к первой группе, приводится значительно больше похвальных качеств, необходимых государю (например, справедливость, щедрость к подданным, готовность к защите государства, мудрость)²³.

Рассмотрим, какие доводы, долженствующие убедить читателя/слушателя в необходимости восхваления правителя-женщины, обнаружены нами в творчестве вышеупомянутых поэтов. Наиболее любопытную точку зрения на проблему женской власти мы встречаем у Хакани: поэт весьма смело для того времени утверждает, что нет принципиальной разницы в том, кто – мужчина или женщина – стоит во главе государства²⁴:

Какая разница, кто является шахом в империи, – женщина или мужчина? // Какая разница, кто выходит на охоту, – лев или львица?²⁵

В качестве оправдания восхваления власти женщины также выдвигаются утверждения, что восхваляемая по своим качествам сопоставима с одной или несколькими могущественными женщинами-правительницами прошлого – Билкис, Кейдафой, Ширин²⁶,

²² Например, известно, что вышеупомянутые супруга и сестра Ширваншаха Манучихра Ахситана выступали заступниками Хакани перед правителем (*Beelaert A.L. Kāqānī Šervānī*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kaqani-servani-poet> (дата обращения: 03.10.19).

²³ О приблизительном наборе качеств, необходимых правителю, можно узнать из произведений адабной литературы – см., например: *Кабус-наме*. Пер. Е.Э. Бертельса.

²⁴ Все переводы, кроме специально оговоренных случаев, выполнены автором настоящей статьи.

²⁵ *Хакани Ширвани*. Диван. Тегеран, 1997. С. 123.

²⁶ Обратим внимание на то обстоятельство, что Билкис, Кейдафа и Ширин, будучи суверенными правительницами, в конце концов, при разных обстоятельствах признали главенство мужчин – пророка Сулеймана, Александра Македонского (356–323 гг. до н.э.) и Хосрова II Парвиза (590–628) соответственно.

супругой правителя – Асией и Зубейдой бинт Джафар²⁷, поэтому безусловно достойна восхваления²⁸. Третьим вариантом апологии женщины-правительницы является акцент на ее исключительности, благодаря которой она опять-таки достойна восхваления. На протяжении XI–XIII вв. апология женского правления чаще встречается в форме комбинации сопоставления с правительницами прошлого и прославления исключительности восхваляемых женщин, например:

Нет во всем свете такого государя, как ты, // но если даже и найдется, то не будет она настолько схожа с Ширином, как ты!²⁹

Однако к концу XIII в. мотив оправдания женского правления уже практически не встречается, а вышеупомянутые мотивы, теряя свою «апологетическую» направленность, переходят в ранг стандартных мотивов жанра *мадх*. В панегириках в адрес правителей-мужчин восхваляемый – тень Бога на земле, его власть не нуждается в апологии, а мотивы исключительности конкретного восхваляемого и сопоставления с правителями прошлого приводятся не в качестве доводов в пользу оправдания его власти, а в качестве конвенциональных мотивов восхваления.

Рассматривая образность и мотивы, использованные поэтами в панегириках, относящихся к первой группе, мы видим, что при сопоставлении восхваляемых с выдающимися правительницами³⁰ прошлого акцент делается на качествах, необходимых для

²⁷ Кейдафа и Ширин – персонажи «Шах-наме» Фирдоуси (X в.), их история восходит к доисламским сказаниям. Кейдафа – легендарная правительница ал-Андалуса, куда прибыла армия во главе с Александром Македонским (*Mayor A. The Amazons' Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World*. New Jersey, 2016. С. 378–379). Ширин – армянская царевна, которая после смерти своей тети по отцу Михин-бану стала правительницей Аррана. О Билкис (царице Савской) см.: *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991. С. 144. Асия – жена египетского фараона, преследовавшего Мусу (там же, с. 101). Зубейда бинт Джафар – старшая жена халифа Харуна ар-Рашида (786–809).

²⁸ Одним из дополнительных доводов в пользу восхваления женщины-правителя поэты называют наличие у нее особой державной благодати (*фарр*), которой может обладать только истинный правитель (*Топоров В.Н.* Фарн // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 23 т. Т. 2. М., 1982). В проанализированных нами панегириках такой благодатью наделены и женщины, причем не только суверенные правители: так, она есть у вдовы Ширваншаха, т.е. можно предположить, что *фарр* перешел к ней от покойного супруга, таким образом легитимизировав ее власть регента.

²⁹ *Саади Ширази*. Фи мадх-и Абиш бинт Саад // Дордж З. Электронная библиотека персидской поэзии (Китабхана-йи электруник-и шер-и фарси). Тегеран, 2011.

³⁰ Также возможны отдельные сопоставления восхваляемых женщин с мужчинами (Тадж ад-Дин Хатун сопоставляется с Мусой и наделяется «дланью Мусы» (о Мусе см. (*Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991. С. 110–111)), т.е.

успешного правителя – мудрости, справедливости, милосердии к подданным, щедрости, родовитости, способности хранить веру и укреплять государство. В панегириках второй группы внимание поэтов фокусируется в первую очередь на восхвалении качеств, присущих добродетельной мусульманке, – скромности, покорности, целомудрию, набожности, кротости. В связи с этим основные сопоставления производятся с Марйам, матерью пророка Исы, первой женой пророка Мухаммада Хадиджей и его младшей дочерью Фатимой. Важно отметить, что и в панегириках второй группы могут встречаться сопоставления с легендарными и реально существовавшими правительницами, однако акцент сделан на личных качествах последних, например, скромности. В панегириках первой группы, в свою очередь, могут встречаться сопоставления восхваляемых, например, с Фатимой, при этом делается акцент на необходимости ее кротости и доброты для правительницы³¹.

Метафоры, применяемые по отношению к восхваляемому, могут носить универсальный характер (например, солнце, белый сокол³²), однако их интерпретация может разниться при употреблении в отношении восхваляемых мужчин и женщин: так, метафорами восхваляемых обоего пола могут выступать месяц/луна (символ правителя в «мужском» панегирике и символ второстепенности женщины на небосводе государства по отношению к мужчине-солнцу в «женском» панегирике³³) или, например, туча, проливающаяся дождем,

ее рука могла безболезненно менять цвет). Еще реже встречаются сопоставления мужчин-правителей с женскими персонажами мусульманской священной истории (всего три случая за указанный период – два сравнения с Марйам, одно – с Фатимой) у Кивами Рази (XI–XII вв.), Хакани и Фалаки Ширвани (XII в.), поэтому мы бы пока не стали утверждать, что сравнения с Марйам и Фатимой являются универсальным для мужчин- и женщин-правителей.

³¹ Пока представляется не вполне понятным, как в панегирике женщине-правителю обосновывается сочетание в ее образе мотивов покорности и величия. Такие мотивы встречаются, например, в стихах, приписываемых Падишах-хатун: Я – та женщина, все деяния которой несут благо // Под покрывалом я ношу царский кулах (головной убор – символ власти. – Е.А.). Хотя я властвую над всем миром, // перед Богом я – служанка (*Хондамир Гуйас ад-Дин*. Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар. Тегеран, 1954. Джалд 3. С. 270–271).

³² Воспевание правителя в образе белого сокола связано с почитанием тотемных животных (см. об этом, например: *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 137–140).

³³ В касыдах, содержащих панегирик, относящийся ко второй группе, неоднократно встречается следующее явление, нуждающееся, на наш взгляд, в дополнительном изучении: краткое восхваление женщины плавно переходит в пространный панегирик в адрес правителя – ее сына или супруга, как бы частично замещаая ее собственный

или рудник, полный драгоценных камней (символы щедрости для мужчин и символ щедрости и/или плодовитости для женщин). Постепенно разнообразие метафор и сравнений в панегириках несколько уменьшается: так, к концу классического периода начинают преобладать сопоставления только с Марйам, Фатимой и Билкис, правда, большая часть вышеперечисленных сравнений и метафор, общих для мужчин и женщин, все же остается.

Многие из вышеприведенных качеств, например, справедливость, щедрость, богобоязненность, приводятся и в панегириках, адресованных правителям-мужчинам. Однако, как и в случае с метафорами, может наблюдаться несколько разное преломление одного и того же мотива в панегириках, обращенных к восхваляемому и восхваляемой. Если речь идет, например, о мотиве хранителя и защитника веры, то роль мужчины-правителя выглядит гораздо более активной в физическом плане – он организует военный поход, защищает веру «огнем и мечом» (см., например, о касыдах Унсури Балхи (род. между 970 и 980 – ум. между 1039 и 1050), посвященных Махмуду Газневи (998–1030)³⁴), восхваляемая описывается активной в духовном плане, побеждая врагов силой молитвы³⁵ (касыда Муиззи о матери султана Санджара)³⁶. Разное преломление мотивов, по всей видимости, зависит от конкретной восхваляемой, таким образом в рамках нормативной поэтики создавался своего рода индивидуально-авторский «портрет» восхваляемой³⁷.

панегирик. Таким образом, ее подчиненное положение по отношению к основному адресату панегирика в реальности отражается и в композиционной структуре касыды, и ее восхваление становится второстепенным в произведении, ей адресованном.

³⁴ См.: Рейснер М.Л. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006. С. 207–210.

³⁵ Муиззи. Дар ситайаш-и Тадж ад-Дин Хатун мадар-и Санджар ва султан Мухаммад // Дордж З. Электронная библиотека персидской поэзии (Китабхана-йи электруник-и шер-и фарси). Тегеран, 2011.

³⁶ Справедливости ради, следует отметить, что интерес к военному делу может проявлять и женщина: так, в панегириках, адресованных сестре султана Санджара Шах-хатун Сафийе и матери султана Увейса Дилшад-хатун, описывается принадлежащее им оружие. Возможно, в данном случае мы наблюдаем отголоски мотивов эпоса о женщинах-богатырях, представленных в «Шах-наме» Фирдоуси и наложившихся на представления о роли женщины, сложившиеся у тюркских и монгольских племен (Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969; Nicola B. de. Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335. Edinburgh, 2017).

³⁷ О роли «документальных» деталей в персоязычной поэзии см.: Рейснер М.Л. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006. С. 238–268.

Итак, для создания панегирика в адрес «восхваляемой» персоязычными поэтами выбираются несколько иные образы и мотивы, нежели для изображения восхваляемого, либо же ими используются стандартные для «мужского» панегирика мотивы и образы, которые подаются под другим углом и в других комбинациях. В классический период наибольшее разнообразие образов и мотивов, употребляемых при описании восхваляемой, встречается у Муиззи и Хакани. Именно эти мотивы актуализируют в своих произведениях Анвари, Сайид Хасан и Саади, выбирая из традиции необходимый материал для создания соответствующего панегирика. На протяжении XIII–XIV вв. наблюдается постепенное нарастание тенденции к сокращению числа мотивов, привлекаемых поэтами для создания образа «восхваляемой», образы женщин становятся более абстрактными³⁸, т.е. происходит своего рода унификация образа «восхваляемой». Так, в панегириках Салмана Саваджи, по сравнению с произведениями вышеупомянутых поэтов, встречается гораздо больше универсальных мотивов и образов, с помощью которых создаются образы восхваляемых обоего пола, так что можно с осторожностью говорить о тенденции к унификации образа восхваляемого в целом. Фактически только мотив материнства (а также ограниченное количество «женских» сравнений и сопоставлений) отличает «женский» панегирик от «мужского»³⁹, однако, как показали наши наблюдения, данный мотив вовсе не является обязательной составляющей панегирика женщине и может отсутствовать. К концу XIII в. стирается грань между выделенными нами ранее двумя группами панегириков, что, возможно, связано с трансформацией представлений о женской власти у монголов под влиянием ислама. В результате чего женщины лишились статуса официальных правителей, соответственно в иранской литературной традиции больше не встречаются восхваления

³⁸ Наоборот, образы «восхваляемой», созданные Муиззи, выглядят гораздо более яркими: так, например, Тадж ад-Дин Хатун предстает искренне верующей женщиной, мудрым советчиком своим сыновьям, сдерживающей силой бурного темперамента султана Санджара, миротворцем, милосердной и щедрой к нуждающимся, а, например, сестра султана Санджара описывается целомудренной девицей-воительницей, своего рода «тюркской амазонкой».

³⁹ Пока мы не обнаружили панегирика, содержащего восхваления в адрес «отцовских» добродетелей правителя. Мотив восхваления родителей, воспитавших достойных сыновей и дочерей (!), встречается в панегирике Талиба Амули (ум. 1627), адресованном Нур Джахан (1577–1645), супруге могольского императора Джахангира (1569–1627): Пусть будет далеко дурной глаз от твоих отца и матери, которые родили и вырастили такую дочь, как ты! (*Талиб Амули*. Куллийат. Тегеран, б.г. С. 44–45).

правительниц-женщин⁴⁰. В связи с этим неудивительно, что в XV в. мы не нашли ни одного восхваления на фарси, адресованного женщине. В постклассический период (XVI–XVII вв.) такие произведения снова появляются в персоязычной панегирической поэзии, однако в значительно меньшем количестве. Помимо внелитературных факторов, сокращение числа восхвалений, обращенных к женщинам и написанных в форме касыды, тесно связано с особенностями процесса эволюции последней: уже в XII в. формирование ее канона завершается, на рубеже XII–XIII вв. в силу ряда обстоятельств, в том числе под влиянием трансформации придворной культуры при монголах, она начинает отступать на второй план в системе жанровых форм, уступая место газели⁴¹, и число касыд в диванах неизбежно сокращается.

Для того чтобы составить по возможности полное представление о трансформациях, которые претерпевал жанр *мадх* в персоязычной поэзии, необходимо рассмотреть, как строился образ восхваляемой в постклассический период и в Новое время, причем не только в центральной, но и в периферийной традиции бытования персидской литературы, в частности в персоязычной литературе Индии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. 297 с.
2. Акимушкина Е.О. Жанр *хабсийят* в персоязычной поэзии XI–XIV веков: генезис и эволюция. М., 2006. 175 с.
3. Аиурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983. 341 с.
4. Ворожейкина З.Н. Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII–XIII в.). М., 1984. 272 с.
5. Кабус-наме / Пер. Е.Э. Бертельса. Душанбе, 1953. 136 с.

⁴⁰ Все женщины-восхваляемые, за исключением жены и сестры Ширваншаха, оказываются так или иначе связанными с династиями (Сельджукиды, Салгуриды, Чобаниды), в которых была еще сильно генетическая память кочевой культуры, где роль женщины традиционно значительна. Вероятно, этим и можно объяснить их приход к власти, активное участие в придворных интригах (см. о роли женщин-регентов у монголов – Nicola B. de. Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335. Edinburgh, 2017. P. 65–89, 103–104). В случае с Ширваншахами, возможно, повлияло доисламское прошлое аристократических родов, когда женщины также играли довольно активную роль в жизни государства (Аиурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983. С. 34–59).

⁴¹ См. об этом процессе подробнее: Рейснер М.Л. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006. С. 325–341.

6. *Куделин А.Б.* Образ восхваляемого в средневековом арабском панегирике // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. М., 1994. С. 103–136.
7. *Муиззи.* Дар ситайаш-и Тадж ад-Дин Хатун мадар-и малик Санджар ва султан Мухаммад // Дордж 3. Электронная библиотека персидской поэзии (Китабхана-йи электруник-и шер-и фарси). Тегеран, 2011.
8. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991. 222 с.
9. *Рейснер М.Л.* Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006. 500 с.
10. *Саади Ширази.* Фи мадх-и Абиш бинт Саад // Дордж 3. Электронная библиотека персидской поэзии (Китабхана-йи электруник-и шер-и фарси). Тегеран, 2011.
11. *Сиасет-намэ.* Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введ. в изуч. Памятника и прим. Б.Н. Заходера / Отв. ред. Е.Э. Бертельс. М.; Л., 1949. 380 с.
12. *Талиб Амули.* Куллийат. Тегеран, б.г. 1146 с.
13. *Топоров В.Н.* Фарн // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1982.
14. *Учок Б.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах / Пер. с тур. З.М. Бунятова; отв. ред. М.С. Мейер. М., 1982. 176 с.
15. *Хакани Ширвани.* Диван. Тегеран, 1997.
16. *Хафиз-Абру* (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2011. 320 с.
17. *Хондамир* Гийас ад-Дин. Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар. Техран, 1954. Джалд 3. 644 с.
18. *Beelaert A.L.* Kāqānī Šervānī. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kaqani-servani-poet> (дата обращения: 03.10.19).
19. *Bosworth C.E.* Šervānšāh. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/servansahs> (дата обращения: 06.10.2019).
20. *Cobb A.H.* Representations of Elizabeth I: three sites of ambiguity and contradiction. Thesis submitted to the University of Oxford for the degree of Doctor of Philosophy. L., 1989. 403 p.
21. *Mayor A.* The Amazons' Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. New Jersey: Princeton University Press, 2016. 544 p.
22. *Meisami J.S.* Medieval Persian Court Poetry. Princeton; New Jersey, 1987. 346 p.
23. *Nicola B. de.* Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335. Edinburgh, 2017. 288 p.
24. *Tetley G.E.* The Ghaznavid and Seljuk Turks. Poetry as a source for Iranian History. L.; N.Y., 2009. 211 p.

Ekaterina O. Akimushkina

THE IMAGE OF THE LAUDED LADY IN THE PERSIAN PANEGYRIC POETRY OF THE CLASSICAL PERIOD (TO THE PROBLEM OF STUDYING THE GENRE OF MADH)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the analysis of the classical Persian panegyrics, the objects of praise in which are women – women-rulers or female members of rulers' family environment (mother, spouse, sister). Such panegyrics are mostly represented in the poetry of praise of this period in the generic form of qasidah (90% of the total amount of the verses) and the researchers in the field of Iranian studies haven't paid much attention to them until recently. Upon analyzing the works of the Persian poets of XI–XIV centuries the author has come to the conclusion, that the basic principles of creating images of *he-mamduh* and *she-mamduh* are the same, but the selection of images and motifs and their interpretation have their own peculiarities. The author has also made an attempt to reveal main transformations of the image of a loaded lady throughout the classical period. The study of such panegyrics is aimed at tracing the process of evolution of the genre *madh* in the Persian poetry in more detail.

Key words: image of the lauded lady; panegyric; classical Persian poetry; genre of *madh*; motifs of praise; qasidah.

About the author: Ekaterina O. Akimushkina – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekimushkina@mail.ru).

REFERENCES

1. Agadzhanov S.G. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX–XIII vv.* (Essays on the history of the Oghuzes and Turkmens of Central Asia IX–XIII c.). Ashgabat: Ylym, 1969. 297 s.
2. Akimushkina E.O. *Zhanr khabsiiat v persoyazychnoi poezii XI–XIV vekov: genezis i evolyutsiya* (The genre of habsiiyat in the Persian poetry of XI–XIV c.: genesis and evolution). Moscow: Natalis, 2006. 175 s.
3. Ashurbeili S.B. *Gosudarstvo Shirvanshakhov (VI–XVI vv.)* (The state of Shirvanshahs (VI–XVI c.)). Baku: Elm, 1983. 341 s.
4. Vorozheikina Z.N. *Isfakhanskaya shkola poetov i literaturnaya zhizn' Irana v predmongol'skoe vremya (XII – XIII v.)* (Isfahan's poetic school and literary life of Iran in the pre-Mongol period). Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1984. 272 s.
5. *Kabus-name* (Qaboos-nama). Per. E.E. Bertel'sa. Dushanbe, 1953. 136 s.
6. Kudelin A.B. *Obraz voskhvalyaemogo v srednevekovom arabskom panegirike* (The Image of the Loaded in the Medieval Arabic Panegyric). *Poetika srednevekovykh literatur Vostoka. Traditsiya i tvorcheskaya individual'nost'* (Poetics of medieval literatures of the East. Tradition and author's individuality). Moscow: Nasledie, 1994. S. 103–136.
7. Muizzi. *Dar sitaish-i Tadh ad-Din Khatun madar-i malik Sandzhar va sultan Mukhammad* (The praise of Taj ad-Din Khatun, mother of malik Sanjar and sultan Muhammad). Dordzh 3. Elektronnyaya biblioteka persidskoi poezii (Kitabkhana-ii elektrunik-i sher-i farsi). Tehran, 2011.
8. Piotrovskii M.B. *Koranicheckie skazaniya* (Quranic Stories). Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1991. 222 s.
9. Reisner M.L. *Persidskaya liroepicheskaya poeziya X – nachala XIII veka. Genezis i evolyutsiya klassicheskoi kasydy* (Persian Lyrico-epic poetry (X – the beginning of XIII century). Genesis and Evolution of Classical Qasida). Moscow: Natalis, 2006. 500 s.

10. Saadi Shirazi. *Fi madkh-i Abish bint Saad* (The praise of Abish bint Saad). Dordzh 3. Elektronnaya biblioteka persidskoi poezii (Kitabkhana-ii elektrunik-i sher-i farsi). Tehran, 2011.
11. *Siaset-name. Kniga o pravlennii vazira XI stoletiya Nizam al-Mul'ka* (Siysat-nama. The book about government, written by Nizam al-Mulk, vizier of the XI c.). Per., vved. v izuch. Pamyatnika i prim. B.N. Zakhodera. Otv. red. E.E. Bertel's. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1949. 380 s.
12. Talib Amuli. *Kulliiat* (Kulliyat). Tehran: Kitab-khana-ii Sanai. B.g. 1146 s.
13. Toporov V.N. *Farn* (Farn). Mify narodov mira (Myths of the world). Entsiklopediya v dvukh tomakh. T. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1982.
14. Uchok B. *Zhenshchiny-pravitel'nitsy v musul'manskikh gosudarstvakh* (Female rulers in muslim states). Per. s tur. Z.M. Buniyatova / Otv. red. M.S. Meier. Moscow: Izd-vo "Nauka" GRVL, 1982. 176 s.
15. Khakani Shirvani. *Divan* (Divan). Tehran, 1997.
16. Khafiz-Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zail-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi* ("Dopolnenie k sobraniyu istorii Rashida" (Supplement to the Rasidi' 'Jami at-tawarikh')). Per. s pers., predisl., komment., prim. i ukaz. E.R. Talyshkhanova. Otv. red. I.M. Mirgaleev. Kazan: Izd-vo "YaZ", 2011. 320 s.
17. Khondamir Giias ad-Din. *Khabib as-siiar fi akhbar afrad al-bashar* (The Friend of biographies comprising the history of the persons distinguished among men). Tehran, 1954. Dzhalid 3. 644 s.
18. Beelaert A.L. *Kāqānī Šervānī*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kaqani-servani-poet> (дата обращения: 03.10.19).
19. Bosworth C.E. *Šervānšāh*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/servansahs> (дата обращения: 06.10.2019).
20. Cobb A.H. *Representations of Elizabeth I: three sites of ambiguity and contradiction*. Thesis submitted to the University of Oxford for the degree of Doctor of Philosophy. London, 1989. 403 p.
21. Mayor A. *The Amazons' Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World*. New Jersey: Princeton University Press, 2016. 544 p.
22. Meisami J.S. *Medieval Persian Court Poetry*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1987. 346 p.
23. Nicola B. de. *Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 288 p.
24. Tetley G.E. *The Ghaznavid and Seljuk Turks. Poetry as a source for Iranian History*. London and New York: Routledge Taylor&Francis Group, 2009. 211 p.

А.В. Образцов, А.С. Сулейманова

ШЕЙХУЛЬИСЛАМ НА ЗАЩИТЕ ТЕАТРА КАРАГЁЗ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Санкт-Петербургский государственный университет»

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Данная статья посвящена полемике в османском обществе середины XVI в. вокруг теневого театра Карагёз. Театр Карагёз – теневой театр, считающийся национальным, культурным достоянием Турции, возник, предположительно, в XVI в. и достиг расцвета в XVII в., превратившись в излюбленный вид развлекательного действия, представления которого давались, по преимуществу, в кофейнях, питейных заведениях и частных домах. Поскольку герои представления изображали живых людей и отбрасывали тень, данные представления вызывали протест у ревностных мусульман. На имя шейхульислама были направлены несколько запросов с требованием осуждения данных развлечений, как противоречащих нормам ислама. Шейхульислам Эбуссууд аль-Имади, опираясь на метафорический подход к произведениям искусства, издал фетвы, наоборот, оправдывающие эти театральные действия. Главными его аргументами были предельная типизация театральных персонажей и назидательный характер пьес театра.

Ключевые слова: Карагёз; теневой театр; шейхульислам Эбуссууд аль-Имади; ценностные предпочтения и заблуждения.

На разных исторических этапах логика культуры всегда обеспечивалась многообразием вызовов и подходов, заставляющих искать на них ясные ответы и системные подходы ради сохранения самобытности национального самосознания. Так становится понят-

Образцов Алексей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доцент НИУ ВШЭ в СПб (e-mail: 0708ural@mail.ru).

Сулейманова Алия Сократовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: suleymanova2001@mail.ru).

¹ Данная статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Парадигмальные “заблуждения” и их влияние на культуру и общество», № 19-011-00371 А.

ной специфика властных отношений, выстраивающихся на основе не всегда прозрачных ценностных предпочтений. Исторические и культуртрегерские факты, влияющие на формирование того или иного национального архетипа, играют роль некоего иррационально устойчивого момента социальной жизни. Зачастую этот момент является логически непрозрачным в силу сформированной прагматичной унификации.

Карагёз – турецкий фольклорный теневой театр – по праву считается достоянием турецкой культуры. Этот театр получил распространение достаточно поздно, но сразу завоевал любовь большинства зрителей. Правда, нашлись и те, кто видел противоречия между нормами шариата и театральным действием. В конце концов, это привело к конфликту, разрешать который было предложено самому шейхульисламу².

Существуют разные версии о происхождении Карагёза: дальневосточная (китайско-монгольская, индийская), египетская, греческая и т.д. Есть даже испано-португальская, якобы этот тип театра принесли на османские земли еврейские эмигранты с Пиренеев. Большинство легенд лгисто относит возникновение этого театрального действия к временам султана Орхана (1326–1360). Якобы, султан был недоволен задержками в строительстве мечети в Бурсе – тогдашней османской столице. Ему объяснили, что причина этого в том, что строители постоянно отвлекаются на шутки и розыгрыши, которыми обмениваются кузнец Карагёз и каменщик Хадживат. Самому султану эти шутки пришлись по вкусу, но он приказал прекратить веселье до окончания строительства. Увещевания султана не возымели действия и разгневанный Орхан приказал казнить смутьянов. Вскоре султан раскаялся и, чтобы сгладить случившееся, шейх Кюштери придумал теневой театр Карагёз. Это лишь легенда, доподлинно же известно, что этот театр распространился в Османской империи с XVI в., а окончательно его традиции сложились лишь к XVII в. Во всяком случае, представляется убедительным, что Карагёз прижился у османов после покорения Египта Селимом I Грозным (1512–1520). Иными словами, становление и развитие этого вида развлечений приходится на время, когда шейхульислам Эбулсууд аль-Имади возвысился и занимал свой высокий пост.

Фигурки театра делались из жесткой раскрашенной телячьей, буйволоовой, лошадиной или верблюжьей кожи и их изображе-

² Шейхульислам – в Османской империи высший авторитет (после султана-халифа) в вопросах права и веры.

ния проецировались на полупрозрачный экран (примерно 1 м на 1.5 м). Размер кукол был примерно 25–40 см. Управляются куклы горизонтальными тростями, а степень их подвижности зависит от количества деталей в изготовлении самой куклы. Фигура Карагёза состоит из 6–7 частей, а второстепенные персонажи могут быть цельными. Лица кукол вырезаны в профиль, торс развернут фронтально, обе ноги поставлены боком. Основная интрига строится на противопоставлении Карагёза и Хадживата, которые являются антиподами друг друга буквально по всем статьям: грамотный – безграмотный, задиристый – миролюбивый, сдержанный – похотливый и т.д. Разница подчеркнута цветом кукол: у Карагёза преобладает красный цвет, у Хадживата – зеленый.

Помимо главных героев частыми участниками представления являются Челеби, Зенне (женщина), Тирьяки (наркоман), Тузсуз Дели Бекир (самохвал и задира), Матиз (пьяница), Беберухи (карлик-сквернослов, крикун и плакса), Эфе (разбойник), Кюльханбей (гуляка, полуночник), Караденизли (лаз), Арап (араб), Иранец, Грек, Арнавут (албанец), Курд, Зейбек, Еврей, Армянин, Френк (европеец), Заика, Гнусавец и т.д., всего до ста персонажей³. Этнические персонажи широко представлены и в других жанрах турецкого фольклора, где обыгрывается их произношение, особенности поведения, внешний вид и т.п. Все персонажи предельно типизированы, может за исключением главных героев, а обобщение, типизация считались истолкованием той или иной фигуры.

Особенно популярны были представления Карагёза в ночи рамазана. Хотя кукольники не имели определенного постоянного графика выступлений и вынуждены были подрабатывать, они объединялись в особую корпорацию со своими правилами, системой обучения и обрядом посвящения.

Некоторые пьесы носят фривольный, а то и откровенно непристойный характер, хотя на представления допускались и дети. В своих «Путешествиях на Восток» Жерар де Нерваль (1808–1855) – известный представитель французской романтической школы – посвятил театру Карагёз отдельную главу, в которой довольно подробно пересказал содержание пьесы «Карагёз, жертва собственного целомудрия». В пьесе некий приятель (Хадживат?), отправляясь по делам в другой город, просит Карагёза присмотреть за его женой (Зенне?). Карагёз отнекивается, ссылаясь на собственную сексуальную привлекательность и неотразимость, но приятель настаивает,

³ Karagöz kitabı. İstanbul: Kitabevi, 2000. S. 90.

и герой вынужден уступить. Чтобы избежать домогательств дамы, Карагёз прикидывается то мостом, то уличным столбом, то ритуально нечистым пьяницей, то лучшим другом французского посла (Френк?). Вернувшийся супруг узнает о твердости и целомудрии Карагёза, поздравляет себя с тем, что у него есть настоящий друг. Автор замечает, что в обычных обстоятельствах слова «Карагёз» и «целомудрие» пришли бы в ужас от соседства друг с другом⁴.

Со временем, в представлениях Карагёза, особенно в прологе, который традиционно был не слишком соотносим с сюжетной основой пьесы, появляются критико-сатирические элементы.

Представление обслуживала целая труппа из 6–7 человек, но центральное место занимал кукловод (*hayalî/hayalci*), который управлял всеми куклами и озвучивал персонажей. Остальная труппа состояла из помощников (*çirak, sandikkâr*), музыкантов и исполнителей песен (*yardak, dayrezen*)⁵. Среди актеров театра было много цыган и евреев, недаром сам Карагёз считался цыганом. Последнее представление классического Карагёза состоялось в 1931 г. Однако с 1940-х годов развернулось движение за возрождение этого театра, а в 1970 г. появилось «Общество Карагёза», которое, помимо прочего, ведет и учебную деятельность. Бесспорно, что Карагёз оказал заметное влияние на становление и развитие современных турецких драматургии и театра.

Неудивительно, что такие представления вызывали возмущение и протест у части ригористично настроенной публики. В Османской империи ревнители чистоты ислама обратились к шейхульисламу за разъяснениями:

• 991⁶ ВОПРОС: Это имело место на благородном собрании упомянутого хатиба, под вечер играли представление теневого театра, это не произвело достойного впечатления, но (никто) не встал и не ушел, в сущности, на это смотрели сквозь пальцы, (в этих обстоятельствах) принести утром просьбу о прощении этого греха, разве не считалось бы вещью, соответствующей шариату?

• 992 ВОПРОС: Однажды вечером на одном собрании давали представление теневого театра, на этом собрании даже присутствовали означенные имам и хатиб, а если (они) смотрели представление до конца, не является ли желательным, по нормам шариата, смещение с постов имама и хатиба означенных лиц?

⁴ *Жерар де Нерваль*. Путешествие на Восток. М., 1986. С. 379–390.

⁵ Karagöz kitabı. İst.: Kitabevi, 2000. S. 90.

⁶ Нумерация вопросов и ответов дается по изданию: *Düzdağ M.E. Şeyhülislâm Ebussuud Efendi fetvaları ışığında 16. Asır Türk hayatı*. İst., 1972.

• 993 ВОПРОС: О театре теней некоторые проницательные люди говорят (далее следует арабский дефектный текст). Да еще говоря, что это «назидание людям», существует ли на это соизволение?

Казалось бы, ответ на заданные вопросы очевиден, так как, действительно, героями представлений были фигуративные изображения, отбрасывающие тень. Как правило, протесты базировались на распространенном мнении, что ислам не одобряет изображения живых существ. С XIII в. считалось, что запрещено любое изображение, отбрасывающее тень, поскольку признаком живого существа считалась способность создавать подвижный образ на каком-либо фоне. Один из богословов (Навави, XIII в.) дошел до запрета детских кукол и фигурок на праздничных тортах⁷. Считается, что неприязнь исламских ригористов к формотворчеству восходит к опасению поклонения этим формам/образам. Широко распространено такое объяснение: в Судный день от творцов образов потребуются их оживить, но это прерогатива лишь Аллаха. Рукотворные образы не должны посягать на постоянство, поскольку «не верьте снам, ибо зыбкие образы сего мира суть преходящие сны»⁸. А сны должны исчезать прямо у нас на глазах. Не менее известно и утверждение, что ангелы не входят в дом, где есть собака⁹ и/или изображения.

Но, с другой стороны, известна легенда, что сам Мухаммед повелел сохранить на стенах Каабы изображения Авраама и Богородицы с младенцем. Столь же известно, что жена пророка пользовалась подушкой с фигуративной вышивкой. Да и среди хадисов легко отыскать и такие: «Бог вложил красоту во всякую вещь» и «Бог красив и любит красоту».

Чтобы прояснить этот вопрос полезно вспомнить статью одного из выдающихся французских востоковедов – Луи Масиньона «Методы художественного выражения у мусульманских народов»¹⁰, которая появилась более полувека тому назад. Автор справедливо утверждает, что в Коране на изображение форм запрета нет, но

⁷ Масиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 47.

⁸ Шукуров Ш.М. Образ человека в искусстве ислама. М., 2004. С. 51.

⁹ Хотя собака считается нечистым животным, их принято подкармливать. На улицах современных турецких городов легко заметить специальные поилки для бездомных собак.

¹⁰ Масиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 46–59.

осуждение формотворчества есть в некоторых хадисах. Между тем вся богатейшая изобразительная традиция мусульманских народов зримо противоречит этим запретам.

Искусство ислама – это взаимодействие трансцендентного и имманентного, т.е. внеличного Закона и сложившихся Правил¹¹. Следует напомнить, что исламское искусство принципиально метафорично, т.е. следует созерцать не то, что видится, а то, что лежит за видимым планом. Иными словами, видимое не только то, что видно, но и то, что представлено этой видимостью. Иначе говоря, именно модифицирующий Закон фактор Правил позволяет и заниматься созидательной деятельностью, и адекватно воспринимать результаты этой деятельности через интерпретацию. Художественный образ же, особенно типизированный, может рассматриваться как акт толкования¹². По большому счету строго и последовательно соблюдался лишь запрет на изображение Аллаха и лика Пророка, последнее не столь последовательно. Первоначально Пророков изображали с круглым ореолом и с вуалью на лице. Уже в Тимуридский период¹³ Пророк, его зять Али и их потомки обозначались языком пламени, ореолом и/или нимбом. В XVI в. лицо, а позже и фигуру Пророка, стали закрывать¹⁴ белой вуалью. Обобщающий образ может рассматриваться как стилизация, которая помогает проникнуть в суть предмета. Легко можно возразить, что приведенные аргументы относятся к «высоким» видам искусства: архитектуре, каллиграфии, музыке и, отчасти, миниатюре. Карагёз же – искусство площадное, сниженное, а подчас и вульгарное. Разумеется, разные виды искусства не могут обладать одинаковой степенью духовного знания, но даже наиболее мирские проявления искусства не могут быть отделены или отчуждены от исламской духовности¹⁵. Не лишне напомнить, что в исламе нет строгой границы между сакральным и профанным, а видимые различия между ними преодолеваются через метафизическое знание,

¹¹ Шукуров Ш.М. Образ человека в искусстве ислама. М., 2004. С. 9.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Тимуриды – средневековая среднеазиатская тюрко-монгольская династия, правившая на территории Мавераннахра и современных Ирана и Ирака с 1370 до 1507 г. Основателем династии был знаменитый полководец Тамерлан/Тимур. Один из представителей династии Тимуридов, Захир ад-дин Мухаммад Бабур, в 1526 г. основал династию Великих Моголов в северной Индии.

¹⁴ Али В. Проблемы понимания исламского искусства // Единство красоты. М., 2019. С. 78–79.

¹⁵ Там же. С. 83.

либо снимаются слиянием всех сторон жизни в священное единство, за пределами которого не существует ничего¹⁶.

Именно этими положениями, видимо, и руководствовался шейхульислам, давая ответы на вопросы, касающиеся соответствия представлений театра Карагёз нормам шариата¹⁷. К этому времени пост шейхульислама занимал Эбуссууд аль-Имади (1490–1574) – известный турецкий богослов, сын шейха Мухаммеда Явси Искилиби (ум. 1514). По линии матери он состоял в родстве со знаменитым математиком и астрономом Али Кушчи. Предположение о курдском происхождении Эбуссууда на сегодняшний день считается ошибочным. Начальное образование получил в доме отца. Среди его учителей были известные богословы своего времени Мюейед Абдуррахман, Мевляна Сейид Карамани и Ибн Кемаль. Узнав о выдающихся способностях молодого человека, султан Баязид II (1481–1512) назначил ему жалование челеби в 30 акче. В 1516 г. Эбуссууд начинает карьеру преподавателя в медресе Исхака-паши в Инегёль, затем продолжил в медресе Давуда-паши (1520), Махмуда-паши (1521), а затем получил назначение в медресе Мустафы-паши в Гебзе (1524). В 1525 г. мы уже видим его на должности в Бурсе, в медресе Султани, а в 1527–1528 гг. – в медресе Мюфти. В 1532 г. он занимает пост кадия Бурсы, в 1533 г. – кадия Стамбула, в 1537 г., во время похода на Корфу – кадиаскера Румелии, а с 1545 г. становится шейхульисламом. На этом посту он прослужил 30 лет, установив своеобразный рекорд в Османской истории, сохранив должность при двух султанах: Сулеймане Кануни и Селиме II. За вклад в развитие богословских знаний удостоился почетного прозвища Ходжа Челеби. Отличался феноменальной работоспособностью, рассказывают, что однажды он за день составил 1400 фетв, а некоторые из султанских кануннаме¹⁸ приписывают лично ему. Большой популярностью пользовался и его тавсир¹⁹ к Корану. Вопрос об отношении Эбуссууда к суфизму остается спорным, но большинство исследователей²⁰ указывают на влияние его отца – известного суфийского шейха. В то же время он выдал фетвы на казнь таких известных шейхов, как Исмаил Машуки, Мухиддина Карамани и Хамзы Бали. Эбуссууд считал, что

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ Фетва – разъяснения шейхульислама, касательно вопросов веры и права. Как правило, фетва оформлялась как ответ на некий вопрос.

¹⁸ Свод правил и уложений.

¹⁹ Развернутый комментарий.

²⁰ Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi. Devirler, İsimler, Eserler, Terimler. C2. İst., 1977.

их воззрения выходят за рамки шариата. Между тем известно его высказывание, что хакикат и тарикат являются избранной частью и сутью шариата. Характерно следующее высказывание, приписываемое шейхульисламу: «Знания/наука Всевышнего – безбрежное море, шариат – его берег. Мы – люди берегов. Величайшие шейхи – нырнули в безбрежные воды. Вот, и не нам с ними спорить». Однако более отчетливых шагов в сторону суфизма мы не видим. На посту шейхульислама Эбусууд развел бурную деятельность и запомнился как изданием большого количества фетв, так и их содержанием. Среди них были фетва, объявившую езидов и кызылбашей вне закона; фетва, поддержавшую войну против Кипра; фетва, узаконившая театр теней Карагёз в Османской империи и диктовавшая его правила; фетва, регламентировавшая потребление кофе, антивампирская фетва, а также фетвы на казнь двух шехзаде – потенциальных наследников престола империи – Мустафы и Баязида. Эбусууд владел арабским, персидским и турецким языками, так что писал на них стихи. Может быть, поэтому он защищал творения Хафиза от нападок ханжей и невежд. Некоторые фетвы и их резюме имеют стихотворные вставки²¹.

В данном случае нас интересуют фетвы относительно теневого театра Карагёз, в которых шейхульислам отошел от расхожего подхода к теневому театру:

• 991 ОТВЕТ: Мусульманину следует предоставить (право) знать и отличать с наибольшей вероятностью, что почтенно и величественно, а что низко и презренно, и действовать в соответствии с этим.

Такой ответ, очевидно, напоминает, что искусство в любом проявлении акцентирует не наружный вид объекта, но его внутреннюю реальность. А понимание и постижение этой реальности есть признак зрелого ума и твердых устоев веры. Вообще, «одним из важнейших качеств Человека в Исламе является его способность постижения и толкования сокровенного»²². «Другими словами, не сам изобразительный знак несет в себе информацию и является образом чего-то другого, а важно то, что зритель в результате настойчивой процедуры расподобления узнает в этом образе»²³.

• 992 ОТВЕТ: Если (они) смотрели для назидания, размышляя о божественной сущности человека, то ответ «нет».

²¹ Ibid. S. 416–417.

²² Шукуров Ш.М. Искусство и тайна. М., 1999. С. 191.

²³ Там же. С. 202.

Далее следует к'ыта на арабском языке: «Этот теневой театр для некоторых, что наука истины, и потому весьма поучителен. Ибо личности и фигуры возникают и быстро исчезают. Между тем остается тот, кто приводит их в движение».

• 993 ОТВЕТ: Существует. Среди сведущих – эта диковинка сливет истинным назиданием.

Боговдохновенное назидание, безусловно, считается благом, даже если его конкретная форма вызывает вопросы. Тем более что эти явленные формы столь преходящи и иллюзорны. Сам кукловод – суть метафора Творца, а само представление «между сном и явью» – метафорический образ брэнного мира. Вообще говоря, «понимание вещи целиком и полностью основывается на ее толковании, а явленность вещи заведомо предполагает ее толкование»²⁴. Поучительное назидание через метафорическое истолкование образа равно дозволены и приветствуются, ибо и прививают полезный навык, и несут должную смысловую нагрузку. Более того, «без интерпретации, без установления истинных параметров понимание любого явления культуры Ислама оказывается недостаточным и, соответственно, неполным и неистинным»²⁵.

Сравнивая вопросы и ответы по данному вопросу, легко заметить, что задающий вопрос и отвечающий на него, говорят как бы на разных языках. Одни апеллируют к расхожему толкованию исламского Закона, отдавая дань символическому толкованию театрального действия. Шейхульислам же в своих рекомендациях, опираясь на метафорическую природу исламского искусства, призывает к истолкованию действия на основе сравнения, что приводит к очевидной душевспасительной пользе через назидание.

Таким образом, умозаключения шейхульислама закрепили за театром Карагёз статус дозволенного, что предопределило и его место в культурной среде, и его долговечность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Али В. Проблемы понимания исламского искусства // Единство красоты. М., 2019.
2. Масиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 46–59.
3. Ж. де Нерваль. Путешествие на Восток. М., 1986. С. 379–390.
4. Шукуров Ш.М. Искусство и тайна. М., 1999.
5. Шукуров Ш.М. Образ человека в искусстве ислама. М., 2004.

²⁴ Там же. С. 192.

²⁵ Шукуров Ш.М. Искусство и тайна. М., 1999. С. 193–194.

6. *Batur S. Karagöz ile Hacivat. İst.: Altın, 2006.*
7. *Düzdağ M.E. Şeyhülislâm Ebussuud Efendi fetvaları ışığında 16. Asır Türk hayatı. İst., 1972.*
8. *Karagöz kitabı. İst., 2000.*
9. *Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi. Devirler, İsimler, Eserler, Terimler. C2. İst., 1977.*

Alexey V. Obratsov, Aliya S. Suleymanova

SHAYKH AL-ISLAM AS A PROTECTOR OF KARAGÖZ THEATER

Saint-Peterburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 1999034

The paper focuses on the social debates in the Ottoman Empire of the mid-16th century regarding the role of the Turkish shadow play (Karagöz). Karagöz – the Turkish shadow play which is rightly considered to be a national and cultural asset of Turkey – presumably originated in the 16th century and reached the height of its fame and popularity in the 18th century having become a preferred kind of entertaining performance given mainly in coffeehouses, meyhanes and private homes. Since the puppets of the characters portrayed humans and cast shadows, Karagöz performances suffered criticism and disapproval on the part of Muslims. A number of requests to denounce and ban such performances were addressed to the shaykh al-Islam. On the contrary, the shaykh al-Islam Ebussuud el-İmadi supported the metaphorical approach to works of art and, therefore, issued fatwas justifying Karagöz plays. His main arguments in favor of Karagöz plays were the following: the characters represented exceptionally standardized social types, while the plays themselves were highly edifying.

Key words: Karagöz; Turkish shadow play; Ebussuud el-İmadi; axiological (value-based) preferences and illusions (misconceptions).

About the authors: *Aleksey V. Obratsov* – PhD (Literature), Associate Professor of the Department of Turkic Philology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University. He is also Associate Professor at the National Research University Higher School of Economics (e-mail: 0708ural@mail.ru); *Aliya S. Suleymanova* – PhD (Literature), Associate Professor of the Department of Turkic Philology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University (e-mail: suleymanova2001@mail.ru).

REFERENCES

1. *Ali V. Problemy ponimaniya islamskogo iskusstva. Edinstvo krasoty.* [Problems of Understanding Islamic Art] Moscow, 2019. (In Russ.)
2. *Masin'on L. Metody khudozhestvennogo vyrazheniya u musul'manskikh narodov. Arabskaya srednevekovaya kul'tura i literatura.* [Les methods de realization artistique de peuples de l'Islam] Moscow, 1978, pp. 46–59. (In Russ.)

3. Zherar de Nerval'. *Puteshestvie na Vostok*. [Voyage en Orient]. Moscow, 1986, pp. 379–390. (In Russ.)
4. Shukurov Sh.M. *Iskusstvo i taina*. [Art and Secret]. Moscow, 1999. (In Russ.)
5. Shukurov Sh.M. *Obraz cheloveka v iskusstve islama* [The Image of Human Beings in Islamic Art]. Moscow, 2004. (In Russ.)
6. Batur S. *Karagöz ile Hacivat*. [Karagöz and Hacivat]. İstanbul, 2006. (In Turkish)
7. Düzdağ M.E. *Şeyhülislâm Ebussuud Efendi fetvaları ışığında 16. Asır Türk hayatı*. [The Life of Turks of the 16th Century within the Meaning of the Shaykh al-Islam Ebussuud el-İmadi's fatwas]. İstanbul, 1972. (In Turkish)
8. *Karagöz kitabı*. [The Karagöz Book]. İstanbul, 2000. (In Turkish)
9. *Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi. Devirler, İsimler, Eserler, Terimler*. [The Turkish Language and Literature. Encyclopedia. Periodization, Authors, Works, Terms]. İstanbul, 1977. T. 2. (In Turkish)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.М. Напольнова

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛЕКСИКЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Университет Озйегин

Nişantepe, Orman Sk. No:13, 34794 Çekmeköy/İstanbul

Идентичность выражается в отнесении индивидуумом себя к определенным социальным группам. На рубеже XX–XXI вв. в особую актуальность приобрел вопрос о взаимосвязи между национальным языком и национальной идентичностью. В турецкой лексике зафиксированы особенности изменения представлений об этнической и национальной идентичности. Тюркская лексема *el* ‘чужой’ в турецком языке является архаизмом. В значениях ‘чужой’ и ‘иностранец, иностранный’ используется *yabancı*, которую принято считать персидским заимствованием. Антонимами *yabancı* в значении ‘иностранный’ являются *Türk* ‘тюркский, турецкий’ и *yerli* ‘местный’. Значение *yabancı* ‘чужой’ может выражаться синтаксически и морфологически. Для *yabancı* нет синонимичного тюркского слова, что было обусловлено исторической приоритетностью не этнической или национальной, а религиозной и классовой идентичности (*müslüman* vs. *gâvur* ‘безбожник’; *Osmanlı* vs. *Türk*). Национальная идентичность турков связана с историческими событиями начала XX в. *Türk* в настоящее время имеет три значения: широкое этноязыковое, узкое этноязыковое и политическое, контаминация которых зачастую порождает неправомерные суждения в отношении других государств и народов. В ходе языковой революции в турецком закрепился ряд лексем, созданных на основе тюркских корней для замены арабо-персидских заимствований и отражавших новые политические реалии (*ulus* ‘нация’, *uyruk(luk)* ‘гражданство’, *ülke* ‘страна’, *yurt* ‘Родина’). Наряду с идентификацией национального и государственного уровня продолжает сохраняться внутреннее определение, которое выражается в стандартном вопросе о месте происхождения собеседника.

Ключевые слова: турецкий язык; лексика турецкого языка; турецкая национальная идентичность; языковое сознание турков.

Идентичность выражается в отнесении индивидуумом себя к определенным социальным группам, выделяемым на основе

Напольнова Елена Марковна – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Высшей школы иностранных языков университета Озйегин (e-mail: elenapolnova@yahoo.com).

разных признаков – биологических, профессиональных, культурно-языковых, гендерных, возрастных и пр. Ввиду значительных политических перемен, произошедших на рубеже XX–XXI вв., по ряду социальных причин особую актуальность приобрел вопрос о взаимосвязи между национальным языком и национальной идентичностью¹. Оставив в стороне политическую и социологическую стороны этого вопроса, мы рассмотрим отражение идентичности в лексике современного турецкого языка (ТЯ).

Идеи о связи «народного духа» с языком народа, принадлежащие В. Гумбольдту, лежат в основе многих современных лингвистических исследований. Его известное высказывание о народе, обведенном кругом своего языка, выйти из которого можно только перейдя в другой круг, отражает роль языка как важнейшего этнодифференцирующего признака в двух аспектах.

Во-первых, через родной язык его носителям предаются культурно значимые знания об окружающем мире, в отношении совокупности которых в настоящее время используются такие, как «картина мира», «языковая картина мира», «модель мира». Все передаваемые наивные «знания» настолько естественны и определяющи для представителей каждой культурно-языковой общности, настолько глубоко «зашифрованы» в родном языке, что не подвергаются сомнению его носителями и могут осознаваться только при сравнении со «знаниями» представителей другой культурно-языковой общности. Несовпадение тех и других может создавать определенные трудности при их практическом усвоении, порой вызывает удивление при ознакомлении с ними и способно приводить к серьезным коммуникативным сбоям как на уровне непосредственного общения, так и на уровне перевода как особого вида коммуникативной деятельности. Несмотря на то что такого рода межъязыковые различия могут усваиваться иностранцем только на уровне знаний, но не становятся частью его мироощущения, соответствующую «информацию» необходимо доводить до сведения изучающих иностранный язык для предотвращения коммуникативных ошибок: «...за словом родного языка стоит множество знаний и умений, связанных с культурным предметом, которое оно (слово) обозначает, а когда мы переходим

¹ Подробнее см.: *Джозеф Дж.* Язык и национальная идентичность // Логос: Философско-литературный журнал. № 4 (39) 2005. № 4. С. 4–32; *Кузнецова Е.В.* Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. Филологические науки. № 3 (98). 2011. С. 102–105.

на язык другой культуры, то мы можем усвоить, как правило, только знания»².

Во-вторых, такого рода «знания» касаются не только физических реалий и виртуальных сущностей, но и социальной среды, в том числе они содержат языковые обоснования идентичности народа и личности. «Именно информационные различия приводят к выделению “своих” и “чужих” групп, которое наблюдалось уже в эпоху первобытности <...> “Чужие” оценивались первобытным человеком негативно, считалось, что их следует либо избегать, либо уничтожать. Именно неизменная принадлежность человека к определенной группе в условиях традиционного общества являлась условием “беспроblemной” идентификации»³. На ранних стадиях формирования народов их позитивная этническая идентичность априори предполагала признание превосходства представителей собственного народа перед всеми другими: «... идея избранничества ... в том или ином виде, в той или иной степени ... обнаруживается у любого этноса на какой-то стадии его развития»⁴ – за счет такого подхода группа строит самоидентификацию на основе отторжения всего чужого⁵. С этой точки зрения язык, «очерчивая круг» вокруг своих носителей, признаваемых «правильными», «совершенными» и пр., оставляет за пределами этого круга носителей всех других языков, которые через форму их языковой номинации могут признаваться «странными», «непонятными», «несовершенными» и т.д. Негативная оценка представителей других этносов может оязыковываться исходя из разных оснований. Распространенным фактором являются языковые различия. В качестве классического примера такого отношения обычно приводится уничижительное определение *barbar*, использовавшееся древними греками в отношении других народов и основанное на имитации фонетики языка «чужих». Неспособность «чужих» говорить на привычном «своем» языке, являющемся главным инструментом взаимодействия членов социума, оценивалась отрицательно и в других культурах, например, русск. *немец* от *немой*.

² Подробнее см.: Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М., 2016. С. 23.

³ Лысак И.В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6. С. 37.

⁴ Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996. С. 139.

⁵ Подробнее см.: Головкин Е.В. Язык и самоидентификация. Язык и этничность. URL: window.edu.ru/resource/469/38469/files/spr0000035.pdf

В отдельных случаях могут быть выявлены конкретные исторические причины признания «чужих» «несовершенными»: отрицательная коннотация англ. *Dutch* ‘голландский’ «проявляется во фразеологии, отчасти, правда, устаревшей. Ср. *Dutch bargain* ‘сделка, заключаемая за бутылкой вина’, <...> *Dutch concert*, ‘кошачий концерт’ = ‘кто в лес, кто по дрова’, <...>. Отрицательные коннотации лексемы *Dutch* восходят к XVII веку – времени ожесточенного политического и военного противоборства Англии и Голландии за господство на морях и колониальные приобретения <...>⁶. Отраженное в языке отрицательное отношение одних народов к другим зачастую формировалось именно в ходе военных конфликтов также и в более поздний исторический период (ср. русск. *фрицы*).

В ряде случаев конкретных причин неприятия «чужих» не обнаруживается, и они просто признаются «странными»: русск. *странный*, *странник*, *страна*, англ. *strange*, *stranger*, итал. *strano*, *straniero* и др. Отдельные примеры языкового выражения неприятия «чужих» требуют специальных лингво-культурологических исследований, так, например, в китайском языке «чужие» не слишком лестно характеризуются словом *sheng ren* ‘незнакомый, чужой’, где *ren* ‘человек’, а *sheng* ‘неопытный’, ‘неспелый, незрелый, зеленый, сырой’ (об овощах, мясе)⁷.

Развитие идентификации от племенной или клановой к этнической и национальной стало причиной того, что во многих языках лексемы со значением ‘чужой’ приобрели значение ‘иностранный’: англ. *foreign* ‘чужой, иностранный, внешний, зарубежный’, нем. *fremd* ‘чужой, посторонний, иностранный’, болг. *чужд* ‘чужой, иностранный’; а определения, используемые в отношении представителей других государств, в современных языках выражаются обычно сложными лексемами: нем. *aus-ländisch* ‘иностранный’, чеш. *za-hraniční* ‘иностранный’, фин. *ulko-mainen* ‘иностранный’ (букв. внешний-как).

В лексике ТЯ зафиксирован ряд интересных особенностей изменения представлений о сущности этнической и национальной идентичности. Присутствующая в современном ТЯ лексема *el* ‘чужой’ представлена как в древнетюркских памятниках, так и во многих тюркских языках в форме ЕЛ и И:Л со значениями ‘народ’, ‘люди’, ‘племенной союз’, ‘чужой человек’, ‘государство’, ‘поддан-

⁶ Подробнее см.: Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект). Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 169.

⁷ Китайско-русский словарь / Гл. ред. Ся Чжунъи. М., 2008. С. 750.

ные', 'страна', которые отражают разные уровни идентичности⁸. Взаимосвязь между этими значениями доказана, хотя словарь ТЯ Турецкого лингвистического общества признает *el* 'чужой' и *el* 'страна; народ' омонимами⁹. Таким образом, само по себе *el* исконно не соотносилось исключительно с «чужими».

Изменение представлений о «чужих» должно было произойти вследствие миграции тюрков-огузов в Малую Азию параллельно со сменой ареала обитания, контактных этнических групп, народов и государств, основного способа производства, государственно-политической системы и культурной парадигмы – всего того, что определяло их этническую идентичность. При этом «социальная структура общества усложнялась, становясь все более многослойной. На фоне выхода индивида за границы традиционного общества стали значимыми новые основания дифференциации – культурная, национальная, религиозная»¹⁰. Это глобальное изменение не могло не отразиться в языке.

В современном общенациональном ТЯ *el* является архаизмом, используется в основном в фразеологизмах, и за ним сохранилось только обобщенное значение 'чужой'¹¹; в некоторых диалектах ТЯ это слово имеет территориальное значение 'страна', 'область'¹², а в значении административной территориальной единицы 'область, край' используется в общенациональном ТЯ в форме *il*, не ассоциирующейся у носителей с *el* и введенной в язык искусственно в ходе языковой реформы для замены арабского заимствования *vilayet* с тем же значением. Таким образом, в связи с коренными изменениями базовых социально-политических представлений, *el* полностью закрепилось на бытовом уровне, лишилось соотнесенности с государственностью и этнической идентификацией.

Изменение культурной парадигмы вследствие принятия ислама привело к заимствованию в ряд тюркских языков значительного количества арабо-персидских слов. Два из них, присутствующие в ТЯ, отражали представления соответствующих народов о сущности «чужих» с точки зрения их собственной национальной культуры.

⁸ См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 339–343.

⁹ Türk Dil Kurumu. URL

¹⁰ Барышникова И.В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестн. Волгоградск. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2. С. 166.

¹¹ URL: www.tdk.gov.tr

¹² URL: www.tdk.gov.tr/ndex.php?option=com_ttas

В ТЯ в обоих значениях – ‘чужой’ и ‘иностранец, иностранный’ – используется единая лексема *yaban-cı*, где *-cı* [-dži] воспринимается как распространенный в ТЯ морфологический показатель производителя действия (DOER) (например, *yalan-cı* ‘лжец’ от *yalan* ‘ложь’, *sat-ıcı* ‘продавец’ от *sat-* ‘продавать’). Однокоренные *yaban* ‘пустыня, дикое место’ и *yaban-i* (дикое место-ADJ) ‘дикий’ характеризуют дикие растения и животных (например, *yaban sarımsağı* ‘дикий чеснок, черемша’, *yabani domuz* ‘дикая свинья, кабан’), а также лиц в значении ‘грубый, неотесанный’¹³. Персидский морфологический показатель *-i* в ТЯ присутствует в ряде прилагательных, отмечающих принадлежность обозначаемого к географическому пункту, этнической, национальной группе, сообществу, лицу, предмету¹⁴. В словаре ТЯ Турецкого лингвистического общества¹⁵ упоминается, что эти слова заимствованы из персидского, и в качестве источника указываются перс. *yābān* и *yābānī*. В словаре староосманского языка¹⁶ оба эти слова также отмечены как персидские заимствования: *yābān* ‘пустыня’ и *yābānī* ‘живущий в ненаселенном месте, дикий’, там же приводится перс. *yābande* со значением ‘находящийся’. Между тем в персидском языке нет слов *yābān* и *yābānī*¹⁷, они не отмечены также и в этимологическом словаре иранских языков¹⁸; в значении ‘пустыня, безводная степь’ используется *biyāban*, от префикса *bi-* со значением ‘лишенный чего-либо’ и *āb* ‘вода’, т.е. ‘засушливое место’, производными от которого являются *biyābani*, *biyābangārd*, *biyābangārdi* со значениями ‘живущий в пустыне, степной, кочевой, намад’¹⁹. Таким образом, в процессе лексического заимствования в ТЯ произошел интересный культурно-семантический сдвиг: исконное персидское слово, по всей вероятности, утратило префикс (возможно, ввиду контаминации с названным *yābande*), плюс, вопреки тому, что исконно носителями номадической культуры являлись именно сами турки, «чужими» оказались признаны кочевники.

¹³ URL: www.tdk.gov.tr

¹⁴ См.: Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 147–148.

¹⁵

¹⁶ Devellioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. Ankara, 1984. С. 1387.

¹⁷ Персидско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 / М.Н. Османов, Д.Х. Дорри, Л.Н. Киселева и др. М., 1985. С. 738.

¹⁸ См.: Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 4: i-k. М., 2011.

¹⁹ Персидско-русский словарь: В 2 т. С. 232.

В отличие от языков, в которых для указания на представителей других государств имеются специальные слова, в ТЯ такого слова нет, *yabancı* совмещает оба значения – ‘чужой’ (*yabancı araç* (чужой транспортное средство) ‘посторонние машины’) и ‘иностранный’ (*yabancı turist-ler* (иностранный турист-PL) ‘иностранные туристы’, *yabancı dil* ‘иностранный язык’). Совмещение обоих значений в одном слове обуславливает использование определения *dış* ‘внешний’ в отношении международной деятельности турецких государственных и частных органов и организаций: *dış ilişki-ler* (внешний связи-PL) ‘международные связи’, *dış-iş-ler-i bakanlık-ı* (внешний дело-PL-POSS3SG министерство-POSS2SG) ‘министерство иностранных дел’. Хотя в TDK (имеется в виду источник, который во всех сносках обозначен как *tdk.gov.tr*) указаны некоторые заимствования, синонимичные *yabancı* ‘иностранный’, к настоящему времени они полностью архаизированы.

Антонимами *yabancı* в значении ‘иностранный’ являются *Türk* ‘тюркский, турецкий’ и *yer-li* (место-INS) ‘местный’, имеющие различную сочетаемость: первое используется как в отношении людей (*Türk öğrenci* ‘турецкий студент’), так и в отношении неодушевленных объектов (*Türk mal-ı* (турецкий товар-POSS3SG) ‘турецкий товар’), а последнее – в отношении товаров, в том числе производимых в Турции, а также других народов: *yerli mal* (местный товар) ‘товар, производимый в Турции’, *yerli üretim* (местный производство) ‘товар, произведенный на территории Турции’, *yerli-ler* (местный-PL) ‘аборигены’.

Значение ‘чужой’ может выражаться синтаксическим и морфологическим способами: *bura-li değil* (это.место-INS нет) ‘не здешний’, *bizim değil* (наш нет) ‘не наш’, *bil-in-me-yen* (знать-PASS-NEG-PC) ‘неизвестный’, *tan-in-ma-yan* (знать-PASS-NEG-PC) ‘незнакомый’ и др., с антонимами *bizim* ‘наш’, *kendi* ‘свой’, *bura-li* (это.место-INS) ‘здешний’, *bura-nın* (например, *bura-nın köpeği* (это.место-GEN собака-POSS3SG) ‘здешняя собака’). Наличие альтернативных средств выражения несколько снижает частоту использования *yabancı* в значении ‘чужой’.

Yabancı в ТЯ также используется в естественных науках и медицине: *yabancı madde* ‘постороннее вещество’, *yabancı cisim* ‘постороннее тело’. Можно предположить, что источником такого использования является калькирование иностранных слов: нем. *Fremdstoff*, англ. *foreign matters/body* ‘постороннее включение’.

Следствие своего заимствованного характера *yabancı* не имеет отрицательной коннотации, не соотносится носителями со словом *yabani* ‘дикий’.

Еще одно слово, в языке-источнике соотносимое с носителями другого языка и имеющее в нем отрицательную коннотацию, является арабским заимствованием: судя по словарю староосманского языка²⁰, *ācāt* вошло в староосманский в значениях ‘иностранец’, ‘иранец’, ‘неумелый, неопытный’ и, исходя из совокупности его значений, отражает пренебрежительное отношение арабов к иранцам. В персидском для *ādjām* указываются значения ‘неараб, человек, не умеющий говорить по-арабски, косноязычный’²¹ (ср. русск. *немец*). В современном ТЯ у этого слова значения ‘иностранец’ и ‘иранец’ фактически утрачены (в частотном словаре письменного ТЯ²² это слово не приводится), и активно используется главным образом *acemi* ‘неумелый, неопытный, новичок’; например, *acemi birliğ-i* (неопытный объединение-POSS3SG) ‘войсковая часть, в которой новобранцы проходят первичное обучение (учебка)’.

Таким образом, в староосманский, а затем в ТЯ вошли два иностранных слова, отражавших презрительное отношение соответствующих народов к представителям других культур и носителям других языков, однако вследствие заимствованного характера обе лексемы лишились своей уничижительной коннотации и соотнесенности с представителями определенного культурно-языкового сообщества.

Использование заимствования *yabancı* для обозначения всех «чужих» при отсутствии синонимичного тюркского слова имеет под собой вескую культурно-политическую причину: в таковом не ощущалось безусловной необходимости, так как в дореспубликанский период в стране приоритетной являлась не этническая или национальная, а религиозная и классовая идентичность. Первая оязыковлялась в оппозиции *müslüman* (от араб. *muslim* и перс. показателя *-ān*) ‘мусульманин’ vs. *gâvur* ‘безбожник’²³ (от перс. *gebr* ‘огнепоклонник’²⁴); в связи с этим первичным значением иногда отмечается, что *gâvur* применимо только к представителям религий, не имеющих Священных Писаний): «Для турок всегда была характерна самоидентификация через религиозную, а не этническую принадлежность. На вопрос “Кто он?”, турок всегда отвечает: “Я – мусульманин”. Мусульманин и турок – эквивалентные понятия»²⁵.

²⁰ Devellioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. Ankara, 1984. С. 7–8.

²¹ Персидско-русский словарь: В 2 т. С. 99.

²² Göz İ. Yazılı Türkçenin kelime sıklığı sözlüğü. Ankara, 2003.

²³ URL: www.tdk.gov.tr

²⁴ Devellioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. Ankara, 1984. С. 338.

²⁵ Гордлевский В.А. Избр. соч. Т. 3. М., 1962. С. 76.

Классовая идентичность выражалась в противопоставленности *Osmanlı* vs. *Türk*. У *Osmanlı* (Осман-ABS), без сомнения, существовало общенациональное значение «подданный великой тюркской империи, основанной в XIII в. Османом Гази и распавшейся в результате Первой мировой войны»²⁶ (перевод наш. – Е.Н.), однако на практике даже в настоящее время это слово может характеризовать представителей исторической элиты турецкого общества: *Yani koca-n bir Osmanlı-dır* (т.е. муж-POSS2SG османец-IND) ‘То есть твой муж – османец’²⁷ (высказывание носителя ТЯ зафиксировано в 2018 г. в отношении человека, предки которого были представителями интеллигенции в Османской империи).

В противоположность *Osmanlı* в отношении *Türk* указывается, что «во времена Османской империи слово необоснованно использовалось в значении “неотесанный, непонятливый”»²⁷. Вопрос происхождения этой лексемы не нашел однозначного решения. Ее этимологию связывают с различными культурными и социальными фактами. В целом принято считать, что «термин *türk* “не этническое, но политическое название” и что этот термин выступает как “собирательное имя военного союза племен”»²⁸. При этом можно предположить, что в древнетюркском языке у *türk* со значением ‘союз племен, создавших тюркский каганат’ имелась совершенно иная – положительная – коннотация ввиду наличия омонима ‘сильный, могучий; самый обильный, предельный’²⁹.

Национальная идентичность современных турков непосредственно связана с деятельностью М.К. Ататюрка и историческими событиями начала XX в., когда сохранение государственности потребовало объединения разных слоев общества и лексема *Türk* (‘турецкий/тюркский’) была вынесена в название государства – *Türk Cumhuriyeti* ‘Турецкая Республика’, однако в силу ряда политических причин (их мы не касаемся в данной статье) в настоящее время она имеет три значения, которые можно условно назвать:

- 1) широкое этноязыковое – ‘народы тюркской языковой группы’;
- 2) узкое этноязыковое – ‘тюркоязычный народ, проживающий в основном на территории Малой Азии и составляющий большинство населения Турецкой Республики’;

²⁶ URL: www.tdk.gov.tr

²⁷ Ağakay M.A. Türkçe Sözlük. Ankara, 1966. С. 731.

²⁸ Кононов А.Н. Опыт анализа термина *türk* // Советская этнография. 1949. № 1. С. 47.

²⁹ Древнетюркский словарь / Ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969. С. 599.

3) политическое – ‘(все) граждане Турецкой Республики’ (вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности).

В ходе языковой реформы, направленной на замещение арабо-персидских заимствований, первое из перечисленных значений, можно сказать, было подкреплено тем, что для образования неологизмов использовались слова и морфологические показатели, почерпнутые из тюркских письменных памятников, и таким образом усиленно подчеркивалось единство тюркских корней. Несомненно, определенную роль в этом процессе сыграли наличие значительных диалектных различий, диффузность и ненормированность ТЯ как разговорного в дореформенный период: в противоположность тому, что «носители, например, английского или французского языков имеют совершенно определенное представление о “границах” своих языков, они твердо знают, что принадлежит этим языкам, а что находится за их пределами <...>. Другие языковые коллективы <...> в силу определенных социальных причин <...> могут быть не уверены в том, что «правильно» и что «неправильно» употреблять в разговоре, что входит в этот язык, а что должно считаться «чужим»³⁰.

Только в сфере международной политики значение *Türk* в последние два десятилетия в некоторой степени подверглось вынужденной дефиниции, и официально используется словосочетание *Türk-i Cumhuriyet-ler* (турецкий/тюркский-ADJ республика-PL) ‘тюркские республики’. В отношении языков – как собственно турецкого, так и всех тюркских – по-прежнему используется единое определение *Türk*, хотя отрадно отметить, что под влиянием западной лингвистической терминологии в отношении тюркских языков лингвистами начал использоваться (хотя и не утвердился окончательно) термин «языки» – *Türk dil-ler-i* (турецкий/тюркский язык-PL-POSS3SG) вместо политически, а не лингвистически и культурологически обоснованных и неоспоримых на протяжении десятилетий терминов *Türk şive-ler-i* (турецкий/тюркский наречие-PL-POSS3SG) или *Türk lehçe-ler-i* (турецкий/тюркский диалект-PL-POSS3SG), а в отношении ТЯ – термин *Türkiye Türkçe-si* (Турция турецкий/тюркский. язык-POSS3SG), букв. ‘тюркский/турецкий язык Турции’.

Поскольку всегда сложно разделить в сознании однотипные объекты, именуемые одинаково (например, рус. *ворон* и *ворона* как названия разных видов птиц), контаминация указанных значений

³⁰ Головкин Е.В. Язык и самоидентификация. Язык и этничность. URL: window.edu.ru/resource/469/38469/files/spr0000035.pdf

Türk, имеющих, как указывалось ранее, политические корни, прочно закрепилась в сознании носителей ТЯ именно благодаря совпадению языковой номинации трех разных объектов и зачастую порождает неправомерные суждения в отношении других государств и народов. Так, мы сталкивались с удивлением рядовых носителей турецкого языка, вызванных возражениями, например, казахов при попытках именовать их не *Kazak* или *Kazak Türk-ler-i* (казах турок/тюрков-PL-POSS3SG), а *Türk*. В то же время распространенным даже среди образованных слоев носителей ТЯ убеждением является соотнесение названия титульных наций других государств со всеми гражданами этих государств вне зависимости от их этнической принадлежности: например, даже при наличии определения *Kazakistan-lı* ‘казахстанский’ всех граждан Казахстана турки обычно именуют казахами. В качестве примера можно привести случай, когда на собрании преподавателей университета нами было зафиксировано утверждение *Aramızda bir Kazak var* ‘Среди нас есть один казах’, под кем подразумевалась русская преподаватель, родившаяся и ранее проживавшая в Казахстане. Следствием этой же контаминации является основанное на невозможности разделения в языковом сознании турков понятий «турецкий» и «тюркский» утверждение: «Если мы обратимся к письменным историческим **турецким** источникам, мы увидим, что **турецкая идентичность** как идентичность этнически-расовая **появляется в начале восьмого века**. <...> Согласно другим источникам, в частности китайским, **само название “турок” возникает гораздо раньше VIII века: речь идет о XIV веке до нашей эры**»³¹ (выделение наше. – Е.Н.).

Общенациональный ТЯ, предназначенный для использования во всех коммуникативных сферах, который стал результатом языковой революции (реформы), началом которой считается 12 июля 1932 г. (переход на латинский алфавит (*Yazı Devrimi* ‘реформа алфавита’) был начат раньше – 1 ноября 1928 г.)³², несомненно явился важнейшим фактором формирования новой национальной идентичности. Вместо арабо-персидских заимствований в ТЯ начали директивно вводиться слова, образованные от древних тюркских лексем, к настоящему времени в большей или меньшей степени укоренившиеся в современном ТЯ. Некоторые из них имели своей целью закрепление в языковом сознании носителей новых политических реалий:

³¹ Юрдовцев Н. Что такое турецкая идентичность? URL: mk-turkey.ru/blog/nuri-yurdovcev/2010/07/19/chto-takoe-tureckaya-identichnost.html

³² Language Association. URL: www.dildernegi.org.tr/TR,610/dil-devrimi---12-temmuz-1932.html

ulus ‘нация’ с наиболее древним значением ‘люди, народ’³³ – в настоящее время употребительны главным образом производные слова *ulus-al* (нация-ADJ) и *ulus-lar-ara-sı* (нация-PL-между-POSS3SG) ‘международный’ (121 и 199 употреблений на 1 млн в письменных текстах, *ulus* – 50 использований³⁴), а также некоторые другие производные слова;

uyruk(luk) ‘гражданство’, от *uruk* ‘семья, зерно, косточка плода’, ‘род’, ‘поколение, потомство’³⁵ используется как юридический термин, но не является активной словообразовательной основой;

ülke ‘страна’³⁶ высокоупотребительно (1527 употреблений на 1 млн), но не является активной словообразовательной основой;

yurt ‘Родина’ (‘пастбище, стоянка, деревня, родина’³⁷ – активная словообразовательная основа.

При этом в ТЯ продолжают активно использоваться в качестве самостоятельных слов и словообразовательных основ арабские заимствования *cumhuriyet* ‘республика’, *milli* ‘национальный’, *millet* ‘нация’ и *vatan* ‘Родина’. Например, последнее слово было использовано для обозначения новой политической реальности республиканского периода – всех правоспособных граждан страны: *vatan-daş* ‘гражданин’, *vatan-daş-lık* ‘гражданство’.

При всем этом по причинам, рассматриваемым ниже, с использованием перечисленных тюркских или заимствованных слов нельзя сформулировать вопрос о национальной принадлежности собеседника, и ТЯ зафиксировал качественно иной способ этнической идентификации.

О несомненном успехе государственной политики, направленной на формирование национальной идентичности и укрепление патриотизма, свидетельствует использование большинства перечисленных лексем в качестве многочисленных личных имен или их словообразовательной основы: *Ülke* (жен.), *Yurt* (муж., жен.),

³³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо. М., 2006. С. 527.

³⁴ *Göz İ. Yazılı Türkçenin kelime sıklığı sözlüğü*. Ankara, 2003.

³⁵ Там же.

³⁶ *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 629.

³⁷ *Севортян Э.В., Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989. С. 254–255.

Yurd-a-nur (родина-DAT-свет: букв. родине-свет; муж., жен.), *Yurt-er* (родина-воин; муж.), *Ulus* (муж.), *Ulusal* (муж.), *Vatan* (муж.) и др.

Директивный способ введения в ТЯ перечисленных слов свидетельствует о том, что все они представляют собой элементы идентификации национального и государственного уровня, которая считается в социологии результатом внешнего воздействия: «свою роль играют школа, средства массовой информации и т.д. Если такого внешнего давления не существует (хотя в эпоху глобализации это почти невозможно представить), люди, как правило, называют себя по принадлежности к определенному месту (“мы – вятские”, “мы – гореловские”, “мы – мокеровские” и т.п.) ... на самом деле это и есть нормальная, по крайней мере исходно, ситуация»³⁸.

Так вот, в современном турецком обществе благодаря сохраняющимся межродственным связям такое *внутреннее определение* в значительной степени присутствует, что выражается на коммуникативном уровне в стандартном «зачине» беседы, в соответствии с которым при знакомстве с человеком одним из первых обращенных к нему вопросов является вопрос о месте его происхождения. При этом в ответе часто указывается место рождения не самого коммуниканта, а представителей старшего поколения его семьи, что оправдано с точки зрения высокой интенсивности внутренних миграционных процессов: *Nere-li-sin?* (какое.место-INS-2SG) или *Memleket nere-si?* (страна какое.место-POSS3SG) ‘Откуда ты родом? Два выражения нацелены на сближение коммуникантов и представляют собой «устойчивую коммуникативную традицию», т.е. правило, не обязательное для выполнения, но соблюдаемое большинством народа и рассматриваемое в обществе как желательное для выполнения³⁹. Влияние такого внутреннего определения настолько значительно, что только с помощью указанных выражений можно задать вопрос о национальности даже иностранца.

Названный принцип внутреннего определения получил еще одно языковое выражение. В разговорном языке слово *memleket* (от араб. *memleket*) используется в отношении малой родины человека в некотором количестве устойчивых выражений, что поддерживается в языковом аспекте наличием значительных различий между отдельными диалектами ТЯ на уровне фонетики, морфологии и

³⁸ Головкин Е.В. Язык и самоидентификация. Язык и этничность. URL: window.edu.ru/resource/469/38469/files/spr0000035.pdf

³⁹ Подробнее см.: Прохоров Ю.Е., Стернин. Русские: коммуникативное поведение. М., 2006. С. 23.

лексики, а в культурном аспекте – наличием важных с точки зрения идентификации отдельных территориальных групп населения региональных отличий в традициях, фольклоре и кухне. В официальном языковом стиле *memleket* соотносится как с отдельными частями Турции, так и с отдельной страной (ср. русск. *родина* и *Родина*), и в последнем случае можно также говорить об антонимичности лексем *memleket* ‘Родина’ и *gurbet* (араб. *ġurbet*) ‘чужбина’; также *gurbet-çi* (чужбина-DOER) ‘турок, проживающий за границей’. Последние вошли в активное употребление в связи со значительным миграционным потоком турков в Европу, первоначально главным образом в Германию после подписания 30 октября 1961 г. двустороннего соглашения о приеме рабочей силы.

Выводы:

- Вследствие особенностей формирования современного ТЯ само слово *yabancı*, совмещающее значения ‘чужой’ и ‘иностранец’, является заимствованием.

- Некоторые языковые средства современного ТЯ, соотносимые с турками как единой нацией, сформировались в процессе сознательной деятельности, направленной на ее создание, имеют политическую (националистическую) направленность и влияют на восприятие носителями ТЯ представителей других наций.

- Ввиду позднего начала формирования современной турецкой нации в коммуникативной сфере в настоящее время продолжает играть важную роль *внутреннее самоопределение*.

Глоссы:

ABS – словообразовательный показатель, указывающий на отсутствие признака;

ADJ – адъективизатор;

DOER – показатель деятеля;

GEN – родительный падеж;

IND – изъявительное наклонение;

INS – инструментальный падеж;

NEG – отрицание;

PASS – пассивный залог (пассив);

PC – причастие;

PL – множественное число;

POSS – посессивный показатель;

SG – единственное число;

2 – второе лицо;

3 – третье лицо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 15–177.
2. *Барышникова И.В.* Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестн. Волгоградск. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2. С. 166–171.
3. *Головкин Е.В.* Язык и самоидентификация. Язык и этничность. URL: window.edu.ru/resource/469/38469/files/spr0000035.pdf (дата обращения: 12.12.2018).
4. *Гордлевский В.А.* Избр. соч. Т. 3. М., 1962. 591 с.
5. *Джозеф Дж.* Язык и национальная идентичность // Логос: Философско-литературный журнал. 2005. № 4. С. 4–32.
6. *Древнетюркский словарь* / Ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. М.; Л., 1969. 677 с.
7. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996. 279 с.
8. *Китайско-русский словарь* / Гл. ред. Ся Чжунъи. М., 2008. 799 с.
9. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. 570 с.
10. *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина түрк // Советская этнография. 1949. № 1. С. 44–47.
11. *Кронгауз М.А.* Семантика. М., 2005. 352 с.
12. *Кузнецова Е.В.* Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. Филологические науки. 2011. № 3 (98). С. 102–105.
13. *Лысак И.В.* Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6. С. 37–42.
14. *Персидско-русский словарь: В 2 т. Т. 1* / Османов М.Н., Дорри Д.Х., Киселева Л.Н. и др. М., 1985. 800 с.
15. *Прохоров Ю.Е., Стернин Е.А.* Русские: коммуникативное поведение. М., 2006. 328 с.
16. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика* / Под ред. Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов. М., 2001. 822 с.
17. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка* / Под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо. М., 2006. 912 с.
18. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. 768 с.
19. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1979. 349 с.
20. *Севортян Э.В., Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989. 291 с.
21. *Уфимцева Н.В.* Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности. // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М., 2017. 390 с.
22. *Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 4: i-k. М., 2011. 415 с.
23. *Юрдсев Н.* Что такое турецкая идентичность? URL: mk-turkey.ru/blog/nuri-yurdsev/2010/07/19/chto-takoe-tureckaya-identichnost.html (дата обращения: 03.08.2019).

24. Ağakay M.A. Türkçe Sözlük. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1966. 808 c.
25. Derleme Sözlüğü. URL: www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_ttas (дата обращения: 12.12.2018).
26. Devellioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. Ankara, Aydın, 1984. 1712 c.
27. Dil derneği. URL: www.dildernegi.org.tr/TR,610/dil-devrimi---12-temmuz-1932.html
28. Göz İ. Yazılı Türkçenin kelime sıklığı sözlüğü. Ankara, Türk Dili, 2003.
29. Türk dil kurumu. URL: www.tdk.gov.tr (дата обращения: 12.12.2018).

Elena M. Napolnova

REFLECTION OF IDENTITY IN TURKISH VOCABULARY

*Özyeğin Üniversitesi Nişantepe,
Orman Sk. No:13, 34794 Çekmeköy/İstanbul*

Identity is expressed in the individual's attribution of themselves to certain social groups. At the turn of the XX–XXI centuries, the question about the relationship between the national language and national identity became particularly relevant. In Turkish vocabulary, the peculiarities of changing ideas about ethnic and national identity are recorded. The Turkic lexeme *el* ‘alien’ in Turkish is archaism. In the meanings ‘alien’ and ‘foreigner, foreign’ *yabancı* is used, which is considered to be a Persian borrowing. The antonyms *yabancı* meaning ‘foreign’ are *Türk* ‘Turkic, Turkish’ and *yerli* ‘local’. The meaning ‘alien’ can be expressed syntactically and morphologically. There is no synonymous Turkish word for *yabancı*, which was due to the historical priority not of ethnic or national, but of religious and class identity (*müslüman* vs. *gâvur*; *Osmanlı* vs. *Türk*). The national identity of the Turks is connected to the historical events of the beginning of the XX century. *Türk* currently has three meanings: broad ethno-linguistic, narrow ethno-linguistic and political, the contamination of which sometimes leads to errors in the naming of other countries and peoples. During the language revolution, a number of lexemes, created on the basis of Turkic roots to replace Arab-Persian borrowings and reflecting new political realities (*ulus* ‘nation’, *uyruk(luk)* ‘citizenship’, *ülke* ‘country’, *yurt* ‘homeland’), were fixed in Turkish. In addition to national and state-level identification, the internal definition, which is expressed in the standard question of the interlocutor's place of origin, continues to be maintained.

Key words: Turkish language; Turkish vocabulary; Turkish national identity; language consciousness of Turks.

About the author: *Elena M. Napolnova* – PhD, Associate Professor, Instructor of the School of Languages of Ozyegin University (İstanbul, Turkey) (e-mail: elenapolnova@yahoo.com).

REFERENCES

1. Apresjan Ju.D. *Konnotacii kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskij aspekt)* [Connotations as part of the pragmatics of the words (lexicographical aspect)]. *Izbrannye trudy* [Selected Works] in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1995, pp. 156–177. (In Russ.)
2. Baryshnikova I.V. *Ponjatie identichnosti v sociologicheskom diskurse* [The concept of identity in sociological discourse]. *Vestnik Volgograd. gosud. un-ta. Serija 7. Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii*. [The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]. 2009. No.2, pp. 166–171. (In Russ.)
3. Golovko E.V. *Jazyk i samoidentifikacija. Jazyk i etnichnost'* [Language and self-identification. Language and ethnicity] Available at: window.edu.ru/resource/469/38469/files/spr0000035.pdf (accessed 12.12.2018). (In Russ.)
4. Gordlevskij V.A. *Izbrannye sochinenija* [Selected works]. Vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1962. 591 p. (In Russ.)
5. Djozeph J.E. *Jazyk i nacional'naja identichnost'* [Language and national identity]. *Logos: Filosofsko-literaturnyj zhurnal* [The Logos Journal], 2005. No.4, pp. 4–32. (In Russ.)
6. *Drevnetjurkskij slovar'*. [Ancient Turkic dictionary] Ed. Nadeljaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shherbak A. Moscow-Leningrad, Nauka, 1969. 677 p. (In Russ.)
7. Kasevich V.B. *Buddizm. Kartina mira. Jazyk* [Buddhism. World picture. Language]. Saint-Petersburg, Peterburgurgskoje vostokovedeniye, 1996. 279 p. (In Russ.)
8. *Kitajsko-russkij slovar'*. [Chinese-Russian dictionary] Ed. Sja Chzhuni. Moscow, Veche, 2008. 799 p. (In Russ.)
9. Kononov A.N. *Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo jazyka* [Grammar of modern Turkish literary language]. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. 570 p. (In Russ.)
10. Kononov A.N. *Opyt analiza termina turk* [Experiment of analysis of the term turk]. *Sovetskaja etnografija* [Soviet Ethnography], 1949, No.1, pp. 44–47. (In Russ.)
11. Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics], Moscow, Akademija, 2005. 352 p. (In Russ.)
12. Kuznecova E.V. *Jazyk i nacional'naja identichnost'* [Language and national identity]. *Omskij nauchnyj vestnik. Filologicheskie nauki* [Omsk Scientific Bulletin. Philological Science], No.3 (98), 2011, pp. 102–105. (In Russ.)
13. Lysak I.V. *Osobennosti samoidentifikacii cheloveka v uslovijah sovremennogo obshhestva* [Features of self-identification of the person in the conditions of modern society]. *Gumanitarnye i social'no-jeconomicheskie nauki* [The humanities and social-economic sciences], 2008, No.6, pp. 37–42. (In Russ.)
14. *Persidsko-russkij slovar'* [Persian-Russian dictionary] in 2 vol., vol. 1. Moscow, Russkij yazyk, 1985. 800 p. (In Russ.)
15. Prohorov Ju.E., Sternin E.A. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow, Flinta-Nauka, 2006. 328 p. (In Russ.)
16. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika*. [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexis] Ed. Tenishev E.R., Blagova G.F., Dobrodomov I.G. Moscow, Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
17. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Praturkskij jazyk-osnova. Kartina mira praturkskogo jetnosa po dannym jazyka*. [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Pre-Turkic base language. Picture of the world of Pre-Turkic ethnos according to the language data] Ed. Tenishev E.R., Dybo A.V. Moscow, Nauka, 2006. 912 p. (In Russ.)

18. Severtjan E.V. *Etimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye*. [Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic word roots with initial vowels] Moscow, Nauka, 1974. 768 p. (In Russ.)
19. Severtjan E.V. *Etimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvu "B"*. [Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic word roots with initial «B»] Moscow, Nauka, 1979. 349 p. (In Russ.)
20. Severtjan E.V., Levitskaja L.S. *Etimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvu "Dzh", "Zh", "J"*. [Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic word roots with initial "Dzh", "Zh", "J"] Moscow, Nauka, 1989. 291 p. (In Russ.)
21. Ufimceva N.V. *Etnopsiholingvistika kak razdel teorii rechevoj dejatel'nosti*. [Ethnopsycholinguistics as a branch of the theory of speech activity] (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govorjashhem. [(Neo) psycholinguistics and cultural (psycho)linguistics: new sciences about the person speaking] Moscow, Gnozis, 2017. 390 p. (In Russ.)
22. Edel'man D.I. *Etimologicheskij slovar' iranskih jazykov. Tom 4: i-k*. [Etymological dictionary of Iranian languages. Vol. 4: i-k] Moscow, Vostochnaja literatura, 2011. 415 p. (In Russ.)
23. Yurdsev N. *Chto takoe tureckaja identichnost'?* [What is Turkish identity?] Available at: mk-turkey.ru/blog/nuri-yurdsev/2010/07/19/chto-takoe-tureckaya-identichnost.html (accessed 03.08.2019). (In Russ.)
24. Ağakay M.A. *Türkçe Sözlük*. [Turkish dictionary] Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1966, 808 p. (In Turk.)
25. *Derleme Sözlüğü* [Compilation dictionary], Available at: www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_ttas (accessed 12.12.2018). (In Turk.)
26. Devellioğlu F. *Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat* [Ottoman-Turkish Encyclopedic Dictionary], Ankara, Aydın, 1984. 1712 p. (In Turk.)
27. *Dil Derneği* [Language Association]. Available at: www.dilderneği.org.tr/TR,610/dil-devrimi---12-temmuz-1932.html. (In Turk.)
28. Göz İ. *Yazılı Türkçenin kelime sıklığı sözlüğü* [Dictionary of the frequency of words in written Turkish], Ankara, Türk Dili. 2003. (In Turk.)
29. Türk Dil Kurumu [Turkish Language Society], Available at: www.tdk.gov.tr (accessed 12.12.2018). (In Turk.)

Су Муюань

О СТАРЫХ И НОВЫХ КИТАЙСКИХ СЛОВАРЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЧЭНЬЮЕВ

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Данная статья посвящена китайским фразеологизмам чэньюй и процессу становления современной китайской фразеологии. В статье выделяются и описываются четыре этапа этого процесса: 1) 1742–1948 гг., от составления официальных сводов терминов имперской бюрократии в годы правления императора Цяньлуна до публикации словарей чэньюев учеными Китайской Республики; 2) 1949–1980 гг., период начала серьезного изучения фразеологизмов и идиом в КНР; 3) 1981–2000, период роста количества словарей и усложнения классификации чэньюев; 4) XXI в., период расцвета китайской фразеологии. В статье также приводится анализ структуры, тематического ранжирования и исторического контекста создания четырех важных словарей чэньюев, составленных на разных этапах развития фразеологии в Китае.

Ключевые слова: китайская фразеология; чэньюй; словари фразеологизмов; империя Цин.

Чэньюй – один из видов китайских идиом. Чэньюй – букв. «готовое выражение», представляет собой особое явление китайской фразеологии, обладающее целым рядом типологических особенностей и признаков, обусловленных принципами фонетического строя и историей развития китайского языка. Эти фразеологические словосочетания построены по нормам древнекитайского языка, они весьма экспрессивны¹. В Китае любят и знают эти фразеологизмы, многие из которых пришли из глубины веков, издавна их собирают и публикуют в словарях. В истории китайской лексикографии выделяются четыре этапа², которые будут рассмотрены в данной статье.

Су Муюань – аспирант Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sumuyuan23@gmail.com).

¹ *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка. М., 2007. С. 18.

² *Юн Хэмин, Ло Чжэньюэ, Чжан Сяньмин.* Чжунго цыдянь шилунь (История китайской лексикографии). Пекин, 2006. 629 с.

Начальный этап (1742–1948). В этот период китайские словари чэньюй уже содержали в себе не менее пяти тысяч слов, что делало их достаточно большими изданиями. Хотя они и назывались «словари чэньюй», около 80% их содержания составляли другие слова и выражения. В целом словари того времени были составлены достаточно просто, содержали только толкования чэньюев без указания каких-либо ссылок. Среди словарей этого периода – «实用国文成语词典» («Практический китайский словарь чэньюев») (1912 г., под ред. Чжан Юнсюня), «成语汇编» («Сборник чэньюев») (1924 г., под ред. Чжан Вэнькуаня и Чжу Хуандина), «实用成语大词典» («Практический большой словарь чэньюев») (1924 г., под ред. Ван Шиши), «实用成语大全» («Полное собрание употребительных чэньюев») (1936 г., под ред. Го Хоуцзюе), «实用成语» («Употребительные чэньюи») (1945 г., под ред. Чжан Мэн), «中国成语大词典» («Китайский большой словарь чэньюев») (1948 г., под ред. Чжоу Жухуэй),

Этап исследований до начала Периода реформ и открытости (1949–1980). Уже в первое десятилетие после образования Нового Китая были опубликованы три словаря чэньюев. Хотя количество чэньюев, собранных в них, все еще было небольшим, но их толкования стали более полными и детальными.

Среди словарей 1949–1980 гг. – «简明成语辞典» («Краткий словарь чэньюев») (1957 г., под ред. Кэ Хуайцина), «现代汉语成语词典» («Словарь чэньюев современного китайского языка») (1959 г., Институт лингвистики Китайской академии наук), «常用成语» («Часто употребляемые чэньюи») (1965 г., под ред. Чао Тяня), «汉语成语汇释» («Собрание и толкование китайских чэньюев») (1974 г.), «成语选注» («Толкование чэньюев») (1977 г.), «汉语成语小词典» («Малый словарь китайских чэньюев») (1972 г., кафедра китайского языка и литературы Пекинского университета).

Также этот период характеризуется созданием словарей чэньюев для определенного круга читателей. Это, например, «中学生常用成语词典» («Словарь часто употребляемых чэньюев для средней школы») (1980 г., под ред. Гао Гуанлэ), составленный специально для учеников средней школы. Он содержит более 1000 единиц, каждый чэньюй имеет толкование значения и примеры употребления в разговорной речи, в словарной статье указывается способ использования чэньюя. В этот период качество словарей чэньюев значительно улучшилось.

Этап развития в эпоху реформ и открытости (1981–2000). Количество словарей, созданных за эти 20 лет, превысило количество тех, что были созданы на двух предыдущих этапах. Стоит отметить, что некоторые крупные словари, созданные ранее, обновлялись и совершенствовались. Так, издательство провинции Цзянсу опубликовало в 1981 г. *《成语词典》* («Словарь чэньюев»), в котором если чэньюй имеет несколько написаний, то все они обязательно указываются в словарной статье. Другой словарь, *《汉语成语大词典》* («Большой словарь чэньюев китайского языка»), опубликованный в 1985 г., стал символом более зрелого этапа изучения этих фразеологизмов. В 1989 г. был издан *《汉语成语考释词典》* («Словарь по изучению китайских чэньюев») под редакцией Лю Цзесю, в котором исследовались истоки этих идиом.

В тот период было издано множество словарей, содержание которых составляло уже около 10 000 чэньюй. Был достигнут значительный прогресс в создании тематических словарей чэньюй, которые содержали системы указателей и расположения словарных единиц. Классификация чэньюй в этих словарях основывается на значении, содержании или на типичных ситуациях употребления. Это такие словари, как, *《汉语成语大词典》* («Большой словарь чэньюев китайского языка») (1985 г., Институт лингвистики Университета пров. Хубэй), *《分类成语词典》* («Классифицированный словарь чэньюев») (1985 г., под ред. Ван Лицзя и Хоу Сюэчао), *《汉语成语分类大词典》* («Классифицированный большой словарь китайских чэньюев», 1987), *《成语应用分类词典》* («Классифицированный словарь применений чэньюев») (1987 г., под ред. Цзянь Чжи), *《中国成语分类大词典》* («Большой китайский классифицированный словарь чэньюев») (1989 г., под ред. Хань Синчжи), *《清代六部成语词典》* («Словарь чэньюев по шести ведомствам династии Цин») (1990 г., под ред. Ли Пэнняня и Чэнь Цзяньи), *《中国成语大辞典》* («Большой словарь китайских чэньюев») (1996 г., под ред. Лю Ваньго), *《中国成语分类词典(修订本)》* («Классифицированный словарь китайских чэньюев (исправленное издание)») (1996 г., под ред. Хань Синчжи), *《成语详解词典》* («Толковый словарь чэньюев») (1997 г., под ред. Гао Гуанлэ), *《九用学生成语词典》* («Студенческий словарь чэньюев девяти назначений») (1999 г., под ред. Чжоу Хунмина), *《中华成语大辞典》* («Большой словарь китайских чэньюев») (2000 г., под ред. Тан Чжичао).

Расцвет китайской фразеологии (2001–2017). С начала XXI в. с развитием экономики и культуры количество словарей чэньюев резко увеличилось и перевалило за сотню, причем их содержание постоянно пополнялось. Например, «Словарь десяти тысяч чэньюев» («万条成语辞典»), изданный Издательством народного образования Пекина в 2015 г., включает около 20 000 словарных статей, состоящих из древних и современных чэньюев. Словарные статьи в таких словарях описывают фонетику, микроструктуру, толкование, примеры предложений, способы употребления, синонимы, антонимы, положительное и отрицательное значения, область применения и некоторые другие аспекты. Существуют также «малые» словари чэньюев, составленные для пользования студентами. Таков, например, «多功能小学生成语词典» («Многофункциональный словарь чэньюев начальной школы»), изданный Сычуаньским лексикографическим издательством в 2014 г.

За последние 19 лет созданы новые уникальные виды словарей чэньюев – словари синонимов чэньюев, словари чэньюев девяти способов употребления. За этот период не только стремительно увеличивается количество словарей китайских чэньюев, но и их содержание постепенно становится богаче и разнообразнее, в некоторых словарях появляются иллюстрации: «汉语成语大词典» («Большой словарь чэньюев китайского языка») (2002 г., под ред. Чжу Цзюань), «新华成语词典» («Словарь чэньюев Синьхуа») (2002 г., под ред. Сюй Чжэньшэна), «汉语成语词典» («Словарь чэньюев китайского языка») (2004 г., под ред. Ю Цзиньвэй и Сунь Мэнмэй).

В китайской фразеологии, как и в русской, существуют тематические и нетематические словари. Первым таким словарем стал «满汉六部成语» («Маньчжурско-китайские чэньюи по шести ведомствам»). Словарь был издан в эпоху Цин в 1742 г. (по очереди всего вышли в свет четыре издания: 1742 г., издательство Хун Юань Тан; 1795 г., издательство Вэнь Шэн Тан; 1816 г., издательство Вэнь Шэн Тан; 1842 г., издательство Сяо Ю Тан), когда государственным языком был маньчжурский. Все они относятся к начальному этапу развития китайской фразеологии.

Основными учреждениями центрального правительства династии Цин были шесть ведомств — чинов, финансов, церемоний, наказаний, работ и военное. Некоторые из созданных в этих ведомствах

терминов были широко распространены и стали использоваться как источник для официальных сводов бюрократической терминологии цинской империи. Как отмечается в рецензии на словарь, «основная цель создания этой книги при династии Цин заключалась в том, чтобы помочь чиновникам переводить маньчжурские и китайские официальные документы, а также помочь маньчжурам учить китайский язык. Словарь имеет определенную справочную ценность для составления маньчжурско-китайских словарей»³.

Словарь «*满汉六部成语*» («Маньчжурско-китайские чэньюй по шести ведомствам»), изданный в 1842 г. издательством «Сяо Ю Тан» под редакцией Ли Пэнняня и Чэнь Цзяньи, состоит из шести разделов, также соотнесенных с шестью ведомствами центрального управления империи. Всего словарь включает 2572 статьи. Раздел «Чэньюй ведомства чинов» содержит 420 словарных статей о деятельности ведомства чинов, которое отвечало за кадры всех гражданских служб, в том числе, назначение, продвижение по службе и отставку. Раздел «Чэньюй ведомства финансов» – 801 словарную статью о деятельности ведомства финансов, которое отвечало за налоги и сборы, а также управление финансами страны в целом: чеканку монеты, освоение земель, учет населения и др. В разделе «Чэньюй ведомства церемоний» – 156 словарных статей о деятельности ведомства церемоний, которое отвечало за все вопросы, связанные с придворным протоколом: организацию молений предкам и проведение обрядов в честь разных божеств, а также отношения со странами-вассалами Китая, надзор за экзаменационной системой и др. В разделе «Чэньюй военного ведомства» – 308 словарных статей о деятельности военного ведомства, которое отвечало за награждение и наказание военнослужащих, названия военных сражений, названия рода войск и оружия и др. В разделе «Чэньюй ведомства наказаний» – 568 словарных статей о деятельности ведомства наказаний, которое отвечало за все правовые вопросы, включая надзор за всеми судами и тюрьмами. В разделе «Чэньюй ведомства общественных работ» – 319 словарных статей о деятельности ведомства работ, которое отвечало за все государственные строительные

³ Чжан Ли. «Цин дай любу чэньюй цыдянь» пинцзе (Рецензия на «Словарь чэньюй по шести ведомствам династии Цин») // Лиши данъань. 1991(4). С. 132–134.)

проекты, включая возведение дворцов и храмов, а также ремонт и поддержание в надлежащем состоянии каналов и др.

Как отмечают китайские ученые, которые исследовали «Маньчжурско-китайские чэньюи по шести ведомствам», «в словаре перечислены только маньчжурские слова, сопоставленные с китайским языком, без каких-либо толкований, поэтому он может использоваться только в качестве справочного пособия для перевода с маньчжурского на китайский язык и наоборот, так что его использование сильно ограничено»⁴.

В этом словаре приводятся не только четырехсложные чэньюи, но и другие виды китайских словосочетаний: существительные и глаголы, состоящие из двух китайских иероглифов, словосочетания, даже целые предложения. Словарные единицы расположены следующим образом: первая колонка – маньчжурские слова, вторая – их китайский перевод на вэньянь⁵.

В дальнейшем использование данного словаря стало затруднительным, так как он не содержал толкования незнакомых многим маньчжурских слов, а перевод без толкования был малополезен. В 1990 г. появился посвященный этому маньчжурско-китайскому словарю и основанный на нем специальный словарь, где толковались все маньчжурские «готовые выражения» – «清代六部成语词典» («Словарь чэньюев по шести ведомствам династии Цин»).

Один из самых известных современных тематических словарей чэньюев «中华成语大词典» («Большой словарь китайских чэньюев») (1086 с.) был издан в сентябре 2003 г. Он содержит более 10 000 употребительных чэньюев и основан на их классификации по содержанию. Его словарные статьи расположены по тематическому принципу, чэньюи с похожими значениями или аналогичными

⁴ Лин Юнгуан, Ван Си. Пин «Циндай любу чэньюй цыдянь» (Рецензия на «Словарь чэньюев по шести ведомствам династии Цин») // Цин ши яньцзю. 1991(4). С. 44–46).

⁵ «Вэньянь, вэньяньвэнь (‘письменный’, или ‘литературный язык’). Термин употребляется применительно к кит. письм. языку, воспроизводящему грамматич. и лексич. особенности раннеклассич. (эпоха Чжань-го, V–III вв. до н.э.) и отчасти позднеклассич. (эпоха Хань, 206 до н.э. – 220 н.э.) др.-кит. текстов». См.: Завьялова О.И. Вэньянь // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Институт Дальнего Востока РАН. М., 2008. С. 693–696.

объектами классифицируются вне зависимости друг от друга в соответствии со своей этимологией.

Что касается оформления словарной статьи в этом словаре, заглавный чэньюй пишется жирным шрифтом, а толкование – стандартным шрифтом. После заголовка следует транскрипция; необычные слова в цитатах также обычно дополняются транскрипцией. Поиск словарной единицы осуществляется в соответствии с главой, разделом и классификацией. Для каждой главы и раздела отсутствуют строгие правила расположения в словаре, и каждый тип записи сортируется согласно первому инициалу китайского пиньинь. Пример словарной статьи: “【盲人摸象】”⁶ [máng rén mō xiàng] ‘Слепые **ощупывают слона**. История, основанная на буддийских мотивах: первый слепой обхватил ногу слона и сказал: «Он – как огромная колонна». Второй уперся обеими руками в бок животного и заявил: «Слон – как стена». Тот, у кого в руках оказался хвост, был уверен, что больше всего слон похож на змею или веревку. После этого они начали яростно спорить друг с другом, на кого же всё-таки похож слон, сами не зная, насколько каждый из них далек от истины. Говорится о людях, которые пытаются судить о чем-либо, не имея целостного представления о проблеме, зная только ее часть’.

Но тематические словари чэньюев – это редкость для китайской фразеологии, которую формируют в основном нетематические словари. Далее посмотрим на один из современных словарей чэньюев: «成语大词典» («Большой словарь чэньюев») (1542 с.), изданный в 2012 г., который является дополненным изданием по сравнению с первым, опубликованным в 2004 г., и содержит в общей сложности более 18 000 фразеологизмов и 26 000 иероглифов. «Предисловие» указывает, что для каждого чэньюя приведено его подробное толкование, особенности употребления, представлены грамматические и стилистические характеристики. В словарь включено приложение, в которое вошли самые известные чэньюи. Отмечено, что в словарной статье теперь изложены семантические, стилистические, грамматические характеристики чэньюев, даются культурологические и этимологические комментарии, а также то, что в отдельных случаях показана синтаксическая роль чэньюев и

⁶ Чжунхуа чэньюй да цыдянь (Китайский фразеологический словарь). Пекин, 2003. С. 897.

что в словарь вошли примеры из наиболее авторитетных изданий последних лет.

В «Пояснениях к словарю» отмечается, что словарные статьи расположены упорядоченно по алфавитному порядку записи на ханьюй пиньинь⁷ первого из четырех иероглифов чэньюя. Если первые иероглифы по звучанию одинаковы, то чэньюй упорядочиваются по второму или третьему иероглифу.

Перед корпусом словарных статей в «Большом словаре чэньюев» расположен также «词目首字音序表» (Упорядоченный перечень чэньюев по пиньинь первого иероглифа), созданный, как и «Указатель количества черт иероглифа», для того чтобы найти нужный чэньюй. В этом указателе чэньюй приведены по алфавитному порядку, принятому в пиньинь: сначала идет полужирная прописная буква латинского алфавита, ниже фонетическая транскрипция первого иероглифа чэньюя, затем сам первый иероглиф чэньюя, справа от которого приводится номер страницы, на которой находится этот чэньюй.

На каждой странице этого словаря приведено два ряда чэньюев. В каждой словарной статье в левом верхнем углу показывается полужирным шрифтом заголовочная единица в квадратных скобках и рядом транскрипция на пиньинь с указанием тонов. Затем объясняется буквальное значение всех четырех иероглифов, потом толкуется чэньюй в целом. После толкования идет этимологическая справка о данном чэньюе (причем у некоторых чэньюев есть несколько источников, которые разграничиваются вертикальной линией «|»), проводятся цитаты (одна или две) из текстов на вэньянь. Затем даются примеры употребления чэньюя, а также чэньюй, которые синонимичны и антонимичны заглавному. В конце приведен подробный анализ различий между синонимичными чэньюями, указывается их отрицательная или положительная окрашенность.

С начала XXI в. количество словарей чэньюев резко увеличилось, появилось много новых словарей. Но о наследии прошлых веков никто не забывает, а, наоборот, продолжают его исследовать и развивать. Это демонстрирует нашим современникам то, что в

⁷ «Пиньинь (условно “кит. фонетический алфавит”), принятая в КНР и получившая междунар. распространение система записи слов кит. яз. буквами лат. алфавита». См.: Концевич Л.Р. Пиньинь // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность. С. 708–710.

развитии современной фразеографии необходимо опираться на опыт прошлого, так как основное языковое и культурное богатство исходит именно из прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка: Учебник / И.В. Войцехович. М., 2007. 509 с.
2. *Завьялова О.И.* Вэньянь // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Институт Дальнего Востока РАН. М., 2008. С. 693–696.
3. *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. 2-е изд. М., 2014. 320 с.
4. *Концевич Л.Р.* Пиньинь // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Институт Дальнего Востока РАН. М., 2008. С. 708–710.
5. *Юн Хэмин, Ло Чжэньюэ, Чжан Сяньмин.* Чжунго цыдянь шилунь (История китайской лексикографии). Пекин, 2006. 629 с.
6. *Чжан Ли.* «Циндай любу чэньюй цыдянь» пинцзе (Рецензия на «Словарь чэньюев по шести ведомствам династии Цин») // Лиши данъань, 1991(4). С. 132–134.
7. *Лин Юнгуан, Ван Си.* Пин «Циндай любу чэньюй цыдянь» (Рецензия на «Словарь чэньюев по шести ведомствам династии Цин») // Цинши яньцзю, 1991(4). С. 44–46.
8. Циндай любу чэньюй цыдянь (Словарь чэньюев по шести ведомствам династии Цин) / Под ред. Ли Пэнняня, Лю Цзыяня, Чэнь Цяньи. Тяньцзинь, 1990. С. 526.
9. Чэньюй да цыдянь (Большой словарь чэньюев). Пекин, 2012. 1541 с.
10. Чжунхуа чэньюй да цыдянь (Китайский фразеологический словарь). Пекин, 2003. 1086 с.

Su Muyuan

OLD AND NEW CHINESE IDIOMS DICTIONARIES

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article devoted to the phenomenon of chengyu (four character idiomatic phrases, often originating from classical Chinese language) and the process of their collection and study in China. The history of this process could be divided into four stages: 1) 1742–1948, from the compilation projects of the Qianlong emperor reign to the collections published by the Republican scholars; 2) 1949–1980, the period, when the serious phraseographical research started; 3) 1981–2000, the period of radical increase in academic publishing on this topic; 4) XXI cent., the most fruitful period of the modern Chinese Phraseography. The article further analyzes the structure, thematic scope and historical background of four important chengyu dictionaries, compiled during the different periods of phraseographical research in China.

Key words: Chinese phraseography; chengyu; idioms dictionaries; Qing empire.

About the author: *Su Muyuan* – PhD student, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sumuyuan23@gmail.com).

REFERENCES

1. Wojciechowicz, I.V., *Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitaiskogo yazyka*. [Practical Phraseology of Modern Chinese] Textbook. I.V. Wojciechowicz. Moscow, 2007. 509 [3] p. (In Russ.)
2. Zavyalova O.I. Wenyan. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya v 5 t. T. 3. Literatura. Jazyk i pis'mennost'* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 v. Vol. 3. Literature. Language and writing]. Ed. M.L. Titarenko et al.; Moscow, 2008, pp. 693–696. (In Russ.)
3. Zav'jalova O.I. *Bol'shoj mir kitajskogo jazyka* [The Large World of the Chinese Language]. Moscow, 2014. 320 p. (In Russ.)
4. Koncevič L.R. Pinyin. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya v 5 t. T. 3. Literatura. Jazyk i pis'mennost'* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 v. Volume 3. Literature. Language and writing]. Ed. M.L. Titarenko et al.; Moscow, 2008, pp. 708–710. (In Russ.)
5. Yong Heming, Luo Zhenyue, Zhang Xiangming. *Zhongguo cidian shilun* [The History of Chinese Dictionaries]. Beijing, 2006, 629 p. (In Chin.)
6. Zhang Li. “*Qing dai liubu chengyu da cidian*” *pingjie* [Review of “The Dictionary of Terms of Six Ministries of the Qing Dynasty”]. *Lishi dangan*, 1991(4): 132–134. (In Chin.)
7. Lin Yongkuang, Wang Xi. *Ping “Qing dai liubu chengyu da cidian”* [Comment on “The Dictionary of Terms of Six Ministries of the Qing Dynasty”]. *Qing shi yanjiu*, 1991(4): 44–46. (In Chin.)
8. *Qing dai liubu chengyu da cidian* [The Dictionary of Terms of Six Ministries of the Qing Dynasty]. Ed. Li Pengnian, Liu Ziyang, Chen Qiangyi. Tianjin, 1990, 526 p. (In Chin.)
9. *Chengyu da cidian* [The Large Dictionary of Idioms]. Beijing, 2012, 1541 p. (In Chin.)
10. *Zhonghua chengyu da cidian* [The Large Dictionary of Chinese Idioms]. Beijing, 2003, 1086 p. (In Chin.)

ИСТОРИЯ

Д.Е. Мишин

НАПАДЕНИЯ АРАБОВ НА ЮЖНЫЕ РУБЕЖИ САСАНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ШАПУРА II (307/8–379/80)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. info@ivran.ru*

Статья посвящена нападениям арабов на южные рубежи Сасанидской державы в начале правления Шапура II (307/8–379/80), воспоминания о которых сохранились в зороастрийском трактате *Бундахишн* и произведениях мусульманских авторов. Нападениям подверглись иранский берег Персидского залива (от Аббадана самое меньшее до Бушера) и земли Месопотамии в нижнем течении Евфрата. Сообщения источников и исторический контекст показывают, что нападения арабов были следствием и одновременно продолжением переселений их племен на северо-восток Аравийского полуострова. В ряде случаев арабы не ограничивались грабительскими набегами и переселялись в области, в которые вторгались.

Ключевые слова: Аравия; банū ‘Абд аль-Қайс; банū Ийād; Сасаниды; Шапур II.

Сообщения о нападениях арабов на Сасанидскую державу в начале правления Шапура II (307/8–379/80) встречаются в основном в мусульманских источниках и обычно выглядят так. Шапур был провозглашен царем еще в утробе матери, так как его отец Хормузд II (300–307) умер, не оставив наследника. Во времена малолетства Шапура государством правили высшие сановники. Воспользовавшись ослаблением царской власти, арабы стали нападать на сасанидские владения. Достигнув 15 или 16 лет, Шапур выступил против арабов, изгнал их из пределов державы, а затем вторгся в Аравию. Замилив арабов с крайней жестокостью, Шапур переселил некоторые пле-

Мишин Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (e-mail: mde@mts.ru).

мена во внутренние области державы, разрешив другим остаться на прежних местах¹.

Реконструкция прихода Шапура II к власти предложена автором этих строк в вышедшей недавно монографии. После смерти Хормузда II знать, не желавшая прихода к власти его сына и тезки, возвела на престол малолетнего Шапура. Царевич Хормузд, старший брат Шапура, собрал вокруг себя некоторых Сасанидов и боролся за власть, но проиграл и бежал к римлянам. Рассказ о возложении короны на чрево женщины – легенда, которая появилась при Сасанидах и стала частью официальной истории²

Насколько достоверны рассказы о борьбе с арабами? Известна монета Шапура II с легендой *siyāhrōy tāzīg*, т.е. «потерпевший неудачу (побеждённый) араб»; видимо, она была начеканена в честь победы над арабами³. Интересно, что из монет Сасанидов, найденных в северо-восточной Аравии, Шапуру II принадлежат 22 – больше, чем любому другому царю этой династии. Монеты Шапура II найдены в разных местах (в отличие от занимающих по числу второе место монет Хосрова II (21 шт.), из которых почти все принадлежат к нескольким кладам)⁴. Правда, 13 из этих 22 монет относятся к поздним

¹ Наиболее ранние передачи этих сообщений см.: *Annales quos scripsit ... at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 836–840; *Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar ben Tāhīr el-Maqdisī*. Ed. Cl. Huart. T. 3. Paris, 1903. P. 160–161; *The Fārsnāma of Ibnu 'l-Balkhī*. Ed. G. Le Strange, R.A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921. P. 66–69; аль-Ахбār ат-тиуālь. Та'лйф ... *ад-Дйнаварӣ*. Изд. 'А. 'Амир. Каир: Уизāрат ас-сақāфа уа аль-иршād аль-қаумӣ, аль-Иқлйм аль-джанӯбӣ, аль-Идāра аль-'āмма ли-с-сақāфа, 1960. С. 47–49; аль-Кāмиль фй-т-тāрйх ли ... *Ибн аль-Асйр*. Изд. А. 'А. аль-Қāди. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмиййа, 1987. Т. 1. С. 301–303; аль-Ма'āриф ли *Ибн Қутайба*. Изд. С. 'Укāша. Каир: Дār аль-ма'āриф, 1981. С. 656–657; *аль-Мас'ūdӣ*. Мурӯдж аз-захаб уа ма'āдин аль-джаухар. Изд. Ch. Pellat. Ч. 1. Бейрут: аль-Джāми'а аль-лубнāниййа, 1966. С. 295–298; Нихāйат аль-араб фй ахбār аль-фурс уа аль-'араб. Изд. М.Т. Дāнешпэжӯх. Тегеран: Анджоман-и-асār ва мафāхир-и-фархангӣ, 1996/97. С. 221–224; Тарджомэ-йе-Тāрйх-и-Тāбари аз ... *Бал'амӣ* (қисмат-и-марбӯт бе Йрāн). Изд. М.Дж. Машкӯр. Тегеран: Чāпхāне-йе-Ҳайдарӣ, 1959. С. 99–102.

² Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М., 2014. С. 97–99 (прим. 113).

³ Mochiri M. I. Événements historiques, localisations géographiques et indice chronologique attestés par les monnaies de Shāpūr II // *Iran*. Vol. 27 (1989). P. 43–44.

⁴ Kennet D. Sasanian Coins from 'Uman and Bahrayn // *Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History*. Ed. D. Kennet, P. Luft. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 55–64.

годам царствования Шапура⁵ и не могли попасть в Аравию во время его походов. Но можно предполагать, что при Шапуре II персидское присутствие в Аравии возросло.

У мусульманских авторов нападения арабов идут по двум направлениям – вниз по течению Евфрата и с юга, на побережье Ирана и в Месопотамию. Настоящая работа посвящена второму из них. Важное свидетельство есть в историческом разделе зороастрийского трактата *Бундахишн* (Сотворение основы), где мы читаем:

«В правление Шапура, сына Хормузда, явились арабы; они захватили долину реки Хварай и много лет совершали грабительские набеги. Затем Шапур пришел к власти, изгнал этих арабов, отобрал у них страну, уничтожил многих их правителей и убивал их в больших количествах»⁶.

Хварай упоминается в разделе *Бундахишн*-а о реках:

«Источник реки Хварай – в [области] Исфакхана. Она течет к Хузестāну и впадает в Тигр. В Исфакхане ее называют Масрукāн-рūd»⁷.

Это позволяет отождествить Хварай с Каруном – хузестанским Дуджайлем или рекой Тустара (Шуштар) мусульманских географов⁸. По их словам, эта река течет из области Исфакхана и впадает

⁵ Howgego C. J., Potts D. T. Greek and Roman coins from Eastern Arabia // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. Vol. 3, issue 3, 1992. P. 184–185; Potts D. T., Cribb J. Sasanian and Arab-Sasanian Coins from Eastern Arabia // *Iranica Antiqua*. XXX, 1995. P. 126–130.

⁶ *Andar hwardāyih Šāpūhr ī Awharmazdān tāzīgān mad hēnd u-šān Hwaray rūdbār grift was sāl pad ēwār tāzišn dāstānd tā Šāhpūhr ō hwardāyih mad ud ōyān tāzīgān spōhēt šahr az-š stād was šāh tāzīgān abasihēnīd was-maragihā ēšān kūšt* (The *Būndahishn*. Ed. T. D. Anklesaria. Bombay, 1908. P. 215). Б.Т. Анклесария читает не *ēwār*, а *Ahwār* с переводом *and they kept on attacking Ahwār for many years* (Zand-Ākāsīh: Iranian or Greater Bundahishn. Tr. B. T. Anklesaria. Bombay: Rahnumae Mazdayasnan Sabha, 1956. P. 276–277), но эта конъектура неприемлема. Название *al-Ahwāz* – арабское (в персидском языке – Хузестан), и его можно спутать с *ēwār* только в тексте с арабской графикой. *Бундахишн*, свод необходимых познаний зороастрийца, не мог изначально быть написан на арабском или новоперсидском языке или человеком, использовавшим в качестве первого выбора арабское название. В недавно изданном новоперсидском переводе *ēwār* передается через *āwār* (бесчинства, разорения: *Фарнбаг Дādagī*. Бундахеш. Изд. М. Бахār. Тегеран: Тўс, 2016/17. С. 140–141). О среднеперсидском *ēwār* в значении «грабеж» см.: Nyberg H. S. *A Manual of Pahlavi*. P. II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974. P. 73.

⁷ *Hwaray rūd bunhān az Spāhān bē Hūzēstān be widērēd frāz ō Diglīt-rūd rēzēd u-š pad Spāhān Masrukān-rūd hwardāyih* (The *Būndahishn* ... P. 88).

⁸ Можно возразить, что река Хварай не могла быть расположена на юге, так как согласно *Бундахишн*-у легендарный богатырь Рустам разгромил на ней правителя тюрок Афрасиаба (The *Būndahishn* ... P. 213). Но в одной из легенд Рустам сражался

в море (т.е. в Персидский залив, сливаясь с Тигром), а канал аль-Масрукан недалеко от Тустара отходит от Дуджайля, находится к востоку от него, а затем смыкается с ним или направляется в море⁹. Очевидно, правильно предложенное в литературе отождествление аль-Масрукана с Аб-и-Гаргар¹⁰.

К известию Бундахишн-а близко сообщение ат-Ṭабарī (839–922/23) о том, что арабы из земель банū ‘Абд аль-Қайс, а также областей Бахрайна¹¹ и Кāзимы пересекали море, т.е. Персидский залив, подходили к Рāшахру¹², побережью (*сауāхиль*) Ардашйр-хурра и

с Афрасиабом в «багдадском Саваде», т.е. близкой к Багдаду части междуречья Тигра и Евфрата (Muğmal at-tawārīḥ wa-’l-qīṣaṣ: eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert. Hrsg. S. Najmabadi, S. Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux mondes, 2000. S. 39). Значит, сказители допускали, что борьба между Рустамом и Афрасиабом шла на юге Иранской страны.

⁹ Kitāb al-a’lāk an-nafīsa auctore ... *Ibn Rosteh* et Kitāb al-boldān auctore ... *al-Jakūbī*. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. P. 90–91; *Le Strange G.* Description of Mesopotamia and Baghdad, written about the year 900 A.D. by Ibn Serapion // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1895. P. 30, 32; Китāб аль-бульдāн. Та’лийф ... *Ибн аль-Фақіх*. Изд. Й. аль-Хāдй. Бейрут: ‘Ālam аль-кутуб, 1996. С. 397; Китāб сўрат аль-ард ли *Ибн Хасқаль*. Бейрут: Дār мактабат аль-хāйā(т), 1979. С. 226; Му’джам аль-бульдāн ли ... *Йāқут*. Бейрут: Дār Сāдир, Дār Байрут. Т. 2. С. 443; т. 5. С. 125–126.

¹⁰ *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge: University Press, 1930. P. 236–237.

¹¹ Пространство от Басры до Омана, т.е. арабская часть берега Персидского залива и сопредельные внутренние районы.

¹² Форма *Rāshaḥr* – конъектура из лейденского издания труда ат-Ṭабарī, на которое сделана ссылка ниже (ср. *Nöldeke Th.* Geschichte der Araber und Perser zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879. S. 53). Она не самоочевидна из-за расхождений в рукописях (*Annales* ... P. 836, прим. d). Впоследствии исследователи стали отходить от неё, предлагая варианты *Абаршахр* (Ṭārīḥ ат-Ṭабарī. Изд. М.А. Ибрāхйм. Ч. 2. Каир: Дār аль-ма’āриф, 1968. С. 55) или *Abruwān* (The History of al-Ṭabarī (Ta’rikh al-rusul wa’l-mulūk). Vol. V. The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Tr. C.E. Bosworth. New York: State University of New York Press, 1999. P. 55). Это предпологается необоснованным, так как Мискавейх (ум. в 1030 г.), который здесь довольно точно копирует ат-Ṭабарī, пишет *Rāshaḥr* (The Tajārib al-Umam or History of *Ibn Miskawayh*. Ed. L. Caetani. Vol. I. Leiden, London, 1909. P. 131; Абū ‘Алй *Мискавайх* ар-Рāзй. Таджāриб аль-умам. Изд. А. Имāmй. Тегеран: Дār Срōш, 1987. Ч. 1. С. 72). Различия в рукописях объясняются, видимо, тем, что текст исходного сообщения быстро стал непонятен переписчикам и подвергся искажениям. Похожее известие есть у ад-Дйнаварй (ум. ок. 894/95 г. или до 902 г.) и в трактате неизвестного автора «Предел желания в [изложении] истории персов и арабов», но вместо Рāшахра – Абаршахр в первом из этих источников и Йрāншахр – во втором (аль-Ахбār ... С. 48; Нихāйāt ... С. 222). Но ни Абаршахр, т.е. Нишапур в Хорасане,

побережью (*асйāф*) Фарса¹³. Название Рāшахр встречается только у аль-Балāзурй (ум. ок. 892 г.), согласно которому неподалеку от этого селения арабы во времена завоевания Ирана сражались с сасанидским *марзбан*-ом Фарса; оно находилось поблизости от Таууаджа¹⁴. Ни Рāшахра, ни Таууаджа (перс. Тавваз) нет на современных картах, и их местонахождение приходится определять по источникам. В одном дорожнике Таууадж – последняя остановка на пути из Ширази в Джаннāбу (Бандар-и-Генаве), в 12 фарсахах¹⁵ или 36 милях¹⁶ от нее. Аль-Муқаддасй (писал в конце X в.) помещает Таууадж между Джаннāбой и Хештом, в двух этапах (*мархала*) от первого и одним от последнего¹⁷. По другому указанию, Таууадж стоял между двумя реками¹⁸. Видимо, Таууадж находился в районе слияния рек Далаки (бывш. Сефйд-рўд) и Рўд-и-Шāпўр, около современного Дорўдгāх.

В других сообщениях о завоевании Ирана арабами вместо Рāшахра называется Рйшахр¹⁹. Упоминаний о Рйшахре больше. Они не дают возможности точно определить местонахождение селения, но показывают, что оно находилось западнее Таууаджа, в направлении Хузестана (это, заметим, исключает его отождествление с современным Рйшахром рядом с Бушером). Согласно аль-Истахрй (X в.) через область (*пустāк*) Рйшахра протекала река Тāб, отделявшая Фарс от Хузестана²⁰. Абў-ль-Фидā' (1273–1331) помещает

ни Йрāншахр, т.е. Иранская страна в целом, не соответствуют контексту, в связи с чем оба указанных написания доказывают лишь то, что в исходном тексте стояла форма, близкая к *Рйшахр*.

¹³ Annales ... P. 836. Похожие сообщения есть и в других источниках (см. предыдущее примечание).

¹⁴ Фугўх аль-бульдāн. Таcнйф ... *аль-Балāзурй*. Изд. 'А. А. ат-Таббā'. Бейрут: Му'ассасат аль-ма'āриф ли-т-тибā'a уа ан-нашр, 1987. С. 545.

¹⁵ Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore ... *al-Istakhrī*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1927. P. 130, 134. Cp. Géographie d'*Aboulféda*. Ed. M. Reinaud, Mac Guckin de Slane. Paris, 1840. P. 326–327.

¹⁶ *al-Idrīsī*. Opus geographicum. Ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecia Vaglieri. Neapoli, Romae: Istituto Universitario Orientale di Napoli, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Fasc. IV. 1974. P. 414.

¹⁷ Descriptio imperii moslemici auctore ... *al-Mokaddasi*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906. P. 453.

¹⁸ Худўд аль-'āлам мин аль-Машриқ илā аль-Мағриб. Изд. М. Сотўдэ. Тегеран: Дāнешкидāх-и-Техрāн, 1962. С. 132.

¹⁹ The Fārsnāma ... P. 114; Му'джам аль-бульдāн ... Т. 3. С. 112–113; Тāрйх *Халйфа бин Хаййāт*. Изд. А.Д. аль-'Умарй. Эр-Рияд: Дāр Тайба ли-н-нашр уа ат-таузй', 1985. С. 141, 142.

²⁰ Viae ... P. 119. Идентификация этой реки пока затруднительна.

Рйшахр в Хузестан²¹. У аль-Муқаддаси Рйшахр – в одном переходе от Арраджана (перс. Арған)²², который, по словам аль-Истахри и Йақута (род. ок. 1179 г., ум в 1229 г.), был на равном удалении (60 фарсахов) от аль-Ахваза и Шираза²³. Кроме того, в V в. Рйв-Ардашир²⁴ был резиденцией епископа (самое раннее упоминание – 423/24 г.) и митрополита Фарса (499 г.)²⁵. Христианское учение, вероятно, распространялось в Фарсе из Хузестана. Логично считать, что и главный город христиан Фарса находился недалеко от Хузестана.

В других источниках нападения арабов представлены по-иному: мы читаем о вторжениях бану Ийад в земли Савада – южной части междуречья Тигра и Евфрата²⁶. Как показано далее, эти вторжения шли из областей, расположенных к югу от Евфрата. Если задаться вопросом, какие из событий, описанных в мусульманских источниках – морские походы или вторжения по суше – ближе к тому, о чем говорится в *Бундахшн*-е, лучшей кажется первая альтернатива. Бану Ийад отделяла от долины Каруна обширная область болот²⁷, и едва ли они двинулись бы в долгий и трудный поход через нее, когда в Саваде было много лучших объектов для нападения. Вернее считать, что арабы попадали в долину Каруна по морю. Стало быть, морские походы арабов затронули широкий участок побережья, от

²¹ Géographie ... P. 313.

²² Descriptio ... P. 453.

²³ Му‘джам ... Т. 1. С. 143.

²⁴ Йақут, ссылаясь на Хамзу (т.е. Хамзу аль-Исфакханий, род. ок. 893 г., ум. между 961 и 970/71 гг.), сообщает, что название Рйшахр – сокращенное Рйв Ардашир (Му‘джам аль-бульдән ... Т. 3. С. 112). В истории Хамзы аль-Исфакханий мы читаем, что в его времена Рйшахром называли Рам Ардашир, основанный Ардаширом I (225–240) (Китаб тарих сунй мулк аль-ард уа-ль-анбийа’. Та’лиф Хамза ... аль-Исфакханий. Berlin: Kavianian G.m.b.H., 1921/22. С. 33), но это ошибка, вероятно, связанная с тем, что имеющиеся издания основаны на не самой лучшей рукописи. Сравнение с текстом Йақута показывает, что Хамза имел в виду Рйв Ардашир, который ат-Табари называет в числе основанных Ардаширом I городов Фарса (Annales ... P. 820).

²⁵ Synodicon orientale. Publ. J.B. Chabot. Paris, 1902. P. 43, 64, 65, 285, 315.

²⁶ Histoire des rois des Perses par ... *al-Tha’alibī*. Pub. et tr. H. Zotenberg, Paris, 1900. P. 514, 518; Ансәб аль-ашраф. Тасниф ... аль-Балазури. Изд. М. Хамидуллах. Ч. 1. Каир: Дар аль-ма’ариф, 1959. С. 27; аль-Камиль ... С. 301–303; аль-Мас’уди. С. 295 – 297; Шарх қасйдат Ибн ‘Абдун аль-ма’руфа би-ль-Бассама ли ... *Ибн Бадрун*. Изд. М.С. аль-Курди. Каир: Матба’ат ас-са’ада, 1921/22. С. 41.

²⁷ Эти болота, вероятно, существовали и тогда. Римский историк первой половины III в. Дион Кассий повествует, что Евфрат впадает в болото, а затем сливается с Тигром (Dio’s Roman History. Ed. E. Capps, T.E. Page, W.H.D. Rouse. Tr. E. Cary. Vol. VIII. London: William Heinemann, New York: G.P. Putnam’s Sons, 1925. P. 414–415).

Аббадана самое меньшее до Бушера (побережье Ардашир-хоррэ, о котором говорит ат-Табарӣ) и, значит, велись с большим размахом и в течение долгого времени.

Для воссоздания картины этих событий необходимо поместить их в исторический контекст. Здесь следует обратиться к истории племенного объединения банӯ ‘Абд аль-Қайс, принадлежавшего к более крупному объединению – банӯ Рабӣ‘а. Согласно ат-Табарӣ нападения исходили из его земель. По словам некоторых авторов, именно они наряду с банӯ Ийād нападали на сасанидские владения²⁸. Правда, оба источника, на которые сделана ссылка, – поздние компиляции; поэтому упоминания в них о нападениях банӯ ‘Абд аль-Қайс могут быть интерпретацией о походах из их земель. Но видно, что средневековые авторы уделяли банӯ ‘Абд аль-Қайс особую роль в рассматриваемых событиях.

Относительно банӯ ‘Абд аль-Қайс у нас есть ценный источник – рассказ о расселении племен банӯ Рабӣ‘а, основанный прежде всего на сведениях Хишāма аль-Кальбӣ (род. ок. 737 г., ум. в 819 или 821 г.) и сохранившийся в труде Абӯ ‘Убайда аль-Бакрӣ (ум. в 1094 или 1102/03 г.). Согласно ему банӯ Рабӣ‘а жили в Тихаме и Неджде. В результате междоусобицы их единство распалось, и банӯ ‘Абд аль-Қайс ушли на восток, в область Баҳрайна и Хаджара²⁹. Там жили арабские племена, принадлежавшие к банӯ Ийād и другому объединению – аль-азд. Одни из них были изгнаны, другие присоединились к банӯ ‘Абд аль-Қайс. Банӯ Ийād двинулись в сторону Ирака. За ними шли банӯ Шанн – племя из банӯ ‘Абд аль-Қайс. Банӯ Ийād повернули и двинулись на них. В борьбе противники едва не уничтожили друг друга. Об исходе войны не сообщается, но мы читаем, что банӯ Шанн заняли области вплоть до пределов Ирака. Другие племена из банӯ ‘Абд аль-Қайс также вели экспансию: банӯ Джазйма Ибн ‘Ауф захватили аль-Хатт, а банӯ Нукра Ибн Лукайз Ибн Афсā – аль-Қатйф. Далее сообщается, что в местах, где прежде жили банӯ Ийād, поселились племена из объединения банӯ Тамйм³⁰.

Ближе всего к рассказу аль-Бакрӣ стоит сообщение трактата «Книга о [потомках] Бакра и Тағлиба, двух сыновей Уā’иля Ибн

²⁸ аль-Кāмиль ... С. 301–302; Тарйх Раудат ас-сафā. Таснйф ... *Mīr Ḥ(в)ānd*. Т. 1. Тегеран: Марказ-и-Ḥаййām Пйрӯз, 1960. С. 749.

²⁹ Хаджар – совр. Қарйат аль-Қāра на северо-востоке Саудовской Аравии (истории этого селения в доисламское время автор намерен посвятить отдельную работу).

³⁰ Му‘джам мā иста‘джама мин асмā’ аль-билād уа аль-мауāди. Та’лйф ... *аль-Бакрӣ*. Изд. М. ас-Саққā. Бейрӯт: ‘Алам аль-кутуб, 1983. С. 81, 88.

Қасита»³¹. Согласно ему после ухода бану Ийад в область Бахрайна туда двинулись бану 'Абд аль-Қайс, которых вытеснили бану Мудар, т.е. племена из другого крупного объединения северных ('аднāнитских) арабов. Бану 'Абд аль-Қайс изгнали бану Ийад в приграничные (т.е. расположенные поблизости от Ирака) области. Бану Шанн преследовали бану Ийад и нанесли им большие потери. Далее, видимо, на основе другого источника, сообщается, что бану Рабī'а размножились, и между ними начались междоусобицы. Они переселились в Йемаму, которая в тексте предстает как обширная и полноводная область. Затем некоторые из бану Рабī'а переселились в область Бахрайна, там некоторое время жили в дружбе с бану Ийад, но затем изгнали их в Савад Ирака. Бану 'Абд аль-Қайс заняли аль-Хатт и сопредельные области, бану Шанн расселились до пределов Ирака, а бану Бакр Ибн Афсā – в аль-Қатйфе и его окрестностях³².

Из другого источника мы знаем, что война между бану Шанн и бану Ийад стала в устах арабов примером упорного противостояния равных по силе противников³³. Для самих бану 'Абд аль-Қайс победа над бану Ийад стала одним из свершений, о которых, восхваляя свое племя, упоминали поэты. Доисламский поэт 'Амр Ибн Асуā сказал:

«Мы отвадили [бану] Ийад от того, чтобы сражаться [с нами], и они ушли, а [бану] Бакр мы прогнали от вместилищ для воды в аль-Мушаққаре»³⁴.

Строго говоря, источники не связывают переселения бану 'Абд аль-Қайс с нападениями арабов на Иран. Но логика говорит в пользу того, что эти события следует сближать по времени. Аль-Хатт, захваченный бану 'Абд аль-Қайс – область Пуньят-Ардашира (главный

³¹ Эта книга, автор которой неизвестен, – собрание рассказов и стихов, главным образом о знаменитой войне из-за верблюдицы аль-Басус. В основном (в том числе и в начале текста, где обычно указывали имя автора) составитель ссылается на Мухаммада Ибн Исхāқа, который именуется *аль-Мутталиби* (Китāб Бакр уа Тағлиб ибнай Уā'иль Ибн Қасит. [Бомбей], 1887/88. С. 2, 28), т.е., очевидно, на Ибн Исхāқа (ум. ок. 767/68), а также на Хишāма аль-Кальби (Китāб Бакр ... С. 11, 90). Кажется, средневековый компилятор дополнил сообщения Ибн Исхāқа известиями других авторов.

³² Китāб Бакр ... С. 8.

³³ аль-Фāхир ли ... *Муфаддаль бин Салама*. Изд. 'А. ат-Тахауи. Каир: аль-Хай'а аль-мисриййа аль-'āмма ли-ль-китāб, 1974. С. 47.

³⁴ *аль-Му'йни* 'А. Шу'арā' 'Абд аль-Қайс фй аль-'аср аль-джāхилий. Эль-Кувейт: Му'ассасат джā'изат 'Абд аль-'Азйз Са'уд аль-Бāбтайн ли-ль-ибдā' аш-ши'рй, 2002. С. 390. Трудно сказать, связано ли с рассматриваемым временем также упоминание о конфликте с бану Бакр. В первом приближении его следует относить к более поздним временам, так как аль-Мушаққār (под этим именем) был отstroен в середине VI в.

или, по крайней мере, самый известный оплот Сасанидов на северо-востоке Аравии, заложенный основателем династии – Ардаширом I). Будь аль-Хатт захвачен раньше, т.е. до начала борьбы за власть, последовавшей за смертью Хормузда II, Сасаниды, вероятно, отбили бы его, как это впоследствии сделал Шапур II. Напротив, если отнести захват аль-Хатта ко времени малолетства Шапура II и смуты, арабы могли бы некоторое время удерживать его; это соответствует и рассказам источников, и историческому контексту.

На контексте мы основываемся и в случае с бану Ийад. Автор посвятил им отдельное исследование, и здесь следует повторить один из выводов: хотя многие детали, сообщаемые мусульманскими авторами, фактически относятся к набегам бану Ийад на Савад в VI в., вполне возможно, что аналогичные нападения имели место и в начале IV в., когда этому способствовала обстановка³⁵.

Приведенные сведения, разумеется, не полностью отражают картину событий. В них приняли участие и другие племена. Согласно рассказу, который воспроизводят ат-Табарий и некоторые другие авторы, Шапур II, изгнав арабов из Ирана и Ирака, перенес боевые действия в Аравию, где в первую очередь отбил сасанидские владения – аль-Хатт и Хаджар. Ко времени его прибытия в Хаджар там находились арабы из бану Тамйм, бану Бакр Ибн Уа'иль и бану 'Абд аль-Қайс³⁶. Из описаний похода Шапура в Аравию видно, что в противоборство были вовлечены и другие племена, история которых еще нуждается в восстановлении. Тем не менее изложенные сведения дают, кажется, основания для некоторых наблюдений и выводов, которые можно свести к следующему.

Нападения арабов на Сасанидскую державу явились следствием и одновременно продолжением их переселений. Войны между племенами вынуждали проигравших искать новые места обитания; так бану 'Абд аль-Қайс пришли в движение, потерпев поражение в борьбе с другими племенами из бану Рабй'а или бану Мудар, а бану Ийад стали нападать на Савад, уйдя к его границам после неудачи в войне против бану Шанн. Видимо, проигравшее в войне племя должно было уходить в места, где оказывалось без достаточных средств к существованию; это заставляло его идти вперед даже тогда, когда оно могло получить отпор от сасанидских войск. Но арабам помогало то, что силы Сасанидской державы были отвлечены на

³⁵ Мишин Д.Е. Бану Ийад в доисламскую эпоху // Восток (Oriens). 2018. № 3. С. 29–30.

³⁶ Annales ... Р. 839; Histoire ... Р. 519; аль-Кāмиль ... С. 302; Тарджомэ... С. 102.

борьбу за власть между сторонниками и противниками Шапура II. В ряде случаев арабы оседали там, куда вторгались. Они захватили сасанидские опорные пункты в Аравии и, согласно *Бундахишн-у*, области в низовьях реки Карун. Это напоминает вторжения «варваров» в пределы Римской империи: они не только поправляли своё материальное положение за счет грабежей, но и поселялись там, где считали условия жизни более подходящими.

Причины, вызвавшие переселения арабов, пока трудно установить. Ат-Табарӣ объяснял происшедшее их бедностью³⁷. Это кажется естественным: легко представить себе перенаселение и борьбу за скудные ресурсы пустыни. Но в племенном обществе, где всё племя поднималось на защиту своего члена или даже пользовавшегося покровительством чужака, для большого конфликта было довольно и рядового инцидента. На данном этапе мы можем констатировать только племенные междоусобицы, приобретшие значительный размах. Вопрос о том, могли ли действия арабов быть вызваны не внутренними, лежащими в их собственной жизни, а внешними причинами, пока не вполне ясен и, во всяком случае, нуждается в отдельном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мишин Д.Е. Бану Ийад в доисламскую эпоху // Восток (Oriens). 2018. № 3. С. 24–39.
2. Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М., 2014.
3. Annales quos scripsit ... *at-Tabari* / Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Lugduni Batavorum, 1881–1882.
4. Descriptio imperii moslemici auctore ... *al-Mokaddasi* / Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906.
5. Dio's Roman History / Ed. E. Capps, T.E. Page, W.H.D. Rouse. Tr. E. Cary. Vol. VIII. London: William Heinemann, New York: G.P. Putnam's Sons, 1925.
6. Géographie d'*Aboulféda* / Ed. M. Reinaud, Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.
7. Histoire des rois des Perses par ... *al-Tha'âlibî*. Pub. et tr. H. Zotenberg. Paris, 1900.
8. *Howgego C.J., Potts D.T.* Greek and Roman coins from Eastern Arabia // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. Vol. 3, issue 3, 1992. P. 183–189.
9. *al-Idrīsī*. Opus geographicum / Ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecia Vaglieri. Neapoli, Romae: Istituto Universitario Orientale di Napoli, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Fasc. IV. 1974.
10. *Kennet D.* Sasanian Coins from 'Uman and Bahrayn // *Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History* / Ed. D. Kennet, P. Luft. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 55–64.
11. Kitâb al-a'lâk an-nafisa auctore ... *Ibn Rosteh* et Kitâb al-boldân auctore ... *al-Jakûbî* / Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.

³⁷ Annales ... P. 836.

12. Le livre de la création et de l'histoire de *Motahhar ben Ṭāhīr el-Maqdisī* / Ed. Cl. Huart. T. 3. Paris, 1903.
13. *Le Strange G.* Description of Mesopotamia and Baghdād, written about the year 900 A.D. by Ibn Serapion // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1895. P. 1–76, 255–316.
14. *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge: University Press, 1930.
15. *Mochiri M.I.* Événements historiques, localisations géographiques et indice chronologique attestés par les monnaies de Shāpūr II // Iran. Vol. 27 (1989). P. 39–49.
16. Muğmal at-tawārīḥ wa-'l-qīṣaṣ : eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Hrsg. S. Najmabadi, S. Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux mondes, 2000.
17. *Nöldeke Th.* Geschichte der Araber und Perser zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.
18. *Nyberg H.S.* A Manual of Pahlavi. P. II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974.
19. *Potts D.T., Cribb J.* Sasanian and Arab-Sasanian Coins from Eastern Arabia // Iranica Antiqua. XXX, 1995. P. 123–137.
20. Synodicon orientale. Pub. J.B. Chabot. Paris, 1902.
21. The Būndahishn / Ed. T. D. Anklesaria. Bombay, 1908.
22. The Fārsnāma of *Ibnu'l-Balkhī* / Ed. G. Le Strange, R.A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921.
23. The History of *al-Ṭabarī* (Ta'rīkh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. V. The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Tr. C.E. Bosworth. New York: State University of New York Press, 1999.
24. The *Tajārib al-Umam* or History of *Ibn Miskawayh* / Ed. L. Caetani. Vol. I. Leiden, London, 1909.
25. *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore ... al-Istakhri* / Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1927.
26. *Zand-Ākāsīh: Iranian or Greater Bundahishn* / Tr. B.T. Anklesaria. Bombay: Rahnumae Mazdayasnan Sabha, 1956.
27. Абӯ 'Алӣ *Мискавайх* ар-Рāзӣ. Таджāриб аль-умам [Опыт народов]. Изд. А. Имāмӣ. Тереран: Дār Србш, 1987. Ч. 1.
28. Ансāб аль-ашрāф. Таснйф ... *аль-Балāзурӣ* [Родословные знатных людей. Сочинение ... аль-Балāзурӣ]. Изд. М. Ҳамидуллāх. Ч. 1. Каир: Дār аль-ма'āриф, 1959.
29. аль-Аҳбār ат-тиуāl. Та'лйф ... *ад-Дйнаварӣ* [Долгие сообщения. Сочинение ... ад-Дйнаварӣ]. Изд. 'А. 'Амир. Каир: Уизāрат ас-сақāфа уа аль-иршād аль-қаумӣ, аль-Иқлīm аль-джанūбӣ, аль-Идāра аль-'āмма ли-с-сақāфа, 1960.
30. аль-Кāмилъ фй-т-тāриḥ ли ... *Ибн аль-Асйр* [Совершенное изложение истории ... Ибн аль-Асйра]. Изд. А. 'А. аль-Қāди. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмиййа, 1987. Т. 1.
31. Китāб Бакр уа Тағлиб ибнай Уā'иль Ибн Қасит [Книга о [потомках] Бакра и Тағлиба, двух сыновьях Уā'иля Ибн Қасита]. [Бомбей], 1887/88.
32. Китāб аль-бульдāн. Та'лйф ... *Ибн аль-Фақйх* [Книга о странах и поселениях. Сочинение ... Ибн аль-Фақйха]. Изд. Й. аль-Хадй. Бейрут: 'Алам аль-кутуб, 1996.
33. Китāб тāриḥ сунй мулūk аль-ард уа-ль-анбийā'. Та'лйф *Ҳамза* ... *аль-Исфahānӣ* [История лет царей земли и пророков. Сочинение Ҳамзы ... аль-Исфahānӣ]. Berlin: Kaviani G.m.b.H., 1921/22.
34. Китāб сўрат аль-ард ли *Ибн Хауқаль* [Книга Ибн Хауқāля об облике земли]. Бейрут: Дār мактабат аль-ҳайā(т), 1979.
35. *аль-Мас'ūdӣ*. Мурўдж аз-захаб уа ма'āдин аль-джаухар [Промывальни золота и рудники драгоценных камней]. Изд. Ch. Pellat. Ч. 1. Бейрут: аль-Джāми'а аль-лубнāниййа, 1966.

36. аль-Ма'ариф ли *Ибн Қутайба* [[Книга] знаний Ибн Қутайбы]. Изд. С. 'Укаша. Каир: Дар аль-ма'ариф, 1981.
37. Му'джам аль-бульдән ли ... *Йақұт* [Справочник по странам и поселениям ... Йақұта]. Бейрут: Дар Сәдир, Дар Байрұт, 1977.
38. Му'джам мә иста'джама мин асма' аль-биләд уа аль-мауәди' Та'лиф ... *аль-Бакрӣ* [Справочник о том, что неясно из названий областей и мест. Сочинение ... аль-Бакрӣ]. Изд. М. ас-Саққә. Бейрұт: 'Алам аль-кутуб, 1983.
39. *аль-Му'йин* 'А. Шу'арә' 'Абд аль-Қайс фй аль-'аср аль-джәхилий [Поэты [бану] 'Абд аль-Қайс в доисламское время]. Эль-Кувейт: Му'ассасат джа'изат 'Абд аль-'Азиз Са'уд аль-Бәбтайн ли-ль-ибдә' аш-ши'рӣ, 2002.
40. Нихайят аль-араб фй ахбәр аль-фурс уа аль-'араб [Предел желания в [изложении] истории персов и арабов]. Изд. М.Т. Данешпәжұх. Тегеран: Анджоман-и әсәр ва мафәхир-и-фархангӣ, 1996/97.
41. Тарджомә-йе-Тәрих-и-Табари аз ... *Бал'амӣ* (қисмат-и-марбӯт бе Йрән) [Перевод Истории ат-Табари, [сделанный] Бал'амӣ (часть по истории Ирана)]. Изд. М.Дж. Машкұр. Тегеран: Чәпхәне-йе-Хайдарӣ, 1959.
42. Тәрих Раудат ас-сафә. Тасниф ... *Мӣр Ҳ(в)әнд* [История под названием «Сад чистоты». Сочинение ... Мирхонда]. Т. I. Тегеран: Марказ-и-Хаййәм Пйрӯз, 1960.
43. Тәрих *ат-Табарӣ* [История ат-Табарӣ]. Изд. М.А. Ибрәхӣм. Каир: Дар аль-ма'ариф. Ч. 2. 1968.
44. Тәрих *Халифа бин Хаййәт* [История Халифы Ибн Хаййәта]. Изд. А. Д. аль-'Умарӣ. Эр-Рияд: Дар Тайба ли-н-нашр уа ат-таузӣ, 1985.
45. *Фарнбағ Дәдағӣ*. Бундахеш [Сотворение основы]. Изд. М. Бахәр. Тегеран: Тӯс, 2016/17.
46. аль-Фәхир ли ... *Муфаддаль бин Салама* [Превосходное [сочинение] ... аль-Муфаддала Ибн Саламы]. Изд. 'А. ат-Тахауи. Каир: аль-Хай'а аль-мисрийя аль-'әмма ли-ль-китаб, 1974.
47. Футұх аль-бульдән. Тасниф ... *аль-Баләзурӣ* [Завоевание стран. Сочинение ... аль-Баләзурӣ]. Изд. 'А.А. ат-Таббә'. Бейрут: Му'ассасат аль-ма'ариф ли-т-тибә'а уа ан-нашр, 1987.
48. Худұд аль-'алам мин аль-Машриқ илә аль-Мағриб [Пределы мира от востока до запада]. Изд. М. Сотұдә. Тегеран: Дәнешкидәх-и-Техрән, 1962.
49. Шарх қасйдат Ибн 'Абдұн аль-ма'рұфа би-ль-Бассәма ли ... *Ибн Бадрұн* [Объяснение қасйды Ибн 'Абдұна, называемой *аль-Бассәма*]. Изд. М.С. аль-Курдӣ. Каир: Маṭба'ат ас-са'әда, 1921/22.

Dmitriy Ye. Mishin

ARAB ATTACKS ON THE SASANID EMPIRE'S SOUTHERN BORDERS IN THE FIRST YEARS OF SHAPUR II (307/8–379/80)'S REIGN

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
107031, Rozhdestvenka 12, Moscow, Russia*

This article is a study of Arabs' attacks on the southern parts of the Sasanian empire in the beginning of the rule of Shapur II (307/8–379/80). Memories of those attacks have been preserved in the Zoroastrian treatise of *Bundahishn* and in books

by medieval Muslim writers. The attacks were directed against the Iranian coast of the Persian Gulf (roughly, from Abbadan at least to present-day Busher) and the lands of Mesopotamia in the lower course of the Euphrates. The extant sources and the historical context show that the attacks were a consequence, and a continuation, of Arabic tribes' migrations towards the north-east of the Arabian Peninsula. In some cases Arabs did not merely undertake plundering raids, but settled in territories which they invaded.

Key words: Arabia; Banū 'Abd al-Ḳays; Banū Iyād, Sasanids; Shapur II.

About the author: *Dmitriy Ye. Mishin* – CSc., Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: mde@mts.ru).

REFERENCES

1. Abū 'Alī Miskawayh al-Rāzī. *Tad̲j̲ārib al-umam* [Experience of the Nations]. Ed. A. Imāmī. Part 1. Tehran: Dār Srōsh, 1987. (In Arabic)
2. *al-Akhhbār al-ṭiwāl. Ta'līf ... al-Dīnawarī* [Long Stories by ... al-Dīnawarī]. Ed. 'A. 'Āmir. Cairo: Wizārat al-thaḳāfa wa al-irshād al-ḳawmī, 1960. (In Arabic)
3. *Annales quos scripsit ... at-Tabarī*. Ed. M. J. De Goeje et al. Prima series. II. Lugduni Batavorum, 1881–1882.
4. *Ansāb al-ashrāf. Taṣnīf ... al-Balādhurī* [Genealogies of Noblemen by ... al-Balādhurī]. Ed. M. Ḥamīdullāh. Part 1. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1959. (In Arabic)
5. *Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Mokaddasi*. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906.
6. *Dio's Roman History*. Ed. E. Capps, T. E. Page, W. H. D. Rouse. Tr. E. Cary. Vol. VIII. London: William Heinemann, New York: G. P. Putnam's Sons, 1925.
7. *al-Fākhir li ... Mufaḍḍal bin Salama* [The Excellent by ... Mufaḍḍal Ibn Salama]. Ed. 'A. Al-Ṭahawī. Cairo: al-Hay'a al-miṣriyya al-'amma li-l-kitāb, 1974. (In Arabic)
8. Farnbagh Dādagī. *Bundahesh* [Essential Creation]. Tr. M. Bahār. Tehran: Tūs, 2016/17. (In Persian)
9. *Futūḥ al-buldān. Taṣnīf ... al-Balādhurī* [Conquests of the Lands by ... al-Balādhurī]. Ed. 'A. A. Al-Ṭabbā'. Beirut: Mu'assasat al-ma'ārif li-l-ṭibā'a wa-l-nashr, 1987. (In Arabic)
10. *Géographie d'Aboulfēda*. Ed. M. Reinaud, Mac Guckin de Slane. Paris, 1840. (In Arabic)
11. *Histoire des rois des Perses par ... al-Tha'ālibī*. Pub. Et tr. H. Zotenberg. Paris, 1900. (In Arabic)
12. Howgego C. J., Potts D. T. Greek and Roman coins from Eastern Arabia. *Arabian Archaeology and Epigraphy*. Vol. 3, issue 3, 1992, pp. 183–189.
13. *Hudūd al-'ālam min al-Mashriḳ ilā al-Maghrib* [Frontiers of the World from the East to the West]. Tehran: Dāneshkidāh-i-Tehrān, 1962. (In Persian)
14. *al-Idrīsī*. Opus geographicum. Ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecia Vaglieri. Napoli, Romae: Istituto Universitario Orientale di Napoli, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Fasc. IV, 1974.
15. *al-Kāmil fī-l-tārīkh li ... Ibn al-Athīr* [The Perfect History by ... Ibn al-Athīr]. Ed. A. 'A. al-Ḳāḍī. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmiyya, 1987. Vol. 1. (In Arabic)
16. Kennet D. Sasanian Coins from 'Uman and Bahrayn. *Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History*. Ed. D. Kennet, P. Luft. Oxford: Archaeopress, 2008, pp. 55–64.

17. *Kitāb al-a'lāk an-naḥṣa auctore ... Ibn Rosteh et Kitāb al-boldān auctore ... al-Jakūbī*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. (In Arabic)
18. *Kitāb Bakr wa Taghlib ibnay Wā'il Ibn Kāsīt* [Book on [the Descendants of] Bakr and Taghlib, the Two Sons of Wā'il Ibn Kāsīt]. [Bombay], 1887/88. (In Arabic)
19. *Kitāb al-buldān. Ta'līf... Ibn al-Faḥīh* [Book on Countries and Settlements by ... Ibn al-Faḥīh]. Ed. Y. al-Hādī. Beirut: 'Ālam al-kutub, 1996. (In Arabic)
20. *Kitāb Sīrat al-arḍ li Ibn Ḥawkal* [Book on the Appearance of the Earth by Ibn Ḥawkal]. Beirut: Dār Maktabat al-ḥayāt, 1979. (In Arabic)
21. *Kitāb tārikh sunī mulūk al-arḍ wa-l-anbiyā'*. *Ta'līf Ḥamza al-Isfahānī* [History of the Years of the Kings of the Earth and of the Prophets]. Berlin: Kavianī G.m.b.H., 1921/22. (In Arabic)
22. *Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar ben Ṭāhir el-Maqdisī*. Ed. Cl. Huart. T. 3. Paris, 1903. (In Arabic)
23. Le Strange G. Description of Mesopotamia and Baghdād, written about the year 900 A.D. by Ibn Serapion. Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1895, pp. 1–76, 255–316.
24. Le Strange G. *The Lands of the Eastern Caliphate*. Cambridge: University Press, 1930.
25. *al-Ma'ārif li Ibn Ḳutayba* [[A Book of] Knowledge by Ibn Ḳutayba]. Ed. S. 'Ukāsha. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1981. (In Arabic)
26. al-Mas'ūdī. *Murūdj al-dhahab wa ma'ādin al-djawhar* [Meadows of Gold and Mines of Gems]. Ed. Ch. Pellat. Part 1. Beirut: al-Djāmi'a al-lubnāniyya, 1966. (In Arabic)
27. Mishin D.Y. Banū Iyād in Pre-Islamic Epoch. Vostok (Oriens). 2018. No. 3, pp. 24–39. (In Russian)
28. Mishin D.Y. *Hosrov I Anushirvan (531–579), yego epoha i yego zhizneopisaniye i poucheniye v istorii Miskaveyha* [Khusraw I Anushirwan (531–579), His Epoch, and His Biography and Admonition in the History by Miskawayh]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russian.)
29. Mochiri M. I. Événements historiques, localisations géographiques et indice chronologique attestés par les monnaies de Shāpūr II. Iran. Vol. 27 (1989), pp. 39–49.
30. *Muğmal at-tawārīḥ wa-'l-qīṣas : eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert*. Hrsg. S. Najmabadi, S. Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux mondes, 2000. (In Persian.)
31. *Mu'djam al-buldān li ... Yākūt* [A Reference-Book on Countries and Settlements by... Yākūt]. Beirut: Dār Šādir, Dār Bayrūt, 1977. (In Arabic)
32. *Mu'djam mā ista'djam min asmā' al-bilād wa al-mawāḍi'*. *Ta'līf ... al-Bakrī* [A Reference-Book on Unclear Names of Regions and Places by ... al-Bakrī]. Ed. M. al-Sakḳā. Beirut: 'Ālam al-kutub, 1983. (In Arabic)
33. al-Mu'tinī 'A. *Shu'arā' 'Abd al-Ḳays fī al-'aṣr al-djāhilī* [Poets of [Banū] 'Abd al-Ḳays in the Djāhiliyya Epoch]. Kuwait City: Mu'assasat djā'izat 'Abd al-'Azīz Sa'ūd al-Bābṭayn li-l ibdā' al-shi'rī, 2002.
34. *Nihāyat al-arab fī akhbār al-furs wa al-'arab* [The Utmost of What May Be Desired in Exposition of the History of Persians and Arabs]. Ed. M. T. Dāneshpezhūkh. Tehrān: Andjoman-i-āthār wa mafākhir-i-farhangī, 1996/97. (In Arabic)
35. *Nöldeke Th.* Geschichte der Araber und Perser zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.
36. *Nyberg H. S.* A Manual of Pahlavi. P. II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974.
37. Potts D.T., Cribb J. Sasanian and Arab-Sasanian Coins from Eastern Arabia. Iranica Antiqua. XXX, 1995, pp. 123–137.
38. *Sharḥ ḳaṣīdat Ibn 'Abdūn al-ma'rūfa bi-l-Bassāma li ... Ibn Badrūn* [Explanation of Ibn 'Abdūn's Poem Known as al-Bassāma]. Ed. M.Š. al-Kurdī. Cairo: Maṭba'at al-sa'āda, 1921/22. (In Arabic)

39. *Synodicon orientale*. Pub. J.B. Chabot. Paris, 1902.
40. *Tardjuma-i-Tārīkh-i-Ṭabarī az ... Bal'amī (ḳismat-i-marbūṭ be Īrān)* [Translation of al-Ṭabarī's History by ... Bal'amī (Part on the History of Iran)]. Ed. M.Dj. Mashkūr. Tehran: Chāpkhāneh-i-Ḥaydarī, 1959. (In Persian)
41. *Tārīkh Khalīfa Ibn Khayyāt* [History by Khalīfa Ibn Khayyāt]. Ed. A.Ḍ. al-'Umarī. Riyadh: Dār Ṭayba li-l-nashr wa al-tawzī', 1985. (In Arabic)
42. *Tārīkh Rawḍat al-ṣafā. Taṣnīf ... Mīr Khwānd* [History [Entitled] 'Garden of Purity' by ... Mīr Khwānd]. Vol. 1. Tehran: Markaz-i-Khayyām Pīrūz, 1960. (In Persian)
43. *Tārīkh al-Ṭabarī* [al-Ṭabarī's History]. Ed. M.A. Ibrāhīm. Cairo: Dār al-ma'ārif. Part 2. 1968. (In Arabic)
44. *The Būndahishn*. Ed. T.D. Anklesaria. Bombay, 1908. (In Middle Persian)
45. *The Fāršnāma of Ibnu'l-Balkhī*. Ed. G. Le Strange, R. A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921. (In Persian)
46. *The History of al-Ṭabarī (Ta'rīkh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. V. The Sāssānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen*. Tr. C.E. Bosworth. New York: State University of New York Press, 1999.
47. *The Tajārib al-Umam or History of Ibn Miskawayh*. Ed. L. Caetani. Vol. I. Leiden, London, 1909. (In Arabic)
48. *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore ... al-Istakhrī*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1927. (In Arabic)
49. *Zand-Ākāsīh: Iranian or Greater Bundahishn*. Tr. B.T. Anklesaria. Bombay: Rahnumae Mazdayasnan Sabha, 1956.

К.Д. Никольская

**«НОВОКРЕЩЕННЫЕ ИНДЕЙЦЫ»
В АСТРАХАНСКОЙ ТОРГОВОЙ КОЛОНИИ**

Часть 1

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».
1199916 Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются случаи крещения индийских торговцев, живших на Волге в Астраханской губернии в XVII–XVIII вв. Основными источниками для анализа являются документы Астраханского архива. Помимо архивных документов, исследование привлекает записки иноземных и отечественных путешественников: Петра Симона Палласа, Иоганна Готлиба Георги, Яна Янсена Стрейса, Альфреда Грандидье, А.Н. Краснова. В качестве сравнительного материала используются данные древнеиндийской дидактической литературы. В результате исследования формулируется ряд проблем, которые до настоящего времени не рассматривались ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. Основные вопросы, анализируемые в статье, заключаются в следующем. Как можно было определить среди индийских купцов тех, кто был крещен? Как складывались отношения между новообращенными и их собратьями-индустами? Какова была процедура крещения иноземцев в России? Какие мотивы могли побудить индуса или мусульманина изменить вероисповедание? И наконец, как могла сложиться дальнейшая судьба индийца, принявшего крещение?

Ключевые слова: индийские торговцы; Астрахань; касты; крещение.

Считается, что основная масса индусов, меняющих свою профессиональную принадлежность, всегда относилась и относится к категории низкокастовых и обездоленных¹. О низком социальном статусе новообращенных писали многие европейские путешествен-

Никольская Ксения Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sniff0210@gmail.com).

¹ Например: *Юрлова Е.С.* Индия: от неприкасаемых к далитам. М., 2003. С. 56 и далее; *Кудрявцев М.К.* Неприкасаемые (О некоторых особенностях кастовой организации в Индии) // Дваждырожденный: Рубежи войны и науки Михаила Кудрявцева, индолога и артиллериста. СПб., 2005. С. 253–254.

ники эпохи Нового времени. «Индийцы, не принадлежащие к кастам, охотнее прочих туземцев обращаются в христианство...»²; «...только элементы низших каст обыкновенно вербуются миссионерами в свою паству, уже по этому одному мало популярную и не имеющую успеха в Индии...»³

Мотивом для перехода в другую веру в этом случае оказывались соображения социального престижа и стремление изменить свое положение, в том числе, и материальное: «те, кто отрекается от заблуждений идолопоклонства, делают это с целью получить награды или покровительство...»⁴ В перспективе смена вероисповедания могла сыграть роль «социального лифта».

Однако такая интерпретация мотивов обращения высвечивает лишь одну из сторон ситуации. На самом деле, вопросы о причинах смены вероисповедания, о взаимоотношениях неофитов со своими прежними единоверцами, об отношении к ним соплеменников оказываются гораздо более сложными и запутанными. Жанр статьи не позволяет в полной мере рассмотреть эту тему. Тем не менее кажется возможным коснуться одной из ситуаций, складывающихся в относительно замкнутой социальной группе.

Некоторое количество случаев крещения индусов обнаруживается в документах, связанных с астраханской колонией индийских купцов, существовавшей на Волге в продолжение нескольких столетий, начиная с XVII в. Случаев этих не слишком много. Потому, вероятно, те путешественники, которые касались темы астраханских индийцев, обыкновенно оставляли эту проблему в тени. Так, в записках исследователей XVIII в. (И.Г. Георги, П.С. Паллас и др.) они не упоминаются вовсе. Объяснять это можно по-разному. Резонно предположить, что крестившийся индеец автоматически исключался из своей кастовой группы и, значит, не попадал в поле зрения тех, кто наблюдал за жизнью колонии. Либо же выкресты попросту в меньшей степени интересовали искателей восточной экзотики. Сходным образом обстоит дело и в современной исследовательской литературе. Так, к примеру, в монографии Н.Б. Голиковой⁵, достаточно подробно разбирающей документы об индийских торговцах, крещеные индийцы упоминаются лишь вскользь. А в монографии

² Грандидье А. Индия и Цейлон. СПб., 1871. С. 159.

³ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия. СПб., 1898. С. 157.

⁴ Грандидье А. Указ. соч. С. 159.

⁵ См.: Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII века. М., 1982.

П.М. Кемп, где целая глава посвящена астраханской тематике, христиане-индийцы упоминаются лишь между делом⁶.

Однако, несмотря на малочисленность данных, и по ним можно выявить любопытные обстоятельства и нюансы. Одновременно источники такого рода в некоторой степени позволяют разобраться с порядком процедуры обращения, и, что еще важнее, отчетливее представить себе мотивы, побуждающие индийца сменить вероисповедание.

Обращаясь к проблеме этой индийской диаспоры, мы получаем в свое распоряжение документы из российских архивов, с одной стороны, с другой – описания образа жизни астраханских индийцев, содержащиеся в трудах европейских путешественников. Однако у нас совершенно отсутствуют данные «с третьей стороны», «показания главных свидетелей и участников». Мы совершенно не представляем, что творилось в сознании самих неофитов и их соплеменников. Что, в самом деле, с их точки зрения могло быть стимулом для обращения? Насколько глубоким оказывалось погружение в новую религию? И каково было отношение к вероотступникам со стороны их прежних единоверцев? Источников, содержащих свидетельства самих астраханских индийцев, у нас нет. Однако все же стоит попытаться разобраться в этих вопросах, работая с имеющимися в нашем распоряжении материалами.

Еще одна сложность, с которой мы сталкиваемся, обращаясь к документам астраханских архивов, состоит в изначальной конфессиональной неоднородности индийских колонистов. Большая часть сведений, сохранившихся в записках путешественников, касается индусов. Однако сами же эти путешественники в качестве родины купцов чаще всего называют Мултан – область, преимущественно мусульманскую. В документах XVIII в. мы, как ни странно, практически не встречаем индийских приверженцев ислама. Однако в текстах XVII в., в том числе в контексте темы крещения, они присутствуют. Так, к примеру, в документе от 1668 г. фигурирует некий индиец Реза – скорее всего, мусульманин, о чем свидетельствует его имя и рукоприкладство «на тюрки» (86.1)⁷. Безусловно, смена вероисповедания должна интерпретироваться с учетом изначального конфессионального статуса неофита и потому различаться.

⁶ См.: *Kemp P.M. Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Medieval Times to the October Revolution/Delhi, 1958. P. 81, 102.*

⁷ Здесь и далее нумерация документов XVII в. дается курсивом, нумерация документов XVIII в. – обычным шрифтом. Документы XVII в. цит. по изданию: *Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1958.*

Все же определенное сходство ситуаций, о чем будет сказано ниже, позволяет привлекать для анализа и случаи крещения индийских мусульман.

Для начала следует определиться: как в астраханских документах выявляются недавние христиане? В некоторых случаях ситуация выглядит предельно просто: сами составители «бумаги» указывают разом и этническое происхождение («индеец», «индейской нации»), и конфессиональный статус («новокрещеный») упоминаемых лиц. При этих эпитетах стоит и имя, и «фамилия» новообращенных, которые, совершенно ожидаемо, имеют неиндийскую природу: Рамдасовы и Лалаевы (по приезду в Россию индийские имена традиционно менялись «на русский манер») после крещения автоматически превращались в Ивановых, Федоровых и Павловых.

Никаких вопросов не возникает с такими персонажами, как «новокрещеный индеец Петр Иванов» (53) или «новокрещеный индейской нации Павел Павлов» (106)⁸. Как показывают документы, имя менялось в обязательном порядке. Выбор его диктовался святыми, т.е. зависел от дня крещения. «Фамилия» же образовывалась от имени собственного. «Иванов» или «Федоров» являлись не столько фамилией в нашем понимании этого слова, сколько отчеством (Иванов – сын Ивана, Федоров – Федоров сын и т.п.). Отчество указывало на имя крестного отца прозелита. Это предположение подтверждается текстами источников. Так, среди материалов XVII в. есть подборка документов 1668 г., посвященных обстоятельствам и процедуре крещения некоего «иноземца Индийской земли» Рзы / Ирзы (Резы). При крещении он получает имя Матфей. Крестным отцом его выступает «новгородские чети подъячей Федор Климентов». В результате Реза превращается в Матюшку Федорова (86).

В некоторых случаях сохранялась и индийская часть «имени». Так, скажем, в документах XVIII в. (129, 138) фигурирует Петр Иванов сын Сунгура, в достаточной степени известный персонаж – *vis-à-vis* и информатор Я.Г. Кера, одного из первых немецких востоковедов, работавших в России⁹. Петр Иванов – имя и «фамилия», полученные при крещении. В то же время у новокрещеного сохраняется и его индийское имя. Объяснение такой странности может быть очень простым. Достаточно обратить внимание на то, что имена, равно как

⁸ Документы XVIII в. цит. по изданию: Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965.

⁹ Вигасин А.А. Дворянин новокрещеной из ындейцов Петр Иванов сын Сунгура // Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 66–71.

и «фамилии», получаемые при крещении, не отличаются особым разнообразием. Соответственно, новокрещеных «Петров Ивановых сынов» даже в одной только Астрахани могло быть несколько. В этом случае то, что он Сунгура, становилось «знаком отличия».

Несколько сложнее те случаи, когда в документах нет указания на христианское вероисповедание, а названы лишь имена. Например, в 35 упоминается некто Лука Индейцов, секретарь Астраханской губернской канцелярии. Ясно, что это не исковерканное «на русский лад» индийское имя: «Лука» со всей очевидностью отсылает нас к одному из апостолов и таким образом может означать, что перед нами выкрест. Лука Индейцов появляется только в одном документе и выступает в нем как своего рода посредник во взаимоотношениях индийских торговцев и городских властей. Нельзя исключать, что перед нами всего лишь чиновник, отвечавший за «индийские вопросы», вероятно, владеющий языком восточных гостей и потому получивший соответствующее прозвище. С другой стороны, этот текст – не единственный, в котором этноним превращается в подобие фамилии. В уже упомянутом тексте челобитной, составленной от имени «дворянина новокрещеного из-ындейцов Петра Иванова сына Сунгуры» (138) фигурирует его крестный брат – «новокрещеный индеец Федор Индесс». О последнем мы точно знаем, что он, действительно, индеец и в прошлом звался Наратам Лаладжетуча. Если в случае с Лукой еще могут оставаться сомнения по поводу его этнической и конфессиональной принадлежности, то в данном случае при общем типологическом подобии имен этнический и конфессиональный статусы совершенно очевидны.

Есть небольшое количество случаев, когда индийский купец не называется новокрещеным, но тем не менее имеет имя совершенно неиндийской природы. Так, в документе 183 фигурируют трое индийских купцов, которые в услужении имеют еще двоих соплеменников. Один из этих слуг именуется Тира Савельев. Не вполне понятным кажется происхождение его имени. Имя Тира отсутствует в святцах. Кроме того, новокрещеным он также не называется. Однако его «фамилия» очевидно никак не могла образоваться от исковерканного индийского имени. Восходящая к имени Савелий, она дает нам возможность и в нем подозревать выкреста.

Итак, кроме очевидных случаев, когда тема смены вероисповедания напрямую упоминается в тексте документа, кажется возможным предполагать новокрещеных прежде всего в тех индийцах, которые становятся обладателями новых имен. Даже в тех случаях, когда документы напрямую не фиксируют факт крещения.

Второй принципиальный вопрос – деятельность и образ жизни крещеных индийцев. Смена вероисповедания, да еще в условиях компактного проживания за пределами своей страны, на первый взгляд, должна была бы создавать серьезную дистанцию между индусами и неофитами. В самом деле, именно конфессиональная принадлежность для «челночных мигрантов»¹⁰, наряду с языком, может выступать как фактор, позволяющий малочисленной группе иноземцев сохранять собственную идентичность в чужеродной – иноязычной и иноконфессиональной – среде. В случае с кастовыми индусами ситуация, по идее, должна еще усугубляться: смена вероисповедания лишает индуса кастового статуса и создает массу препятствий ритуального свойства для общения с ним его прежних единомышленников.

Материала, позволяющего в полной мере оценивать степень отторжения новокрещенных от сообщества индийских купцов или же, напротив, степень их включенности в жизнь общины, совсем немного. Однако некоторые наблюдения сделать все же возможно. Обратимся к текстам документов.

Прежде всего следует отметить: нет никаких свидетельств того, что новокрещенные индийцы проживали со своими прежними единомышленниками на Индийском торговом дворе. Их имен нет в переписях его обитателей. Кроме того, из документов ясно видно, что любое нарушение религиозных предписаний, влечет за собой переселение за пределы слободы. Так, например, индийские торговцы, вступавшие в договорные браки с татарками, часто переселялись со своими женами и детьми на так называемый Агрыжанский двор¹¹. Возможно, крещеные индийцы жили «своими домами». Это тем более вероятно, что каждый из них получал приличную выплату за крещение, о чем пойдет речь ниже.

Принципиально различаются ситуации, рисуемые ранними документами (XVII в.) и теми, которые составлялись после многих десятилетий существования индийской колонии на Волге. Так, особым драматизмом отличается история желающего креститься индийца Джукки, который в 1675 составляет челобитную Алексею Михайловичу о препятствиях чинимых его соотечественниками, насильственно переправившими его из Москвы в Астрахань (142). Он жалуется: «...заввав меня к себе на дом обманом, и меня, бедна-

¹⁰ Термин позаимствован: *Попков В.* Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 161.

¹¹ Подробнее см.: *Никольская К.Д.* «Дурные браки» в индийской традиции // Восток (Oriens). 2019. № 4. С. 113–114.

го, скодили и креститца мне не велят и угрожают всячески, и по их челобитью ныне я посажен на струг, хотят меня вести в Астарахань, а я ехать не хочу». Завершает свое прошение он слезной мольбой: «вели, государь, меня крестить в православную христианскую веру, чтоб мне в-индейской вере вконец не погинуть».

Собственно, это едва ли не единственный документ, столь отчетливо демонстрирующий негативное отношение индийцев к попыткам их соотечественников сменить вероисповедание.

Определенное количество конфликтных ситуаций ожидаемо складывается вокруг вопросов возвращения долгов и наследования имущества в тех случаях, когда одна из сторон представлена лицом, перешедшим в христианство. Такие документы и в XVII, и в XVIII вв. составляют добрую половину текстов, где в каком-либо виде поднимается тема крещения индийцев (например: 180, 64 и т.д.). Однако нежелание возвращать долги или передавать наследство выкрестам по ряду причин вряд ли может быть связано со стремлением индийцев дистанцироваться от ренегатов. Если бы дело было в этом, их контакты были бы невозможны и в рамках других тем. В документах же мы видим иную ситуацию.

Исключая упомянутого ранее секретаря Астраханской губернской канцелярии Луку Индейцова (вероисповедание которого, как и этническая принадлежность, не вполне очевидны), остальные наши неопиты прямо или косвенно связаны с торговлей. Так, скажем, новокрещеный Петр Иванов (53) выступает с «челобитием» по поводу долга, который остался невыплаченным двум его соотечественникам, купцам Мату и Абицанду, о чем они передали ему, Петру Иванову, закладное письмо. Сохраняется некоторая вероятность того, что завязка интриги (лето 1727 г.) случилась еще до крещения челобитчика (документ составлен через полтора года, в январе 1729 г.). Однако в других документах в подобном случае указывается прежнее имя выкреста (64, о котором речь еще пойдет). В 183 документе Тира Савельев (вероисповедание которого тоже не вполне очевидно) прямо называется «индейским купцом».

Это дает нам повод предполагать, что, по крайней мере, часть выкрестов, так или иначе, сохраняли связь и с соотечественниками, и с торговлей. Правда, не всегда ясно, насколько их торговая деятельность пересекалась с деятельностью колонии.

Более того, можно предположить, что в некоторых случаях именно новокрещеные индийцы выступали как посредники между соотечественниками и местными жителями. Таковой видится роль упомянутого ранее Петра Иванова (53), от имени которого была

составлена челобитная о невыплате долга. Обыкновенно в документах указывается, на каком языке выполнена подпись («рукоприкладство»): на индийском, на тюрки и т.п. Однако в ряде случаев упоминается просто рукоприкладство. Резонно предположить, что в этих случаях подпись делается на том же языке, на котором составлен и сам текст – т.е. на русском. По крайней мере, именно в тех документах, где действующими лицами являются индийские выкресты, мы обнаруживаем не «рукоприкладства на индийском языке», а просто подпись. Вероятно, писать по-русски могли именно крещеные индийцы. Чисто гипотетически, русской грамоте они могли обучиться во время так называемого «опытания» при монастыре перед крещением, о котором речь еще пойдет ниже.

Примерно понятна процедура перехода. В документах XVII в. она выглядит проще и короче, чем в XVIII в. Так, в 1668 г. Алексею Михайловичу передается челобитная «бедного и беспомощного» индийца Резы, который уже упоминался ранее, с просьбой о крещении (86.1). Затем из Посольского приказа в Разрядный приказ отправляется документ, повелевающий совершить саму процедуру (86.2). После чего следует вознаграждение неофиту за сам факт смены вероисповедания (собственно, бывший Реза, а ныне Матюшка Федоров очень волнуется, что с этим вознаграждением вышла проволочка – 86.3-6). Документы XVIII в. настаивают на невозможности принуждения к крещению (119). Более того, полагается детально расспросить о причинах, подвергнуть определенным испытаниям (например, именно так выглядит передача индийца в Невский монастырь «для наставления» – 45) и затем направить запрос в Сенат. При такой сложной системе говорить о массовом крещении в принципе невозможно.

Наконец, самым любопытным оказывается вопрос мотивов смены вероисповедания. Как уже говорилось выше, в самой Индии значительное число неофитов из числа бывших индусов всегда составляли и составляют представители кастовых низов. Однако в случае с астраханскими индийцами ситуация выглядит совершенно иначе.

Архивные документы из Астрахани по понятным причинам не содержат никаких прямых указаний на кастовый статус жителей индийского двора: российских чиновников не только не волновал этот вопрос, но в принципе вряд ли был известен. Этническую принадлежность, имя, возраст, род деятельности документы педантично перечисляют, когда речь заходит об иноземцах. Однако лишь по «косвенным уликам» мы можем предположить, каким кастовым статусом обладает индийский гость.

Так, если в документах 30–34 фигурирует «индейский поп Бала-рама», мы можем с уверенностью считать, что речь идет о брахмане. Тем более, что присутствие брахманов среди индийских купцов подтверждается данными Петра Симона Палласа¹². Вероятнее всего, о брахмане говорится и в документе 35 – «челобитье индейской веры учителя Банкрана Ченкрасына».

В некоторых случаях косвенным указанием на кастовый статус может служить имя, пусть и сильно искаженное. Так, в документах XVIII в. многократно упоминается Марвари Бараев¹³, крупный купец и ростовщик, в имени которого можно предполагать отсылку к названию касты марвари¹⁴.

По свидетельству Петра Симона Палласа, индийские купцы, живущие на Волге, именуют себя баньянами (Banjanen)¹⁵. Баньянами же называет астраханских индийцев голландский путешественник XVII в. Ян Стрейс¹⁶. Возможно, речь идет о банья – крупной торговой касте, или точнее совокупности каст¹⁷, традиционно возводящих свое происхождение к варне вайшьев¹⁸. Впрочем, как известно, наименование кастовой группы банья происходит от санскритского слова *vanij*, что буквально переводится как «торговец»¹⁹. Поскольку, и Паллас, и Стрейс имели весьма слабое представление о специфике кастового общества (о чем красноречиво свидетельствуют их тексты), не исключено, что информаторы вовсе не называли европей-

¹² Pallas P.S. Etwas über die zu Astrahan wohnende Indianer // Neue Nordische Beitrage zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung. 1782. Vol. III. Русский перевод см.: Никольская К.Д. Астраханские индийцы в забытой статье Петра Симона Палласа // «В России надо жить долго...». М., 2010. С. 381 и далее.

¹³ В текстах он называется то Марвари, то Марварей, то Марварий, то Марвара.

¹⁴ Народы Южной Азии. М., 1963. С. 908.

¹⁵ Pallas P.S. Op. cit.

¹⁶ См.: Стрейс Ян Янсен. Письмо 06.03.1671 // Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. М., 1935.

¹⁷ См.: Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб., 2010. С. 9.

¹⁸ Впрочем, слово «банья» для европейцев эпохи Нового времени не всегда четко ассоциировалось именно с торговлей. Создается ощущение, что этим термином иногда называют едва ли не всех кастовых индусов. Так, немецкий путешественник XVII в. Мандельсло в своем «Описании путешествия на Восток» (“Morgenländische Reise-Beschreibung”), говоря о раджпутрах, пишет: «...*Рассбу́ты* (Raßbuten) тоже язычники. Некоторые утверждают, что они, должно быть, один из видов *беньянов*...» (Цит. по изд.: Dharmapal-Frick G. Indien im Spiegel deutscher Quellen der Frühen Neuzeit (1500–1750), Tübingen, 1994. S. 221. [Перевод мой. – К.Н.]

¹⁹ Böhlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. St. Petersburg, 1884, s.v. *vanij*.

ским путешественникам свой кастовый статус, а лишь сообщали о своем роде деятельности.

По сути, мы не можем с уверенностью сказать о том, был ли индийский двор монокастовым или же многокастовым. Однако сам факт проживания «баньян» бок о бок говорит о том, что в кастовой иерархии они занимали близкое положение. Не случайно, ни иноземцев, ни детей от смешанных браков с астраханскими татарками на индийском подворье не было²⁰. Как бы то ни было, очевидно, что под баньянами следует видеть не просто кастовых индусов, но людей, обладающих в достаточной степени высоким социальным статусом. А значит, мотивы перехода астраханских купцов в христианство были иными, нежели в случае с представителями кастовых низов.

Жизнь кастового индуса подчинена строгим правилам, соблюдение которых гарантирует ему сохранение его статуса. Малейшее отступление от них грозит, как минимум, кастовым осквернением. Серьезное нарушение предписаний чревато исключением из касты. Стоит учитывать, что наши баньяны находились не просто далеко от родины, но на территории другого государства, в окружении чужаков – людей, живущих по совершенно иным порядкам и в иной системе ценностей. Соблюдение кастовых предписаний, в том числе при решении элементарных бытовых проблем, в этих условиях было сопряжено с большими сложностями. Очевидно, что опасность осквернения подстерегала «баньянов» буквально на каждом шагу.

Одновременно и сами индийцы для астраханцев оставались чужеземцами, иноверцами, язычниками. В этих обстоятельствах индийским торговцам приходилось каким-то образом создавать режим наибольшего благоприятствования для своей коммерческой деятельности. Какие средства они могли использовать? Не оказывалась ли смена вероисповедания инструментом, при помощи которого индийские торговцы «оптимизировали» свою торговую деятельность?

Продолжение следует...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
2. *Брикнер А.Г.* К истории цен в России 17 века // Журнал Исторический вестник. 1885. Т. 20. № 5.
3. *Вигасин А.А.* «Дворянин новокрещеной из ындейцов Петр Иванов сын Сунгура» // Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

²⁰ Подробнее см.: *Никольская К.Д.* «Дурные браки» в индийской традиции // Восток (Oriens). 2019. № 4.

4. *Ганди М.* Моя жизнь. М., 1959.
5. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода. М., 1999.
6. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII века. М., 1982.
7. *Грандидье А.* Индия и Цейлон. СПб., 1871.
8. Индийские женщины // *Русская мысль*. 1897. № 10.
9. *Краснов А.Н.* Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия. СПб., 1898.
10. *Кудрявцев М.К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971.
11. *Кудрявцев М. К.* Неприкасаемые (О некоторых особенностях кастовой организации в Индии) // Дважды рожденный: Рубежи войны и науки Михаила Кудрявцева, индолога и артиллериста. СПб., 2005.
12. *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. М., 2001.
13. Народы Южной Азии. М., 1963.
14. *Никольская К.Д.* Астраханские индийцы в забытой статье Петра Симона Палласа // «В России надо жить долго...». М., 2010.
15. *Никольская К.Д.* «Дурные браки» в индийской традиции // *Восток (Oriens)*. 2019. № 4.
16. *Попков В.* Феномен этнических диаспор. М., 2003.
17. Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1958.
18. Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965.
19. *Стрейс Ян Янсен.* Письмо 06.03.1671 // Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. М., 1935.
20. *Успенская Е.Н.* Антропология индийской касты. СПб., 2010.
21. *Юрлова Е.С.* Индия: от неприкасаемых к далитам. М., 2003.
22. *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. St. Petersburg, 1884.
23. *Dharmapal-Frick G.* Indien im Spiegel deutscher Quellen der Frühen Neuzeit (1500–1750). Tübingen, 1994.
24. *Kane P.V.* History of Dharmaśāstra. Ancient and Medieval, Religious and Civil Law. Vol. III. Poona, 1973.
25. *Kemp P.M.* Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Medieval Times to the October Revolution. Delhi, 1958.
26. *Pallas P.S.* Etwas über die zu Astrahan wohnende Indianer // *Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung*. 1782. Vol. III.

Kseniia D. Nikolskaia

“NEWLY BAPTIZED INDIANS” IN ASTRAKHAN TRADE COLONY. PART 1

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with cases of baptism of Indian traders who lived on the Volga in Astrakhan city in the XVII–XVIII centuries. The main sources for analysis are the documents of the Astrakhan archive. In addition to archival documents, the research involves the notes of foreign and native travelers to Russia and India: Peter Simon Pallas, Johann Gottlieb Georgi, Jan Jansen Struys, Alfred Grandidier, A.N. Krasnov.

The data of ancient Indian didactic literature are used as a comparative material. The study raises a number of questions that have not been considered until now either in the domestic or foreign research literature. The main issues analyzed in the article are as follows. How could one identify among the Indian merchants those who had been baptized? What kind of relationship was between the newly baptized and their fellow Hindus? What was the procedure of baptism for foreigners in Russia? What motives could induce a Hindu or a Muslim to change his religion? And finally, how could there be a further fate of an Indian, who changed his religion?

Key words: Indian traders; Astrakhan; castes; baptism.

About the author: *Kseniia D. Nikolskaia* – PhD (History) from IAAS, Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sniff0210@gmail.com).

REFERENCES.

1. Bayburin A.K. *Ritual v traditsionnoy kultur*. [The ritual in the traditional culture] St.Petersburg, 1993. (In Russ.)
2. Briker A.G. *K istorii tsen v Rossii 17 veka* [On the history of prices in Russia of the 17th century]. *Zhurnal Istoricheskoy vestnik*, 1885. Vol. 20. № 5. (In Russ.)
3. Vigasin A.A. «Dvoryanin novokreschenoy iz yindeytsov Petr Ivanov syn Sungura». *Izucheniye Indii v Rossii (ocherki i materialy)*. Moscow, 2008. (In Russ.)
4. Gandi M. *Moya zhizn* [My life]. Moscow, 1959. (In Russ.)
5. Gennep A. van. *Obryadyi perehoda* [Rites of passage] Moscow 1999. (In Russ.)
6. Golikova N.B. *Ocherki po istorii gorodov Rossii kontsa XVII – nachala XVIII veka* [Essays on the history of Russian cities of the late XVII-early XVIII century]. Moscow, 1982. (In Russ.)
7. Grandide A. *Indiya i Tseylon* [India and Ceylon]. St. Petersburg, 1871. (In Russ.)
8. *Indiyskie zhenschiny* [Indian woman] *Russkaya mysl*. 1897, №10. (In Russ.)
9. Krasnov A.N. *Iz kolyibeli tsivilizatsii. Pisma iz krugosvetnogo puteshestviya* [From the cradle of civilization. Letters from a trip around the world]. St. Petersburg, 1898. (In Russ.)
10. Kudryavtsev M.K. *Obschina i kasta v Hindustane* [Community and caste in Hindustan]. Moscow, 1971. (In Russ.)
11. Kudryavtsev M. K. *Neprikasaemye (O nekotorykh osobennostyakh kastovoy organizatsii v Indii)* [The untouchables (On some peculiarities of the caste organization in India)]. *Dvazhdyirozhdennyiy: Rubezhi voyni i nauki Mihaila Kudryavtseva, indologa i artillerista*. St. Petersburg, 2005. (In Russ.)
12. Lich E. *Kultura i kommunikatsiya. Logika vzaimosvyazi simvola* [Culture and communication. The logic of the relationship of symbols]. Moscow, 2001. (In Russ.)
13. *Narody Yuzhnoy Azii* [Peoples Of South Asia]. Moscow, 1963. (In Russ.)
14. Nikolskaya K.D. *Astrahanskii indiytsy v zabyitoy state Petra Simona Pallasa* [Astrakhan Indians in a forgotten article by Peter Simon Pallas]. “V Rossii nado zhit dolgo...” Moscow, 2010. (In Russ.)
15. Nikolskaya K.D. “*Durnyye braki*” v *indiyskoy traditsii*. [“Bad marriage” in Indian tradition] *Vostok (Oriens)*. 2019. № 4. (In Russ.)
16. Popkov V. *Fenomen etnicheskikh diaspor*. [Phenomenon of ethnic diasporas] Moscow, 2003. (In Russ.)
17. *Russko-indiyskie otnosheniya v XVII v.* [Russian-Indian relations in the XVII century]. Moscow, 1958. (In Russ.)

18. *Russko-indiyskie otnosheniya v XVIII v.* [Russian-Indian relations in the XVIII century]. Moscow, 1965. (In Russ.)
19. Streys, Yan Yansen. *Pismo 06.03.1671* [Letter 06.03.1671]. Tri puteshestviya. Per. E. Borodinoy. Moscow, 1935. (In Russ.)
20. Uspenskaya E.N. *Antropologiya indiyaskoy kastyi* [Anthropology of Indian caste]. St. Petersburg, 2010.
21. Yurlova E.S. *Indiya: ot neprikasaemykh k dalitam* [India: from untouchables to Dalits]. Moscow, 2003. (In Russ.)
22. Böhrling O. *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung*. St. Petersburg, 1884. (In Germ.)
23. Dharmapal-Frick G. *Indien im Spiegel deutscher Quellen der Frühen Neuzeit (1500–1750)*. Tübingen, 1994. (In Germ.)
24. Kane P.V. *History of Dharmaśāstra. Ancient and Medieval, Religious and Civil Law*. Vol. III. Poona, 1973. (In Engl.)
25. Kemp P.M. *Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Medieval Times to the October Revolution*. Delhi, 1958. (In Engl.)
26. Pallas P.S. *Etwas über die zu Astrahan wohnende Indianer*. Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung. 1782, Vol. III. (In Germ.)

К.А. Панченко

**СКАЗАНИЕ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ИНОКОВ
ЛАВРЫ СВ. САВВЫ
(К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ
ПАЛЕСТИНСКОГО МОНАШЕСТВА)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу одного из ярких произведений палестинского монашеского фольклора Позднего Средневековья и раннего Нового времени: преданию о массовом мученичестве иноков лавры Св. Саввы от рук мусульманского правителя. В разных версиях им выступают египетский султан или османский ага Иерусалима. При том, что сюжет сказания сам по себе представляется фантастичным, оно отражает характерные черты массового сознания и исторических представлений палестинского клира. Прогрессирующий упадок ближневосточных монастырей в поствизантийскую эпоху породил в паломнической литературе гипертрофированные представления о былых масштабах монашеского движения в регионе и предания о массовом истреблении насельников главного монастыря Иудейской пустыни, лавры Св. Саввы, мусульманами. В основе этих легенд лежали реальные случаи нападений бедуинов на палестинские монастыри в VII–XI вв., разрушение ряда построек, принадлежавших Лавре, по приказу султана Бейбарса в 1269 г., а также обычай хранить останки умерших монахов в склепах-костницах при монастырях – эти кости со временем стали считать мощами убиенных мучеников. В XVI в. легенда об истреблении монахов египетским султаном пережила резкую мутацию, и убийство мучеников стали приписывать османскому правителю Иерусалима. Возможно, в основе этих преданий лежал реальный случай казни нескольких монахов по приказу иерусалимского аги, однако в позднейшей традиции число погибших было многократно преувеличено, а вся эта история слилась с древней легендой о массовом мученичестве насельников лавры Св. Саввы. Подобные сказания стимулировали чувство богоизбранности и конфессиональную сплоченность ближневосточных православных в условиях доминирующего инородного окружения.

Панченко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: const969@gmail.com).

Ключевые слова: Христианский Восток; лавра Св. Саввы; палестинское монашество; христианско-мусульманские отношения; исторические представления.

История ближневосточного монашества в поствизантийское время – это в значительной степени печальная история упадка и вымирания прославленных в прошлом обителей. Она отражает упадок самой цивилизации Христианского Востока, в которой монастыри выступали центрами воспроизводства и развития духовной традиции, несущими опоры христианской идентичности.

Процесс этот, конечно, не был однолинейным. В ходе византийско-иранской войны начала VII в. монастыри Иудейской пустыни были покинуты и разграблены, но потом быстро восстановились. Житийная литература рубежа VIII–IX вв. донесла до нас образы великих подвижников и чудотворцев, примеры массового монашеского движения, средоточием которого выступала лавра Св. Саввы (Мар Саба) в ущелье Вади ан-Нар. Серьезным ударом для палестинских обителей стал общий кризис Христианского Востока в первое столетие Аббасидов, усугубленный давлением кочевой стихии, особенно усилившимся в годы междоусобной войны сыновей Харуна ар-Рашида 811–813 гг., сопровождавшейся полной дезинтеграцией халифата. Следующие триста лет истории палестинского монашества Ж. Насралла назвал «великой лакуной»¹ – наши источники по этой эпохе резко сокращаются, что указывает на явственный упадок монашеской жизни. Правда, недавно введенные в научный оборот литературные памятники, связанные с лаврой Св. Харитона, еще одним палестинским духовным центром, демонстрируют продолжение ранневизантийских монашеских традиций во всей их полноте еще и во второй половине IX в.² Тем не менее, как считается, к моменту прихода крестоносцев монашество Иудейской пустыни уже агонизировало. В составе Иерусалимского королевства монастыри пережили новый подъем. Крестоносные владетели, как правило, подавляли православные церковные структуры на своей территории, но терпимо относились к монашеским колониям Пустыни и даже

¹ Nasrallah J. Histoire du mouvement litteraire dans l'eglise melchite du Ve au XXe siecle. T. 3 (1). Louvain–P., 1983. P. 69.

² Treiger A. Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (2): Miracles of St. Eustratius of Mar Chariton (Written ca 860) // Chronos. Revue d'Histoire de l'Universite de Balamand. № 33. 2016. P. 7–20.

одаряли их земельными угодьями³. Приток милостыни от христианских государей Балкан и Кавказа стимулировал возрождение и разрастание обителей. Заметно, впрочем, что большинство палестинских монахов XII и последующих веков было не ближневосточного, а греческого, славянского или грузинского происхождения.

Изгнание крестоносцев мусульманами в 1187 г. запустило в действие долгосрочные факторы упадка палестинских монастырей. Монастыри Пустыни, лишившиеся своих земельных владений, теперь полностью зависели от внешней поддержки. Языковой барьер отделял монахов от окрестного арабо-христианского населения. Милостыня северных единоверцев скудела по мере упадка православных государств Балкан и Причерноморья, исчезавших под натиском османской экспансии XV в. Мамлюкское государство не в состоянии было сдерживать агрессию кочевников, первой жертвой которой становились удаленные монастыри. В результате из примерно десятка обителей Иудейской пустыни, существовавших в XII в., к концу XV в. уцелела лишь лавра Св. Саввы. Впрочем, и она находилась в тяжелом кризисе и даже была на несколько десятилетий покинута на рубеже мамлюкской и османской эпох⁴.

Рассуждая об упадке этого крупнейшего из палестинских монастырей, нельзя пройти мимо предания об истреблении монахов Лавры мусульманскими властителями, которое относили к Позднему Средневековью. Данная легенда получила довольно широкое хождение в XV–XVIII вв. и достойна анализа как один из ярких образцов монашеского фольклора.

Насельники Лавры, жившие в мамлюкское или османское время, каждый день видели следы былого процветания и многолюдства обители – руины строений, сотни келий древних подвижников, высеченные в стенах каньона Вади-ан-Нар. Всё это было ярким контрастом последующему жалкому состоянию монастыря. Естественно, что монахи и паломники задавались вопросом «почему?»

Ответ можно было найти в далеком прошлом палестинского монашества. В истории Лавры было несколько трагических эпизодов массовых убийств иноков, которые вполне можно было связать с

³ Jotischky A. Greek Orthodox and Latin Monasticism around Mar Saba under Crusader Rule // *The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present*. Leuven, 2001. P. 85–96.

⁴ О динамике развития ближневосточных монастырей в Позднее Средневековье см.: Панченко К.А. «Темный век» палестинского монашества: упадок и возрождение ближневосточных монастырей на рубеже мамлюкской и османской эпох // *Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология*. 2018. № 4 (57). С. 58–87.

последующим упадком обители. В ходе завоевания Св. Земли персами в 614 г., сопровождавшегося разгулом бандитизма в Иудейской пустыне, бедуины перебили в Лавре 44 монаха, отчаявшись выпытать у них местонахождение сокровищ обители⁵. Долгая история Мар Сабы добавила ряд новых сюжетов в этот мартиролог – убийство 20 старцев сарацинами в 797 г., описанное в одном из самых пронзительных агиографических текстов Христианского Востока⁶, разорение монастырей Пустыни на рубеже второго десятилетия IX в.⁷, гибель группы монахов Лавры в дни вторжения крестоносцев в Палестину в 1099 г.⁸

Две пещеры, примыкающие к церкви Св. Николая в Лавре, были доверху заполнены костями иноков. Конечно, эти останки не имели отношения к нашествию 614 г., а накапливались там постепенно – для монастырей, расположенных в скальных пустынях, характерно отсутствие кладбищ, вместо которых существуют костницы, склепы, куда складывают тела почивших монахов. Но насельники Лавры Позднего Средневековья не сомневались, что имеют дело именно с костями убиенных мучеников. Обрывки исторических воспоминаний и житийная литература, подкрепленные «вещественными доказательствами», заполнявшими пещеры при монастырской церкви, породили предание о массовом мученичестве саввинских отцов, относимому уже к недавнему прошлому.

Коллективной памяти многих человеческих сообществ свойственно то, что ученые называют «виктимизацией» своего исторического прошлого, т.е. смакование страданий и гонений, которые претерпел когда-то тот или иной народ от врагов-соседей. Братия Лавры не устояла перед подобным искушением. Легенда о массовом мученичестве иноков должна была еще более украсить образ монастыря в христианском мире. Обилие мучеников – небесных заступников обители – было важнейшим элементом «позитивной самоидентификации» ближневосточных православных, представления о своей богоизбранности, критически важного для выживания

⁵ См.: *Чумми Д.* Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007. С. 251.

⁶ Сказание о мученичестве святых отцов, избитых варварами сарацинами в великой лавре преподобного отца нашего Саввы // Сборник палестинской и сирийской агиологии. Вып. 1. СПб., 1907. С. 1–48.

⁷ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884. С. 355 (год 6301); с. 367 (год 6305).

⁸ См.: *Планк П.* Православные христиане Св. Земли во времена крестовых походов (1099–1187) // Альфа и Омега. № 4 (26). М., 2000. С. 180.

христианского меньшинства в инородном окружении. В результате повесть об избииении саввинской братии мусульманами начала долгую жизнь в западной и восточной христианских традициях.

Возможно, это сказание (судя по обилию вариаций, оно передавалось изустно) сложилось в самые мрачные десятилетия истории Лавры, во второй половине XV в. Более ранние источники не содержат никаких отголосков данной легенды, но настойчиво воспроизводят гиперболические образы великого прошлого, поражающие воображение цифры древних насельников обители. «Было калагирев 10 тысоущ», – пишет русский архимандрит Агрефений, посещавший Св. землю в начале 1370-х годов⁹. «Было 14 тысяч чернцов, кельи и ныне знать есть», – повышает планку паломник Игнатий Смолнянин (1395 г.)¹⁰. Ту же цифру – 14 тысяч монахов – приводят греческие проскинитарии XV–XVI вв.¹¹ При этом предание о массовом избииении иноков у ранних паломников не фигурирует. Встречаются сообщения только о вполне реальных случаях мученичества, подтвержденных аутентичными источниками. Так, Агрефению показывали пещеру, где «изжегоша святых моуж 40 погании варвари»¹², т.е. связанную со сказанием о гибели саввинских отцов в 797 г.

Первым, кто зафиксировал легенду о разорении монастыря, произошедшем в сравнительно недавнем прошлом, был немецкий монах-паломник Феликс Фабри, посетивший Лавру в начале 1480-х годов. Предание было похоже на героический эпос: когда Св. Земля была потеряна христианами в последний раз (неясно, имеются ли в виду победы Салах ад-Дина 1187 г. или окончательная утрата Иерусалима франками в 1244 г.), монахи много месяцев сражались против сарацин в своих неприступных ущельях и не раз обращали их в бегство. Наконец, сам султан пришел с армией из Иерусалима и предложил инокам принять мусульманскую веру. Те ответили, что если султан перейдет в христианство, то они будут верно служить ему, в противном же случае будут биться до смерти. Царь неверных бросил свое войско на штурм горной обители и в конце

⁹ Хожение архимандрита Агрефения // Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века. М., 2005. С. 275.

¹⁰ Хождение Игнатия Смолнянина / С.В. Арсеньев, ред. СПб., 1887. С. 21.

¹¹ Описание мест, вне Крита находящихся // Восемь греческих описаний Св. мест XIV, XV и XVI вв. СПб., 1903. С. 161; Душеспасительный рассказ о Св. Гробе // Там же. С. 172; Рассказ о Иерусалиме и св. горе Синае // Там же. С. 152; Проскинитарий, содержащий все чудесные знамения, явленные Спасителем нашим в Святом городе Иерусалиме, и описание местностей // Там же. С. 215.

¹² Хожение архимандрита Агрефения. С. 276.

концов овладел ей. Большая часть иноков, попавших в плен, была умерщвлена различными муками и отправилась на небеса. Храмы монастыря почему-то остались нетронутыми, но множество келий окружи и ступени, ведущие к пещерам в стенах вади, были разрушены. Осталось в живых лишь несколько монахов, поклявшихся в верности сарацинскому царю. Монастырь, по словам Ф. Фабри, в итоге пришел в полное запустение, в котором пребывает и донныне¹³.

В исторической памяти насельников обители была одна психологическая травма, возможно, послужившая толчком для сложения этой легенды.

На дороге из Иерусалима в Иерихон в непосредственной близости от Лавры стояла суфийская завия Наби Муса. Айюбиды и мамлюки всячески поддерживали ее, рассматривая, видимо, как духовный противовес христианским обителям Иудейской пустыни. По свидетельству ханбалитского алима и летописца конца XV в. Муджир ад-Дина аль-Улайми, в сентябре 1269 г. мамлюкский султан Бейбарс, присутствовавший при перестройке завии, распорядился разрушить кельи соседнего монастыря ас-Сик. Султану показалось, что прочные строения монастыря, где обитало 300 монахов, могут быть использованы крестоносцами как опорный пункт в случае их нападения на Иерусалим.¹⁴ Исследователи отождествляют монастырь ас-Сик именно с лаврой Св. Саввы¹⁵, хотя цифра «300 монахов», приводимая у аль-Улайми, выглядит фольклорным преувеличением. Мусульманским властям, действительно, были свойственны маниакальные опасения крестоносной угрозы и стремление разрушить всё, что могло послужить франкам как укрепление. Сами церкви и стены Лавры в 1269 г. не пострадали. Возможно, были разрушены кельи и башни в прилегающих к Лавре ущельях.

Уже Д. Прингл отмечал, что история о разрушении келий Дейр ас-Сик султаном Бейбарсом имеет некоторые параллели с легендой об истреблении братии Лавры, приведенной у Ф. Фабри¹⁶. Нет

¹³ The Book of the Wanderings of Brother Felix Fabri. Vol. II (1). L., 1893. P. 162.

¹⁴ Histoire de Jerusalem et d'Hebron depuis Abraham jusqu'a la fin de XVe siècle de J.-C. Fragments de la Chronique Moudjir-ed-din traduits sur la texte arabe par Henry Sauvaire. Paris, 1876. P. 238.

¹⁵ Pringle D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem. Vol. II. Cambr., 1998. P. 261; Frenkel J. Mar Saba during the Mamluk and Ottoman Periods // The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present. Leuven, 2001. P. 112.

¹⁶ Pringle D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem. P. 261.

необходимости указывать, что аутентичные источники того времени, христианские и мусульманские, ничего не знают о «войне» египетского султана с отшельниками Иудейской пустыни. Кроме того, несомненно, что в эпоху крестоносцев большая часть келий в стенах каньона оставалась необитаемой. Численность иноков Лавры в XII–XIII вв. не имела ничего общего с астрономическими цифрами монашествующих ранневизантийской эпохи, которые называют авторы «Хождений». Надо сказать, что сами эти цифры тоже являются плодом бурной средневековой фантазии. Община св. Саввы при жизни своего основателя, на пике расцвета, насчитывала 150 монашествующих. Братия крупнейшего палестинского монастыря византийской эпохи, киновии св. Феодосия, достигала в 529 г. 400 человек¹⁷. Общая численность монахов Иудейской пустыни и долины Иордана в византийские времена составляла едва ли несколько тысяч человек.

Тем не менее легенда о мученической гибели савваитов прочно утвердилась в массовом сознании палестинского клира. В середине XVI в. руководство Лавры, пытаясь отсудить свои утраченные имения на венецианском Кипре, в послании к правительству республики св. Марка ссылалось на временное запустение монастыря в результате истребления арабами десяти тысяч иноков после падения Иерусалима. Именно этим разорением Лавры и рассеянием уцелевших насельников объяснялась утрата кипрского метоха савваитов¹⁸. Некоторые греческие проскинитарии XVI в. тоже упоминают, что в Лавре «претерпели мученичество преподобные и подвижники от султана египетского, числом 14 тысяч»¹⁹.

В XVI в. легенда пережила резкую мутацию – истребление монахов теперь стали приписывать не Айюбидам, а османам. Самым первым подобную версию зафиксировал польский паломник кн. Николай Радзивил в 1583 г. Слышал он это предание не только от монахов Лавры, но и до того в Иерусалиме, «поелику происшествие оное всем довольно известно». По словам польского князя, в период правления султана Селима II (1566–1574) насельники обители, число которых простиралось до тысячи, были «все бедственным образом

¹⁷ *Чумти Д.* Град Пустыня. С. 180, 183.

¹⁸ *Arbel B.* Venetian Cyprus and the Muslim Levant, 1473–1570 // *Cyprus and the Crusades.* Nicosia, 1995. P. 169, 182.

¹⁹ Характерно, что источник называет ту же цифру – 14 тыс. – рассказывая об избитых Иродом младенцах (Три греческие безымянные проскинитария XVI в. / А.И. Пападопуло-Керамевс, ред. СПб., 1896. С. 58).

лишены жизни». При назначении в Иерусалим нового санджак-бея монахи явились приветствовать его, но османский наместник был неприятно поражен огромной массой людей в одинаковом одеянии. «Я опасюсь, говорил он, чтоб во время моего правления, христиане, столь будучи многочисленны, не учинили какого заговора; надобно благовременно предупреждать возмущения и уменьшать горделивцев (т.е. христиан. — *К.П.*): и так, оставивши из них по своему хотению двадцать только человек, остальных всех пред своими глазами велел на куски изрубить янычарам»²⁰.

Численность убиенных насельников обители у Н. Радзивила на порядок меньше, чем в ранних версиях предания, но на порядок больше, чем реальное количество монахов, живших в Вадан-Нар в XVI в. По свидетельству саввинского священноинока Софрония, Мар Саба в 1540 г. была возрождена после долгого запустения усилиями бывшего синайского игумена Иоакима Влахы, с которым в Иудейскую пустыню пришло 50 иноков (цифра, огромная по меркам палестинского монашества XVI в.)²¹. Османские переписи населения 1553/4 г. фиксируют в Лавре 20 монахов, и еще 15 – в ее иерусалимском подворье монастыре Архангела Михаила²². Эти цифры, возможно, несколько занижены подкупленными переписчиками, но, в любом случае, убедительно демонстрируют фантастичность приводимого Н. Радзивилом числа убиенных иноков.

Как ни странно, ни одно из посольств из лавры Св. Саввы, приходивших за милостыней в Москву²³, равно как и никто из русских паломников, посещавших Лавру в XVI–XVII вв., не упоминает об этой истории. Однако мотив османского геноцида неожиданно всплывает в повествовании 1701 г., принадлежащем паломнику Иоанну Лукьянову. Старцы Лавры, показывая пещеру, забитую костями, объясняли, что «это мощи новых мучеников; когда де взял Турок Иерусалим, тогда салтану турецкому сказали, что есть тут

²⁰ Радзивил Н.Х. Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивила. СПб., 1787. С. 137–138.

²¹ Сказание о иерусалимской лавре св. Саввы Освященного 1547 года / Арх-т Леонид, ред. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Май 1886. С. 105.

²² Cohen A., Lewis B. Population and Revenue in the Towns of Palestine in the Sixteenth Century. Princeton, 1978. P. 87.

²³ Правда, на 60-е–70-е годы XVI в. приходится некая пауза в контактах между савваитами и Россией, однако предание об истреблении монахов лавры, как видим, было живо и в 1580-е годы и позже. Подобная история, как нельзя лучше, подходит для испрошения милостыни, однако, она ни разу не была для этого использована.

монастырь, а в нем калугеров много, 15 тысяч, и они де лихи: собравшися пришед да опять возьмут Иерусалим; так турецкий царь послал пашу в монастырь Св. Саввы; велел избить. И турки пришед стали убивать отцов; из пещер таскать вон да головы отсекаль; отцы же, видя суровство зверское от турок, не стаща противитися и начаша свои головы под меч клонити; и побиша их турки до осми тысяч. И виде паша турецкий, что калугеры не противятся им – посла ведомость к турецкому салтану, что старцы ни в чем не противятся, царь же умилисе послал писание, велел перестать убивати, а их освободити; куда хошут идут, а тут бы не жили. И тако... отцы, собравши мощи избивенных, да в той пещере и положили; а сами и пошли до Афонския горы и тамо водворишася»²⁴.

Паломникам не разрешалось брать что-либо из костей – по преданию, сверхъестественная сила не позволяла кораблю с такими мощами на борту выйти в море; турки обыскивали путников и топили того, у кого находили мощи²⁵.

Любопытно, что в те же годы, когда Лукьянов записывал монашеские легенды, патриарх Св. Града Досифей составлял свою историю Иерусалимской Церкви. У Досифея и продолжателей его историографической традиции нет ни слова об избииении мусульманами братии св. Саввы. При всей своей пристрастности, патриарх избегал включать в историческое повествование явно фольклорные мотивы.

В. Григорович-Барский, описавший Лавру в 1726 г., тоже не прошел мимо двух огромных пещер у храма Св. Николая, огражденных стенами и наполненных доверху «костей ветхих Святых Отец пустынных, иже тамо иногда окрест... обители... жителствоваху, и от некоего нечестива царя вси иссеченни бяху»²⁶. Когда иноки вновь заселили монастырь, они собрали разбросанные повсюду кости в пещеру, где потом был устроен храм Св. Николая. «Лежащим же им первее открыто и созирающим всем проходящим тамо, хадзее неции... тайно взимаху по малой части от костей; обаче Богу не-благоволящу о том: егда возвращахуся в Иопею (Яффу. – *К.П.*), не можаху плисти на море, многими волнами и страшливыми бурами носими... повращахуся паки и отдаяху. Сего ради повелением некоего патриархи, загражденны бяху стенами и ниже вход нине к ним есть, токмо едино оконце високо стоит и на нем костей неколико

²⁴ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 4. Кол. 341–342.

²⁵ Там же.

²⁶ Странствия Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Ч. I. СПб., 1885. С. 344.

положено, знамения ради; кости же, яко видятся издалече не суть, яко прочих Святых, бели и чисти, но черновидни»²⁷.

Как видим, описание Григоровича-Барского очень неконкретно (личность «нечестивого царя» не уточняется) и потому наименее фантастично.

В самом конце XVIII в. костницы храма Св. Николая описал русский иеромонах Мелетий. В его рассказе отразились разные пласты монастырского фольклора – одни из «избиенных отцов», по словам Мелетия, пострадали древле от «арапов-разбойников», другие «в Турецкое уже Палестиною владение, от одного Иерусалимского паши из Киновии и окрестных отшельнических келий во многом числе собраны и убиты»²⁸.

История, рассказанная Николаем Радзивилом и Иваном Лукьяновым, выглядит абсолютно фантастично. Однако, возможно, у нее все-таки была реальная первооснова. К такому выводу подталкивает еще одна версия этого сказания, содержащаяся в записках итальянского ученого и церковного деятеля Франческо Кварезми, бывшего в 1620-х годах гвардианом (настоятелем) францисканского монастыря в Иерусалиме и лично посещавшего Лавру. Общая сюжетная канва у Ф. Кварезми та же: в 1566 г. прибывший в Иерусалим наместник из-за некоего недоразумения приказал казнить 20 монахов обители²⁹. Главное отличие этой информации от сообщения Н. Радзивила заключается в том, что число убиенных иноков в версии францисканца меньше на два порядка и таким образом переходит из разряда фантастических легенд в категорию вполне реалистичных сообщений. Любопытно, что савваиты не смешивали эту историю с преданием о давнем мученичестве иноков Лавры. Итальянскому гостю показывали замурованный склеп, примыкавший к церкви Св. Николая, где лежали «тела шестисот монахов, убиенных неверными за веру Христа»³⁰.

Таким образом, мы видим, что в Позднее Средневековье, не позже XIV в., в ближневосточной христианской среде стали складываться гиперболизированные представления о «золотом веке» палестинского монашества, когда реальное число иноков лавры Св. Саввы

²⁷ Там же. С. 345.

²⁸ Путешествие во Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 годы. М., 1798. С. 154.

²⁹ Не имея, к сожалению, доступа к тексту Ф. Кварезми, воспроизвожу эту информацию по: *Pringle D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem*. P. 262.

³⁰ Цит. по: *Pringle D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem*. P. 262.

византийских времен было завышено десятикратно. В контексте подобных представлений оказалась востребовано объяснение – столь же легендарное – того упадка, который переживала эта последняя из обителей Пустыни в мамлюкскую эпоху. Содержимое монастырской костницы, предания о реальных эпизодах мученичества саввинских иноков в VII–XI вв. и разрушение монастырских построек по приказу Бейбарса в 1269 г. породили трагический эпос об истреблении братии св. Саввы и насильственном пресечении традиций пустынножительства в каньоне Вади ан-Нар. Легенда прочно укоренилась в сознании палестинского клира к концу XV в. Она, похоже, бытовала изустно, а на письме ее фиксировали со слов монахов только паломники-иноземцы, о чем свидетельствует разнообразие версий этого предания, распространившегося как в православном, так и в католическом мире. Похоже, в 1560-е годы произошел некий эксцесс, когда иерусалимский ага в приступе гнева или подозрительности велел своим янычарам зарубить нескольких монахов Лавры. Происшедшее моментально наложилось на распространенную в монашеских кругах легенду о давнем массовом мученичестве лавриотов. Из этого предания были позаимствованы огромные цифры убиенных, которые поместили в новую сюжетную канву, уже османские реалии.

Таким образом, можно видеть, как в сознании палестинских монахов преломлялись общечеловеческие модели восприятия истории и соответствующего мифотворчества, стандартные представления об утраченном «золотом веке» и обыгрывание темы геноцида, которому когда-то подверглось данное сообщество. Даже в период максимального культурного упадка Христианского Востока творческая энергия насельников Иудейской пустыни сохранялась и смогла породить столь драматичное сказание, проникшее во множество иноязычных христианских литератур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Душеспасительный рассказ о Св. Гробе / А.И. Пападопуло-Керамевс, ред. // Восемь греческих описаний Св. мест XIV, XV и XVI вв. СПб., 1903. С. 162–176.
2. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884.
3. Описание мест, вне Крита находящихся / А.И. Пападопуло-Керамевс, ред. // Восемь греческих описаний Св. мест XIV, XV и XVI вв. СПб., 1903. С. 157–161.
4. *Панченко К.А.* «Темный век» палестинского монашества: упадок и возрождение ближневосточных монастырей на рубеже мамлюкской и османской эпох // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2018. № 4 (57). С. 58–87.

5. *Планк П.* Православные христиане Св. Земли во времена крестовых походов (1099–1187) / Альфа и Омега. № 4 (26). М., 2000. С. 180–191.
6. Проскинитарий, содержащий все чудесные знамения, явленные Спасителем нашим в Святом городе Иерусалиме, и описание местностей / А.И. Пападопуло-Керамевс, ред. // Восемь греческих описаний Св. мест XIV, XV и XVI вв. СПб., 1903. С. 194–241.
7. Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 1. Кол. 21–64. Вып. 2. Кол. 114–159. Вып. 3. Кол. 223–264. Вып. 4. Кол. 305–344. Вып. 5–6. Кол. 385–415.
8. Путешествие во Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 годы. М., 1798.
9. *Радзивил Н.Х.* Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивила. СПб., 1787.
10. Рассказ об Иерусалиме и св. горе Синае / А.И. Пападопуло-Керамевс, ред. // Восемь греческих описаний Св. мест XIV, XV и XVI вв. СПб., 1903. С. 141–156.
11. Сказание о иерусалимской лавре Св. Саввы Освященного 1547 года / Арх-т Леонид, ред. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Май 1886. С. 105–106.
12. Сказание о мученичестве святых отцов, избивенных варварами сарацинами в великой лавре преподобного отца нашего Саввы // Сборник палестинской и сирийской агиологии. Вып. 1. СПб., 1907. С. 1–48.
13. Странствия Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Ч. I. СПб., 1885.
14. Три греческие безымянныя проскинитария XVI в. / А.И. Пападопуло-Керамевс, ред. СПб., 1896.
15. Хождение архимандрита Агрефения // Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века. М., 2005. С. 266–277.
16. Хождение Игнатия Смолнянина / С.В. Арсеньев, ред. СПб., 1887.
17. *Чутти Д.* Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007.
18. *Arbel B.* Venetian Cyprus and the Muslim Levant, 1473–1570 // Cyprus and the Crusades. Nicosia, 1995. P. 159–185.
19. The Book of the Wanderings of Brother Felix Fabri. Vol. II (1). L., 1893.
20. *Cohen A., Lewis B.* Population and Revenue in the Towns of Palestine in the Sixteenth Century. Princeton, 1978.
21. *Frenkel J.* Mar Saba during the Mamluk and Ottoman Periods // The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present. Leuven, 2001. P. 111–116.
22. Histoire de Jerusalem et d'Hebron depuis Abraham jusqu'a la fin de XVe siècle de J.-C. Fragments de la Chronique Moudjir-ed-din traduits sur la texte arabe par Henry Sauvaire. Paris, 1876.
23. *Jotischky A.* Greek Orthodox and Latin Monasticism around Mar Saba under Crusader Rule // The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present. Leuven, 2001. P. 85–96.
24. *Nasrallah J.* Histoire du mouvement litteraire dans l'eglise melchite du Ve au XXe siecle. T. 3 (1). Louvain; P., 1983.

25. *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem. Vol. II. Cambr., 1998.
26. *Treiger A.* Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (2): Miracles of St. Eustratius of Mar Chariton (Written ca 860) // *Chronos. Revue d'Histoire de l'Université de Balamand.* № 33. 2016. P. 7–20.

Constantin A. Panchenko

**A LEGEND ON A MASSACRE OF MONKS
OF THE MAR SABA MONASTERY:
A HISTORICAL MYTHOLOGY
OF THE PALESTINIAN MONASTICISM**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is dealing with one of bright examples of Palestinian monastic folklore of the late Medieval and early Modern time: a narrative about a martyrdom of monks of the Mar Saba monastery persecuted by a Muslim ruler. Various versions of the legend identify this ruler either as a Sultan of Egypt or as an Ottoman governor of Jerusalem. The data of the legend seems to be absolutely unrealistic however it demonstrates a nature of common historical consciousness of the Palestinian Greek Orthodox clergy. The decline of the Middle Eastern monasteries in the Post-Byzantine period caused appearance in the monastic folklore and pilgrims' accounts exaggerated image of wide-ranging monastic movement once existed in the Judean desert in the Early Byzantine time and as well legends about mass massacre of the monks of Mar Saba by the Muslims. These legends were based on several real episodes of Arabs' attacks on the Palestinian monasteries in the 7th and 11th centuries, demolishing of cells belonging to Mar Saba by an order of Mamluk sultan Beybars in 1269 and as well a custom of keeping remains of died monks in ossuaries attached to monasteries – these bones later were treated as holy relics of martyrs. In the 16th century the legend about the massacre of monks by an Egyptian Sultan was transformed into another story. This time the exterminations of the monks was ascribed to an Ottoman governor of Jerusalem. Possibly this narrative was based on a real episode of execution of several monks by an order of an Ottoman official. However, the number of victims was many times exaggerated and the whole story was mixed with the ancient legend on mass martyrdom of the Sabaite monks. Such traditions stimulated positive self-identification and communal solidarity of the Middle Eastern Orthodox people who had to survive in predominant alien milieu.

Key words: Christian Orient; Mar Saba monastery; Palestinian monasticism; Christian-Muslim relations; historical memory.

About the author: *Constantin A. Panchenko* – Doctor of Science (History), Professor, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (e-mail: const969@gmail.com).

REFERENCES

1. *Dushespasitel'nyy rasskaz o Sv. Grobe* [An Edifying Story of the Holy Sepulcher]. A.I. Papadopulo-Keramevs, ed. *Vosem' grecheskih opisaniy Sv. Mest XIV, XV i XVI vv.* [Eight Greek Descriptions of the Holy Sites of the 14th and 16th centuries]. St.-Petersburg: Tipografiia V. Kirshbaum, 1903, pp. 162–176. (In Russ.)
2. *Letopis' vizantiysa Feofana ot Diokletiana do tsarey Mihaila i syna ego Feofilakta* [The Theophanous Chronographia]. Moscow: V Univ. tip. (M. Katkov), 1884. (In Russ.)
3. *Opisaniye mest vne Krita nahod'aschihs'a* (A Description of Sites outside Crete). A.I. Papadopulo-Keramevs, ed. *Vosem' grecheskih opisaniy Sv. Mest XIV, XV i XVI vv.* [Eight Greek Descriptions of the Holy Sites of the 14th and 16th centuries]. St.-Petersburg: Tipografiia V. Kirshbaum, 1903, pp. 157–161. (In Russ.)
4. Panchenko K.A. “Tyemnyy vek” palestinskogo monasthestva: upadok i vozrozhdeniye blizhnevostochnykh monastyrey na rubezhe maml'ukskoy i osmanskoy epoh [“A Dark Age” of the Palestinian Monasticism: Decline and Revival of the Middle Eastern Monasteries on turn of the Mamluk and the Ottoman Periods]. *Vestnik PSTGU. Ser. III. Filologia* [St. Tikhon's University Review. Ser. III. Philology]. 2018. No. 4 (57), pp. 58–87. (In Russ.)
5. Plank P. *Pravoslavnyye hristiane Sv. Zemli vo vremena krestovykh pohodov (1099–1187)* [The Orthodox Christians of the Holy Land in the Age of the Crusades (1099–1187)]. *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega]. No. 4 (26). Moscow, 2000, pp. 180–191. (In Russ.)
6. *Proskinitariy, sodержaschiy vse chudesnyye znameniya, yavlenmyye spasitelem nashim v Sv'atom gorode Ierusalime, i opisaniye mestnostey* [Proskinitarion, Including All the Miraculous Signs Demonstrated by the Our Savior in the Holy City Jerusalem and a Description of Lands] A.I. Papadopulo-Keramevs, ed. *Vosem' grecheskih opisaniy Sv. Mest XIV, XV i XVI vv.* [Eight Greek Descriptions of the Holy Sites of the 14th and 16th centuries]. St.-Petersburg: Tipografiia V. Kirshbaum, 1903, pp. 194–241. (In Russ.)
7. *Puteshestviye v Sv'atuyu zeml'u sv'aschennika Luk'yanova* [A Travel to the Holy Land of Priest Luk'yanov]. *Russkiy Arhiv* [The Russian Archive]. 1863. Vol. 1. Col. 21–64. Vol. 2. Col. 114–159. Vol. 3. Col. 223–264. Vol. 4. Col. 305–344. Vol. 5–6. Col. 385–415. (In Russ.)
8. *Puteshestviye vo Ierusalim Sarovskiya obschezhitel'nyye pustyni ieromonaha Meletiya v 1793 i 1794 gody* [A Travel to Jerusalem of Priest-monk Meletiy from Sarov Monastery in years 1793 and 1794]. Moscow: Tipografiia A. Reshentikova, 1798. (In Russ.)
9. Radzivil N.H. *Puteshestviye ko sv'atym mestam i v Egipet kn'az'a Nikolaya Hristofora Radzivila* [A Travel to the Holy Sites and Egypt by Prince Nicolay Christopher Radzivil]. St.-Petersburg, 1787 (In Russ.).
10. *Rasskaz o Ierusalime i sv. Gore Sinaye*. [A Story about Jerusalem and the Holy Mount Sinai] A.I. Papadopulo-Keramevs, ed. *Vosem' grecheskih opisaniy Sv. Mest XIV, XV i XVI vv.* [Eight Greek Descriptions of the Holy Sites of the 14th and 16th centuries]. St.-Petersburg: Tipografiia V. Kirshbaum, 1903, pp. 141–156. (In Russ.)
11. *Skazaniye o ierusalimskoy lavre sv. Savvy Osv'aschennogo 1547 goda*. [A Narrative about the Mar Saba Monastery of Jerusalem of year 1547] Archimandrite Leonid, ed. *Soobscheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obschestva* [The Imperial Orthodox Palestinian Society Journal]. May 1886, pp. 105–106. (In Russ.)
12. *Skazaniye o muchenichestve sv'atyyh ottsov, izbiyennykh varvarami saratsinami v velikoy lavre prepodobnogo ottsa nashego Savvy* [A Narrative about a Martyrdom

- of Holy Fathers Massacred by the Saracens in the Great Lavra of the Saint Saba, the Our Farther]. *Sbornik palestinskoy i siriyskoy agiologii* [A Collection of the Palestinian and Syrian Hagiography]. Vol. 1. St.-Petersburg, 1907, pp. 1–48. (In Russ.)
13. *Stranstviya Vasil'ya Grigorovicha-Barskogo po sv'atym mestam Vostoka s 1723 po 1747 g.* [Travels of Vasilii Grigorovich-Barskii through the Holy sites of the East since 1723 till 1747 g.] Vol. I. St.-Petersburg: Tipografia V. Kirshbaum, 1885. (In Russ.)
 14. *Tri grecheskiye bezym'annyye proskinitariya XVI v.* [Three Greek Anonymous Proskinitarians of the 16th century] A.I. Papadopulo-Keramevs, ed. St.-Petersburg, 1896. (In Russ.)
 15. *Hozheniye arhimandrita Agrefeniya.* [A Pilgrimage of Archimandrite Agrefeniy] Maletov E.I. *Antologiya hozhdeniy russkikh puteshestvennikov XII–XV veka* [An Anthology of Pilgrimages of Russian Travelers of the 12th–15th centuries]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 266–277. (In Russ.)
 16. *Hozheniye Ignatiya Smoly'anina.* [A Pilgrimage of Ignatii Smoln'anin] S.V. Arsen'yev, ed. St.-Petersburg: Tipografia V. Kirshbaum, 1887. (In Russ.)
 17. Chitti D. *Grad Pustyn'a. Vvedeniye v izucheniye egipetskogo i palestinskogo monashestva v hristianskoy imperii.* [City the Desert. Introduction into the Study of the Egyptian and Palestinian Monasticism in the Christian Empire] St.-Petersburg: Bibliopolis, 2007. (In Russ.)
 18. Arbel B. *Venetian Cyprus and the Muslim Levant, 1473–1570.* Cyprus and the Crusades. Nicosia: Cyprus Research Center and SSCLE, 1995, pp. 159–185.
 19. *The Book of the Wanderings of Brother Felix Fabri.* Vol. II (1). London: Palestine Pilgrims' Texts Society, 1893.
 20. Cohen A., Lewis B. *Population and Revenue in the Towns of Palestine in the Sixteenth Century.* Princeton: Princeton University Press, 1978.
 21. Frenkel J. *Mar Saba during the Mamluk and Ottoman Periods. The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present.* Leuven: Peeters, 2001, pp. 111–116.
 22. *Histoire de Jerusalem et d'Hebron depuis Abraham jusqu'a la fin de XVe siècle de J.-C. Fragments de la Chronique Moudjir-ed-din traduits sur la texte arabe par Henry Sauvaire.* Paris: Leroux, 1876.
 23. Jotischky A. *Greek Orthodox and Latin Monasticism around Mar Saba under Crusader Rule. The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present.* Leuven: Peeters, 2001, pp. 85–96.
 24. Nasrallah J. *Histoire du mouvement litteraire dans l'eglise melchite du Ve au XXe siecle.* T. 3 (1). Louvain: Peeters, 1983.
 25. Pringle D. *The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem.* Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
 26. Treiger A. *Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (2): Miracles of St. Eustratius of Mar Chariton (Written ca 860). Chronos. Revue d'Histoire de l'Universite de Balamand.* No 33. 2016, pp. 7–20.

П.В. Шлыков

**АРМИЯ И ВОЕННАЯ ЭЛИТА В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТУРЦИИ
2000-х и 2010-х годов¹**

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье анализируется изменение роли военной элиты в общественно-политической жизни Турции в 2000–2010-е годы как отражение процесса формирования новой модели военно-гражданских отношений и переосмысления внутренних и внешних угроз национальной безопасности. В фокусе анализа – институциональные, правовые и финансово-экономические основы политического влияния армии, структурные преобразования в организации вооруженных сил (ВС) и иерархии соподчинения военного и политического руководства страны, кадровое реформатирование турецкой армии, а также ревизия доктрины национальной безопасности. Многофакторный анализ трансформации военно-гражданских отношений позволил выделить ряд ключевых факторов-катализаторов этого процесса: во-первых, масштабные реформы европеизации 2000-х годов, определившие ход политического процесса на десятилетие вперед; во-вторых, рекордное по продолжительности для демократического периода развития страны время пребывания у власти одной партии, усилившей позиции гражданской элиты в целом; в-третьих, переосмысление содержания и изменения в подходах к определению угроз национальной безопасности и мерах по их купированию; в-четвертых, формирование новой «консервативной» политической элиты, не испытывающей пиетета к армии; в-пятых, фундаментальные изменения в восприятии армии турецким обществом, соглашающимся с необходимостью иметь высокоэффективные ВС, но не поддерживающим политические амбиции военной элиты. Важным следствием трансформации военно-гражданских отношений в Турции и отражением новых подходов к формулированию магистральных задач перед национальной армией в 2010-е годы стал курс военно-политической экспансии на региональном и трансрегиональном уровнях, выразившийся в расширении сотрудничества с военными структурами других стран и создании турецких военных баз в разных регионах мира.

Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока **Института стран Азии и Африки** МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ проект № 17-01-00203.

Ключевые слова: Турция; военная элита; военно-гражданские отношения; политическая субъектность армии; турецкая модель демократии; гражданское общество; религиозные общины – джемааты; международная безопасность.

Турция – страна, в которой исторически армия играла первостепенную роль в политической жизни. В начале XX в. Младотурецкая и Кемалистская революции определили вектор политической активности военных как центральной силы в построении централизованного государства и проведении мобилизационной модернизации. С переходом к многопартийности в 1945 г. военные, вопреки желанию ряда политиков «поубавить спеси гордому офицерству», не утратили позиции «стратегической элиты» и даже нарастили свое влияние², символом которого стали регулярные военные перевороты. В 1960 г. армия свергла первого «народно избранного» премьера А. Мендереса и сформировала Совет национальной безопасности (СНБ), ставший впоследствии «параллельным правительством». В 1971 г. военные сместили кабинет С. Демиреля, не сумевший обуздать уличные беспорядки. В 1980 г. генералы на несколько лет установили прямое военное управление, распустив политические партии и запретив их лидерам любую политическую деятельность, а написанная под диктовку военных Конституция (1982) существенно ограничила политические свободы и расширила политические prerogatives СНБ. В 1997 г. военная элита вынудила уйти в отставку премьера-исламиста Н. Эрбакана. В 2007 г. военные, обеспокоенные выдвижением на пост президента происламского кандидата А. Гюля, пригрозили лидеру правящей Партии справедливости и развития (ПСР) Р.Т. Эрдогану, опубликовав на сайте Генштаба «Интернет-меморандум» с предупреждением о готовности армии «выступить в защиту основ кемалистской республики». Однако А. Гюль избрали, хотя для этого потребовалось распустить парламент и провести досрочные выборы, а по политической субъектности армии был нанесен сокрушительный удар³.

Запущенная правительством ПСР в середине 2000-х годов массированная атака на армию (законодательные реформы, направленные на ликвидацию политического влияния СНБ, громкие судебные процессы Эргенекон, Кувалда, План «Клетка» и т.д.) привела к тому, что уже в начале 2010-х годов военная элита оказалась деморализован-

² См.: Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М., 2011. С. 31–33.

³ Там же. С. 36, 51.

ной. Демарш генералов летом 2011 г. – синхронная добровольная отставка начальника Генштаба и командующих видами ВС – не привел к военно-политическому кризису и не вызвал солидарного протеста в обществе, а лишь показал катастрофически сокращающееся влияние военной элиты. Ни президенту, ни правительству уже не требовалось прислушиваться к генералам. Более того, Р. Эрдоган инициировал структурное переформатирование офицерского корпуса, выразившееся в продвижении исключительно лояльных кандидатов на руководящие и командные должности и установлении негласного контроля над армией со стороны Национальной разведывательной организации (*Milli İstihbarat Teşkilatı – MİT*), известной под турецким акронимом МИТ⁴. При этом из состава МИТ были максимально вычищены армейские офицеры, ее руководитель – Х. Фидан стал «особо приближенным» Р. Эрдогана, а сама МИТ оказалась замешана в «деликатных операциях» (переброска боеприпасов исламистам, контакты с боевиками «Исламского государства», трафик контрабандной нефти и т.д.)⁵.

Неудавшийся военный переворот 15 июля 2016 г. и последовавшие за ним репрессии вместе со структурными реформами во всех связанных с армией сферах (от министерства обороны до военного образования и здравоохранения) ознаменовал окончательное крушение прежней парадигмы военно-гражданских отношений в Турции и ее замещение новой, отличительная черта которой – переход от модели опеки над политическим руководством республики со стороны военной элиты, обладающей политической субъектностью, к многоуровнему подчинению всех армейских структур исполнительной власти.

Природа особого отношения общества к армии и ревизия институционально-правовых основ влияния военной элиты в 2000-е и 2010-е годы

Особое отношение к армии и военным в Турции вызвано не только спецификой формирования ВС и всеобщей воинской повинностью, но и рядом причин системного характера – наличием угроз по периметру границ и террористической опасности внутри страны, конструктивной ролью армии в становлении современного

⁴ См.: Шлыков П.В. Дежавю 70-х: будут ли военные снова править Турцией. URL: Carnegie.ru, 19/02/2016.

⁵ См.: Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 35–65.

турецкого государства, национальной системе образования, много лет воспитывавшей детей под лозунгом «каждый турок – прирожденный солдат»⁶. В условиях определенного недоверия к публичной политике и ее основным субъектам все это культивировало в среде населения и военной элиты определенные взаимные ожидания, делало признание негласной опеки армии и военных над политической системой основой взаимоотношений общества и военной элиты⁷.

Во времена К. Ататюрка начальник Генштаба был подчинен непосредственно главе государства, в конце 1940-х годов в рамках мер по «расширению демократии» его статус понизили, подчинив министру обороны. Именно в этот период в среде турецких военных развернулась заговорщическая деятельность против злоупотреблений властью гражданскими политиками. Парадоксальным образом «демократический эксперимент» не ослабил армию, а способствовал росту ее влияния в политике⁸.

После переворота 1960 г. новая Конституция (1961) повысила статус Генштаба и степень его автономности, вновь подчинив его главе правительства. Начальник Генштаба стал четвертым человеком в стране после президента, премьера и спикера парламента⁹. Тогда же был создан СНБ, объединивший ключевых министров и командующих ВС и ставший важнейшей площадкой регулярных контактов гражданского и военного руководства, где армия излагала свою позицию по наиболее острым вопросам. В 1961 г. был принят знаменитый Закон № 211 «Устав внутренней службы ВС», зафиксировавший главную обязанность армии – «защиту и сохранение Турецкого Отечества и Турецкой Республики» (ст. 35)¹⁰. Расширенная трактовка этой статьи давала турецким военным право на вмешательство в политику в форме военного переворота или «меморандума».

Конституция 1982 г., принятая в условиях прямого военного правления, серьезно повысила статус СНБ, его рекомендации становились «приоритетными» для правительства (ст. 118), а по специальному Закону № 2945 генеральный секретарь СНБ получил право неограниченного доступа к любому гражданскому органу управления для

⁶ Шлыков П.В. Военная элита... С. 31–40.

⁷ Sakallıoğlu Ü. C. The Anatomy of the Turkish Military's Political Autonomy // Comparative Politics. Vol. 29. No.2 (1997). P. 151–166.

⁸ См.: Ahmad F. The Turkish Experiment in Democracy 1950–1975. Boulder, 1977

⁹ İba Ş. Ordu, devlet, siyaset. İstanbul: Çiviyazlar, 1998. S. 190–192

¹⁰ Kanun No 211 // RG. 10/01/1961.

мониторинга реализации рекомендаций СНБ¹¹. В связи с этим с середины 1980-х годов Генштаб редко вмешивался в политику правительства. Генералы предпочитали давать рекомендации. «Переворот перестал быть выходом», – констатировал генерал Х. Озкёк¹².

Период 2000-х годов ознаменовал начало обратного процесса – прежняя система сдержек и противовесов между военным и политическим руководством страны и сама парадигма военно-гражданских отношений стала претерпевать серьезные трансформации. В результате административных реформ 2003 г. генеральным секретарем СНБ стали назначать гражданское лицо, а не действующего генерала, СНБ лишилось права неограниченного доступа к любому госучреждению¹³, аппарат СНБ был урезан на 25%, а регулярность его заседаний сократилась вдвое: из ежемесячных они стали проводиться раз в два месяца, что существенно сузило возможности использования СНБ для давления на правительство.

Следующим этапом ревизии институционально-правовых основ политического влияния армии стали административные реформы начала 2010-х годов. Счетная палата была наделена дополнительными возможностями по контролю экономической деятельности военных, автономия военной судебной системы сужалась, а Конституционный суд получил право инициировать уголовное преследование высших армейских чинов. Появилась возможность оспаривать кадровые решения Высшего военного совета в суде, а в процессе выработки доктрины национальной безопасности ведущую роль стали играть гражданские лица. В 2013 г. турецкий парламент принял поправки к Закону о внутренней службе, и знаменитая ст. 35 стала звучать совсем иначе: «Задача ВС Турции – защищать турецкий народ от опасностей и угроз, исходящих из-за рубежа, обеспечивать сохранность и усиление ВС Турции для цели сдерживания этих угроз, с согласия ВНСТ выполнять задачи за рубежом и способствовать установлению международного мира»¹⁴. Из текста закона были изъяты общие формулировки о роли армии, а вместо них были обозначены конкретные функциональные задачи, что исключало «номинальное правовое основание» для вмешательства армии в политику под предлогом защиты основ республики. Кроме того, в законе особо оговаривалось что «военнослужащие турецких ВС не могут заниматься политической деятельностью», вступать в партии, ассоциации и т.д.

¹¹ RG. 11/11/1983.

¹² Milliyet. 10/04/2007.

¹³ Kanun No.4789 // RG. 18/01/2003; Kanun No.4963 // RG. 30/07/2003.

¹⁴ Kanun No.6496 // RG. 31/07/2013.

(ст. 43)¹⁵. За военнотружущими сохранили право на участие лишь в организациях, существующих под эгидой министерства обороны и не являющихся политическими. Даже о вступлении в спортивный клуб необходимо уведомлять министерство обороны, что лишний раз демонстрировало правовую подчиненность ВС гражданской власти в стране.

Структурная реформа армии и командования ВС после путча 2016 г.

Неудавшийся военный переворот 15 июля 2016 г. без преувеличения стал водоразделом между предшествующим периодом гипертрофированного участия армии в политике и современным этапом, позволив политическому руководству страны в ускоренном порядке завершить масштабное реформирование военно-гражданских отношений и реструктуризацию армии¹⁶. Неслучайно Р. Эрдоган в ночь неудавшегося переворота заявил, что «путч – подарок Аллаха, поскольку даст возможность очистить ряды ВС»¹⁷. Структурная реформа ВС, объявленная 31 июля 2016 г. в рамках чрезвычайного положения, внесла революционные изменения как в систему организации армии, так и в модель военно-гражданских отношений¹⁸. Высший военный совет – регулярный орган, отвечающий за ключевые назначения в армии и традиционно контролируемый военной элитой (премьер и министр обороны всегда были единственными гражданскими лицами в Совете), – стал более гражданским за счет включения в его состав вице-премьеров, министров юстиции, внутренних и иностранных дел и сокращение присутствия военных до четырех человек (начальника Генштаба и командующих основными видами ВС). После выборов 2018 г. Совет возглавил президент Р.Т. Эрдоган, а соотношение гражданских и военных лиц сохранилось не в пользу представителей военной элиты (из 12 членов пять генералов во главе с министром обороны). Командующие военно-воздушными, сухопутными и морскими силами выведены из прямого подчинения начальнику Генштаба и должны отчитываться перед министром

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Путч 15 июля 2016 г. стал самым кровавым в новейшей истории Турции: на улицы городов вышли танки и БТР, боевые самолеты и вертолеты обстреливали административные здания, число жертв мирного населения составило 241 человек, еще 1440 получили ранения, в ходе подавления было убито 104 путчиста.

¹⁷ Reuters. 15/07/2016.

¹⁸ КНК No.668–669 // RG. 27/07/2016.

обороны¹⁹. Президент получил возможность отдавать приказы командующим армиями напрямую, минуя начальника Генштаба. Полномочия министра обороны существенно расширены – прежде всего в сфере формирования кадрового состава министерства, который традиционно определялся Генштабом. В ведении начальника Генштаба остались лишь подготовка армии к боевым действиям и вопросы определения параметров военного обучения. При этом кадровая политика в целом стала объектом регулирования специальных законов и правительственных директив.

В новой системе взаимодействия политического и военного руководства страны начальник Генштаба не только утратил былую самостоятельность, но фактически лишился реальной власти. Переподчинение командующих видами ВС превратило начальника Генштаба в фигуру с совещательными, а не руководящими полномочиями, «символического главного военачальника» без реальных командных возможностей²⁰. Весь прежний набор функциональных обязанностей Генштаба – ведение разведывательной и оперативной деятельности, организационно-командные функции, планирование операций за пределами территории Турции и т.д. – сужен и распределен между другими военными ведомствами. В результате Генштаб превратился в номинальный орган с *координирующими*, а не *руководящими* функциями.

С переходом Турции к президентской форме правления после выборов 2018 г. и вступлением в силу конституционных поправок, одобренных на референдуме 2017 г., окончательно оформилась новая архитектура безопасности и сферы полномочий военного и политического руководства. С упразднением поста премьер-министра президент Турции стал главой государства и главой правительства в одном лице, которому напрямую подчиняются абсолютно все органы безопасности и силовые структуры страны. Это дало возможность президенту практически единолично определять приоритетные задачи и формировать политику национальной безопасности, принимать решения об использовании армии и т.д. Даже статус главнокомандующего у президента теперь не «опосредованный», как было раньше («от имени ВНСТ»), а «прямой» и единовластный.

События 2016–2017 гг. помимо функциональной революции в руководстве органов безопасности и силовых структур страны

¹⁹ T24. Bağımsız İnternet Gazetesi. 02/08/2016.

²⁰ Haber Türk. 28/07/2016.

ознаменовали крушение прежней парадигмы военно-гражданских отношений и «структурного самосознания»²¹ армии в целом: кардинальные преобразования затронули систему военного образования, правосудия, здравоохранения и структуру министерства обороны. Прочно укоренившаяся в массовом сознании бинарная оппозиция «военный – гражданский» (с одной стороны – военный-патриот, стоящий на защите основ Турецкой Республики, с другой – гражданский политик-конформист, часто неэффективный и безответственный, склонный релятивистски подходить к незыблемым ценностям и гоняющийся за конъюнктурой), на которой во многом и базировалась общественная легитимность политической субъектности военной элиты ушла в прошлое, а армия из субъекта политики превратилась в объект.

Все высшие военные училища, несмотря на давние традиции, закрыты. Военные академии – кузница высшего офицерства – реформированы. Вместо них создан Национальный военный университет при Министерстве обороны, на который возложена задача подготовки высших офицеров. Отменена существовавшая в турецких ВС эшелонированная система штабов и совершен переход к новой системе присвоения званий, позволяющей офицерам получать назначения в обход прежней процедуры, основанной на принципах меритократии. Все предприятия, заводы, судостроительные и другие аналогичные объекты, находившиеся под контролем армии, переданы в ведение министерства обороны. Все военные госпитали (в общей сложности более 30 крупных медучреждений) и знаменитая Военная медицинская академия Гюльхане, готовившая военных врачей, переподчинены Министерству здравоохранения. Без малого одна тысяча военных врачей и около трех тысяч медицинских сотрудников уволены и подвергнуты уголовному преследованию. Командование жандармерией – военной полицией – и береговой пограничной охраной передано в ведение МВД. При этом само министерство обороны подвергнуто масштабной кадровой реструктуризации, одна из задач которой увеличить долю гражданских служащих министерства с 7% до 60%, при условии обязательного назначения на ключевые руководящие должности исключительно гражданских лиц²². Все эти шаги показали намерение властей сформировать альтернативные ВС, выведенные из-под контроля военной элиты.

²¹ Gurcan M.; Giscion M. From Autonomy to Full-Fledged Civilian Control // IPC – Mercator Policy Brief, Aug., 2016. P. 4, 7.

²² Ibid. P. 3, 5.

Кадровое переформатирование ВС стало наиболее ярким проявлением новой модели военно-гражданских отношений. Путч 2016 г. и последовавшие за ним массовые репрессии нанесли колоссальный удар по кадровому составу турецкой армии: уволено и отправлено под арест 150 генералов, более 5 тыс. офицеров, 2,6 тыс. унтер-офицеров, 1,7 тыс. рядовых сержантов, а также более 500 гражданских служащих военных ведомств²³. Общая статистика изгнанных из армии и силовых структур впечатляет еще больше – около 11 тыс. военнослужащих, 24,5 тыс. сотрудников Главного управления безопасности Турции, 16,5 тыс. курсантов военных училищ²⁴. Растиражированная турецкими СМИ информация о том, что все офицеры, задействованные в подготовке переворота, посещали Школу повышения квалификации офицерских составов ВМС США²⁵, и через это учебное заведение ЦРУ и Пентагон установили связь с будущими путчистами, стала отправной точкой для удара по наиболее квалифицированной и высокообразованной части турецкой военной элиты – относительно молодых капитанов, майоров и подполковников, задействованных в критически важных проектах по реформированию и модернизации турецкой армии. Большинство получили образование в престижных военных образовательных учреждениях в странах НАТО и ученые степени ведущих университетов США – Йель, Принстон, Стенфорд. Правительство Турции отозвало и затребовало срочного возвращения 40 военных атташе и еще более 300 турецких офицеров, командированных в НАТО²⁶.

Стратегия создания турецких военных баз в разных регионах мира как отражение милитаризации внешней политики

Важной составляющей трансформации ВС Турции и отражением новых подходов к формулированию магистральных задач перед национальной армией в 2010-е годы стал курс военно-политической экспансии на региональном и трансрегиональном уровнях, выразившийся в расширении сотрудничества с военными структурами других стран и создании турецких военных баз в разных регионах

²³ Gurcan M. Turkish military purges decimate career officer, pilot ranks // Al-Monitor. 29/05/2018.

²⁴ Turkey Purge Project. URL: <https://turkeypurge.com/purge-in-numbers-2>; Stockholm Center for Freedom. URL: <https://stockholmcf.org/>

²⁵ Gazete Duvar. 06/08/2016.

²⁶ Шлыков П.В. Формула консолидации власти: политический процесс в Турции на фоне путча // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. Т. 4. № 4. С. 129–130.

мира (на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточном Средиземноморье, в Африке и т.д.).

Если ранее Турция замыкалась на военно-техническом и военно-стратегическом сотрудничестве с основными партнерами по НАТО, то с конца 2000-х годов география и номенклатура существенно расширились – более 70 стран, с которыми заключены межправительственные соглашения о сотрудничестве на уровне национальных ВС. Военные представительства Турции ведут деятельность в 80 странах, а общий объем экспорта турецких вооружений за десять месяцев 2019 г. превысил \$ 2,14 млрд²⁷ (более чем двукратный рост за 2010-е годы). С середины 2000-х годов власти страны активно работают на привлечение в турецкие военные и полицейские академии иностранных слушателей – солдат и офицеров (в середине 2010-х годов, накануне реформы системы военного образования, в Турции ежегодно проходило обучение и переподготовку более 3,5 тыс. иностранных военнослужащих)²⁸.

Вполне логичным на этом фоне выглядит активность Турции в миротворческих операциях ООН и НАТО в самых разных горячих точках мира – от Косово и Афганистана (2001–2014) до Либерии (2003–2018), Гаити (2004–2017) и Кот-д'Ивуара (2004–2017). Военно-политическая активность Турции на Африканском континенте в 2016 г. обрела новое измерение – в рамках межправительственного соглашения с Сомали осенью 2016 г. в окрестностях Могадишо была открыта турецкая военная база, на которой 200 турецких офицеров должны обеспечить переподготовку и обучение 10 тыс. сомалийских военных. Помимо закрепления военного присутствия в Тропической Африке создание базы в Сомали не только вписывается в общую логику внешней политики Анкары, активно осваивавшей новые для себя регионы и страны²⁹ (если в конце 2000-х годов у Турции в Африке было всего 12 посольств, то в 2019 г. уже 41 диппредставительство), но имеет и очевидное военно-стратегическое значение. Сомали расположен на одном из важнейших торговых водных путей региона – из Аравийского моря в Красное (через Аденский залив и Баб-эль-Мандебский пролив). Таким образом, сохраняя военное присутствие в Сомали и участвуя в осуществлении контроля над этой транспортной артерией, Турция обеспечила себе возможность дальнейшего продвижения в Восточную Африку.

²⁷ Hürriyet Daily News. 05/11/2019.

²⁸ The Military Balance 2019. L.: IISS, 2019.

²⁹ Богуславский А. Турция: «прыжок» в Африку // РСМД. 17/05/2017.

Наряду с африканским направлением в 2010-е годы Турция активно расширяла свое международное военное присутствие на Ближнем Востоке. В декабре 2015 г. было объявлено об открытии турецкой военной базы на территории Катара (3 тыс. солдат сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил)³⁰, с которым Турция последние годы активно развивала военно-политические и экономические отношения. Военная база в Катаре для Турции – это не только первая военная база в регионе, но и плацдарм для наращивания участия в регулировании системы безопасности в зоне Персидского залива. Развитие тесного сотрудничества между Дохой и Анкарой (во время «катарского кризиса» 2017 г. Турция, несмотря на внушительный объем торгово-инвестиционного сотрудничества с Саудовской Аравией, встала на защиту Дохи и развернула масштабную кампанию помощи эмирату) сделало Катар одним из главных покупателей турецких вооружений. В контексте наращивания военного присутствия Турции на Ближнем Востоке необходимо также упомянуть военные базы в Ираке (14 военных баз, две базы МИТ, по некоторым данным до 40 военных баз) и военные базы в Сирии (запланировано восемь военных баз в Северной Сирии)³¹.

На балканском направлении Турция также наращивает военно-политическую активность, расширяя рамки соглашения о сотрудничестве в оборонной сфере 1992 г., по которому Тирана предоставила турецким кораблям доступ в военно-морскую базу Паша Лиман взамен за помощь в ее модернизации³². В 2010 г. турецкие военные суда получили разрешение на временную дислокацию в еще одном военном порту – Дуррес³³.

Помимо Ближнего Востока и Балкан власти Турции работают над расширением военно-политического присутствия на Южном Кавказе. С конца 2000-х годов в турецких СМИ обсуждается перспектива создания военной базы в Нахичевани³⁴, при этом Турция, по признанию высокопоставленных турецких военных, «давно оказывает поддержку расквартированному в автономной республике

³⁰ Daily Sabah. 12/06/2018.

³¹ Challenges to Turkey's military deployments abroad // TurkeyScope. Insights on Turkish Affairs. 2016. No. 1; *Gurcan M.* Turkey mulls permanent military presence in northern Iraq // Al-Monitor. 26/06/2019.

³² *Larrabee F.S., Lesser I.O.* Turkish foreign policy in an age of uncertainty. Santa Monica, 2003. P. 94.

³³ *Türbedar E.* Turkey's New Activism in the Western Balkans // Insight Turkey, Vol. 13. No. 3 (2011). P. 139–158.

³⁴ Sözcü. 03/09/2018.

корпусу ВС Азербайджана, имеет там военных советников, тесно сотрудничает с пограничными войсками и силами особого назначения Нахичевани»³⁵. Военное присутствие Турции на территории самого Азербайджана наращивается и институционализируется: летом 2016 г. Азербайджан передал в пользование турецким ВС для временного базирования ряд зданий и строений в военном городке «Гызыл Шярг» («Красный Восток») в центральной части Баку, а также один терминал на военном аэродроме в поселке Зейналабдин Тагиев³⁶.

В ближайших планах Турции – расширение военного присутствия и, возможно, развертывание военно-морской базы на территории непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра³⁷, наращивание военного сотрудничества с Грузией³⁸. На этом фоне особенно рельефно проявилась нисходящая динамика кооперации с ключевыми западными партнерами и НАТО. Разносторонняя помощь США сирийским курдам – предмет сильного раздражения не только в политических кругах, но и среди турецких военных, что размывает и без того подорванное доверие к западным союзникам. Дополнительным фактором ухудшения отношений стала неоднозначная позиция альянса в дни путча 2016 г.: руководство НАТО лишь спустя месяц после событий выступило с осуждением путчистов, а многие офицеры, обвиняемые в подготовке переворота, нашли политическое убежище в странах-членах альянса. Так, за 2016–2017 гг. несколько сотен бывших офицеров, судей и госслужащих попросили политического убежища в Германии³⁹. В свою очередь, участие большого количества турецких офицеров, связанных с НАТО, в организации путча родило в общественном мнении убежденность, что функционеры НАТО знали о готовящемся перевороте, но предпочли не предпринимать никаких действий⁴⁰.

* * *

Рассматривая радикальную трансформацию военно-гражданских отношений в континууме последних двух десятилетий, можно выделить ряд ключевых факторов-катализаторов этого процесса. Во-первых, масштабные реформы европеизации 2000-х годов, опре-

³⁵ Turan. 03/09/2018.

³⁶ EA Daily. 23/07/2016.

³⁷ Hurriyet Daily News. 17/09/2018.

³⁸ AzerNews. 11/05/2017; Daily Sabah. 21/11/2018.

³⁹ Senior Turkish Army officers seek asylum in Germany // Middle East Eye. 28/01/2017.

⁴⁰ Turks Can Agree on One Thing: U.S. Was Behind Failed Coup // New York Times. 02/08/2016.

делившие ход политической трансформации страны в 2000-е годы. Во-вторых, рекордное по продолжительности для демократического периода развития страны время пребывания у власти одной партии, относительные успехи экономического курса которой ощутимо усилили позиции «гражданской политики» в целом. В-третьих, переосмысление содержания и изменения в подходах к определению угроз национальной безопасности и мерах по их купированию, выразившееся в том, что традиционный для военной элиты подход «секьюритизации» острых политических вопросов уступил место поиску политико-экономических компромиссов (ради обеспечения национальной безопасности стали активно использоваться инструменты «мягкой силы», с соседними государствами налаживался политический диалог и развивалось экономическое сотрудничество). В-четвертых, это формирование нового поколения политической элиты, более консервативной и не испытывающей пиетета к армии. Экспансия представителей этой новой элиты во властные институты, сферу бизнеса и образования существенно ослабила позиции традиционной кемалистской элиты, всегда испытывавшей почтение к военным и покорно относившейся к доминированию военной элиты в политической сфере. Наконец, перемены в восприятии армии турецким обществом, с одной стороны, по-прежнему соглашающимся с необходимостью высокоэффективной и боеспособной армии, но с другой – не поддерживающим политические амбиции военной элиты.

Революционные перемены в устоявшейся модели взаимоотношений общества и армии, ставшие отражением трансформации Турции в 2000-е и 2010-е годы, и радикальные военные реформы 2010-х годов имели неоднозначные последствия для страны. Тотальные репрессии против высококвалифицированных офицерских кадров после путча 2016 г. не только серьезно ослабили военную элиту, но и негативно отразились на военно-техническом и военно-стратегическом потенциале турецких ВС. Усилиями начальников Генштаба в 2000-е и 2010-е годы число турецких офицеров со степенью магистра и доктора существенно возросло, что резко повысило интеллектуальный и командно-аналитический потенциал высших офицеров и армейского руководства в целом, а сложившаяся в ходе кадровых чисток ситуация крайнего дефицита квалифицированных военных кадров – особенно для работы за границей – очевидный показатель глубокого кризиса, в котором оказалась турецкая армия.

Расформирование высших военных училищ и создание вместо них Военного университета – удар по традиционному механиз-

му воспроизводства военной элиты, воспитанной на принципах Ататюрка. Исторически большинство офицеров проходили через фильтр высших военных училищ, учебная программа которых предполагала индоктринацию кемалистской идеологией. Создание механизма продвижения по службе на высшие командные должности нештатных офицеров – пример разрушения еще одного фильтра, который позволял не допускать в ряды военной элиты недостаточно квалифицированных или «идеологически неграмотных» офицеров.

Переподчинение жандармерии (военной полиции), воздушной и морской пограничной охраны МВД, а всех командующих видами ВС – министру обороны, – это удар по функциональной самостоятельности армии. Кардинальное переподчинение армии и военной элиты гражданской бюрократии и политическому руководству страны таит в себе немало рисков. Во-первых, в нынешних условиях отсутствует какой-либо механизм разрешения потенциального конфликта между правительством во главе с президентом и армейским руководством. Во-вторых, неизбежное следствие переподчинения и создания параллельных управленческих механизмов в армии – несогласованность в осуществлении командования и соперничество между ними. Наконец, масштабное вмешательство гражданских чиновников в кадровую политику армии неминуемо нарушило принципы меритократии при назначении на командные должности. Все это в целом не только окончательно лишило армию и военную элиту политической субъектности, но и негативно отразилось на военно-стратегическом потенциале турецких ВС.

При этом в Турции сложилась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: с одной стороны, режим Р.Т. Эрдогана окончательно лишил военную элиту политической субъектности, ликвидировал всех реальных и гипотетически нелояльных режиму военных функционеров (от курсанта до генерала), с другой – с низведением армии до инструментального уровня роль ВС в ряду механизмов наращивания внешнеполитического влияния и регионального веса только усилилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия и Большой Ближний Восток. М., 2013. 52 с.
2. Турция: новая роль в современном мире. М., 2013. 80 с.
3. *Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В.* Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. 96 с.
4. *Шлыков П.В.* Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М., 2011. С. 31–40

5. Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 109–121.
6. Ahmad F. *The Turkish Experiment in Democracy 1950–1975*. Boulder, 1977.
7. Gurcan M., Gisclo M. From Autonomy to Full-Fledged Civilian Control // IPC – Mercator Policy Brief, Aug. 2016.
8. İba Ş. *Ordu, devlet, siyaset*. İstanbul, 1998.
9. Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish foreign policy in an age of uncertainty. Santa Monica, 2003.
10. Sakallioğlu Ü.C. The Anatomy of the Turkish Military's Political Autonomy // Comparative Politics. Vol. 29. No. 2 (1997). P. 151–166.
11. The Military Balance. L.: IISS, 2010–2019.
12. Türbedar E. Turkey's New Activism in the Western Balkans // Insight Turkey, Vol.13, № 3 (2011). P. 139–158.

СМИ

13. РСМД.
14. Al-Monitor.
15. AzerNews.
16. Carnegie.ru.
17. Cumhuriyet.
18. Daily Sabah.
19. EA Daily.
20. Gazete Duvar.
21. Haber Türk.
22. Hurriyet Daily News.
23. Hürriyet.
24. Memleket Gazetesi.
25. Middle East Eye.
26. Milliyet.
27. New York Times.
28. Resmî Gazete (RG).
29. Reuters.
30. Sözcü.
31. T24. Bağımsız Internet Gazetesi.
32. Turan.
33. TurkeyScope. Insights on Turkish Affairs.
34. Yeni Şafak.

Pavel Shlykov

THE ARMY AND MILITARY ELITE IN THE CONTEXT OF TURKEY'S POLITICAL TRANSFORMATION IN THE 2000S AND 2010S

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper analyses the changing role of military in the Turkish politics of the 2000s and 2010s. It reflects both the transformation of the civil-military relations

and the rethinking of the main internal and external security challenges. The paper scrutinizes the institutional, normative and financial foundations of the Turkish military's power and its political influence; structural transformations in the organization of the army and the power structure of political and military elite and leadership in Turkey, the reformation of the personnel structure in the Turkish army, and the revision of the national security doctrine. The multifaceted analysis of the transformations in the civil-military relations identified a number of the key catalyst factors of these processes. First, the large-scale Europeanisation reforms of the 2000s framed the whole political process in Turkey for the following decade. Second, the rule of the Justice and Development Party, second to none for the multiparty period of the Turkish history in its duration, strengthened the power positions of the 'civil politics' in general. Third, within the past decade the main security challenges underwent significant revisions followed by the new approaches to handling these challenges. Fourth, Turkey has recently witnessed the rise of the new conservative political elite that has no piety towards the military. Fifth, there were fundamental changes in the perceptions of the national army by the Turkish society. The overwhelming majority in Turkey now agrees on the necessity to have effective modern national armed forces but refuses to support political ambitions of the military elite. Another important consequence of the changing civil-military relations and new approaches to defining strategic goals for the national army in the 2010s was the extensive military and political expansion of Turkey at both regional and transregional levels embodied in the expanding military cooperation with different states and the rising number of Turkish military bases all around the world.

Key words: Turkey; military elite; civil-military relations; political agency of the military, Turkish model of democracy; civil society; religious communities – jemaats; international security.

About the author: *Pavel Shlykov* – PhD (History), Associate Professor of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

REFERENCES

1. Rossija i Bol'shoj Blizhnij Vostok [Russia and the Greater Middle East]. Moscow, 2013. (In Russ.)
2. Turcija: novaja rol' v sovremennom mire [Turkey: A New Role in the Modern World]. Moscow, 2013. (In Russ.)
3. *Ul'chenko N. Ju., Shlykov P. V.* Dinamika rossijsko-tureckih otnoshenij v uslovijah narastanija global'noj nestabil'nosti [The Dynamics of Russian-Turkish Relations vis-à-vis the Rising Global Instability]. Moscow, 2014. (In Russ.)
4. *Shlykov P. V.* Grazhdanskoe obshchestvo v Turcii: illjuzii i real'nost' (Civil Society in Turkey: Illusions and Reality). Vostok (Oriens). 2009, No.1, pp. 109–121. (In Russ.)
5. *Shlykov P. V.* Voennaja elita v politicheskoj sisteme Tureckoj Respubliki [Military Elite in the Political System of the Turkish Republic]. Elity stran Vostoka [Elites of Oriental States]. Moscow, 2011, pp. 31–40. (In Russ.)
6. *Ahmad F.* The Turkish experiment in democracy 1950–1975. Boulder, 1977.

7. *Gurcan M., Gisclon M.* From Autonomy to Full-Fledged Civilian Control. IPC – Mercator Policy Brief, Aug., 2016.
8. *Iba Ş.* Ordu, devlet, siyaset. İstanbul, 1998.
9. *Larrabee F.S., Lesser I.O.* Turkish foreign policy in an age of uncertainty. Santa Monica, 2003.
10. *Sakallıoğlu Ü.C.* The Anatomy of the Turkish Military's Political Autonomy. Comparative Politics. Vol. 29, № 2 (1997), pp. 151–166.
11. The Military Balance. London: IISS, 2010–2019.
12. *Türbedar E.* Turkey's New Activism in the Western Balkans. Insight Turkey. Vol. 13, No.3 (2011), pp. 139–158.

CMII

13. RIAC.
14. Al-Monitor.
15. AzerNews.
16. Carnegie.ru.
17. Cumhuriyet.
18. Daily Sabah.
19. EA Daily.
20. Gazete Duvar.
21. Haber Türk.
22. Hurriyet Daily News.
23. Hürriyet.
24. Memleket Gazetesi.
25. Middle East Eye.
26. Milliyet.
27. New York Times.
28. Resmî Gazete (RG).
29. Reuters.
30. Sözcü.
31. T24. Bağımsız İnternet Gazetesi.
32. Turan.
33. TurkeyScope. Insights on Turkish Affairs.
34. Yeni Şafak.

Н.С. Федоров

ЕГИПЕТСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. О МЕСТЕ ИСЛАМА И ИСЛАМСКИХ ИНСТИТУТОВ В РАЗВИТИИ СТРАНЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье на базе материалов, почерпнутых из произведений египетских интеллектуалов первой трети XX в.: Тахи Хусейна (1889–1973), Мухаммада Хусейна Хейкала (1888–1956), ‘Аббаса Махмуда ал-‘Аккада (1889–1964) и др., – рассматриваются дискуссии, касавшиеся места ислама и исламских институтов в жизни модернизированной страны. Дана оценка состоянию египетского общества в межвоенный период, а также тем причинам, которые побудили интеллигенцию пересмотреть традиционную роль религиозных структур в жизни египтян. На конкретных примерах показаны ключевые причины недовольства представителей либерального течения общественной мысли действиями консервативных исламских богословов – ‘улама’. Особое внимание уделено анализу сфер влияния религиозной корпорации в общественном пространстве Египта. В статье объясняется, каким образом и почему идеологическая борьба между различными течениями мысли смешивалась с политической, а также какие формы она приобретала. В ответ на критику со стороны либеральной интеллигенции шейхи ведущей мечети-университета ал-Азхара инициировали гонения на ее лидеров. Интеллектуалы, вопреки заявлениям традиционалистов, не стремились к кардинальному пересмотру традиции. Они лишь призывали сократить сферу влияния исламских институтов в жизни Египта по причине их устаревания. В то же время египетские интеллектуалы первой трети XX в. признавали значимость роли религии в формировании сильного национального государства, предлагали консервативным кругам пойти на компромисс и принять происходящие изменения ради достижения процветания и прогресса общества, а также роста авторитета страны в мире.

Ключевые слова: прогресс; ‘улама’; либеральное течение; Таха Хусейн; Мухаммад Хусейн Хейкал; ‘Аббас Махмуд ал-‘Аккад.

Федоров Николай Сергеевич – аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nikolasfedorov93@gmail.com).

Межвоенный период – во многом переломный в истории Египта. Общество переживало масштабные изменения, оказавшие значительное влияние на социально-политическую и культурную сферы. Характерной особенностью этих изменений являлась все ярче выражающаяся тенденция на сближение с Западом, стремление следовать по проложенному европейцами пути развития.

В 1919 г. по стране прокатилась волна масштабных антибританских выступлений, организаторами которых выступали египетские интеллигенты, придерживавшиеся националистических взглядов и группировавшиеся вокруг движения *Вафд*¹. Стремясь разрядить обстановку в одном из наиболее значимых своих владений², Лондон принял решение внести коррективы в систему управления Египтом и передать в ведение местных властей ряд полномочий³. В 1922 г. был отменен протекторат, затем в стране была введена конституция, создан парламент. Большинство депутатов нового органа законодательной ветви представляли сформированные в ходе протестов политические партии европейского образца.

Египетское общество в то же самое время все больше испытывало на себе влияние западной цивилизации. Прежде всего оно проявлялось во внедрении последних достижений научно-технического прогресса, а также в изменении характера повседневной жизни городского населения страны. В 1920–1930-е годы большая часть представителей элиты, а также образованной интеллигенции все чаще использовали в качестве языка общения один из европейских – английский или французский. Мода на «все западное» нашла отражение в стиле одежды⁴, предпочтениях в еде, способах проведения досуга⁵ и многом другом.

Происходившие в обществе изменения требовали пересмотра сложившегося мировоззрения, создания иной ментальности, которая

¹ *Вафд* (букв. ‘делегация’) – политическое движение националистического толка, возникшее в Египте в конце Первой мировой войны (1914–1918). Первоначально главной целью сторонники движения считали обеспечение участия представителей Египта в Парижской мирной конференции. Позже движение превратилось в политическую партию, основным требованием которой было установление полного суверенитета правительства страны над ее территорией.

² С 1882 г. Египет находился под британской оккупацией, хотя официальный Лондон и признавал его частью Османской империи. В 1914 г. Египетский султанат был объявлен протекторатом Великобритании.

³ The Cambridge History of Egypt. T. 2. Cambridge, 2008. P. 285.

⁴ Ал-Мусаввар. № 21. 13.03.1925. Каир. С. 3.

⁵ Ал-Ахрам. № 17740. 30.04.1934. Каир. С. 7.

позволила бы жителям Египта адаптироваться к новым условиям существования. Ответственность за выполнение этой задачи возложила на себя новая египетская интеллигенция – писатели, журналисты и юристы, получившие светское образование преимущественно в европейских странах. Хотя к началу XX в. доля этой социальной группы в общей структуре населения Египта оставалась еще сравнительно небольшой, темпы ее роста были в несколько раз выше, чем у любой другой категории самозанятого населения⁶.

В межвоенный период наиболее влиятельным в среде интеллектуалов являлось либеральное течение общественной мысли. Его лидеры – Таха Хусейн⁷, Мухаммад Хусейн Хейкал⁸ и ‘Аббас Махмуд ал-‘Аккад⁹ – разделяли такие ценности либерализма, как: принцип выборности и сменяемости властей, свободу взглядов и мнений, ограничение вмешательства административного аппарата в общественную жизнь. Укоренение этих ценностей в умах египтян способствовало бы, по их мнению, распространению прогресса (*такаддум*) и, как следствие, принятию происходивших изменений.

Избрав в качестве основной темы творчества проблему прогресса, представители либерального течения обратились к поиску стоявших на его пути препятствий. Главным из них, с их точки зрения, являлось традиционное господство в общественном пространстве консервативно настроенного корпуса исламских богословов – ‘улама’¹⁰, оплотом которых являлся *ал-Азхар*¹¹.

Алимский корпус занимал особое положение в социальной структуре египетского общества. Немало занимавшаяся вопросами

⁶ Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979. С. 79.

⁷ Таха Хусейн (1889–1973) – египетский писатель, историк, философ. Один из наиболее влиятельных арабских авторов XX в. Занимал должности декана факультета гуманитарных наук Каирского университета, ректора Александрийского университета и министра просвещения Египта (1950–1952).

⁸ Мухаммад Хусейн Хейкал (1888–1956) – египетский писатель, публицист, политический деятель. На протяжении нескольких десятилетий занимал пост главного редактора газеты Ас-Сийяса (Каир), «рупора» Либерально-конституционной партии Египта.

⁹ ‘Аббас Махмуд ал-‘Аккад (1889–1964) – египетский поэт, литературный критик и общественный деятель. Основатель новой поэтической школы Египта. В 1930 г. отбывал тюремный срок за критику действовавшего на тот момент правительства.

¹⁰ ‘Улама’ (ед. ч. ‘алим) – мусульманские теологи, в ведении которых находились религиозные, правовые и культурные вопросы.

¹¹ Ал-‘Азхар – мечеть в Каире и образовавшийся на ее базе в конце IX в. духовный университет, один из старейших в мусульманском мире.

эволюции духовного «сословия» в Египте отечественный востоковед С.А. Кириллина отмечала: «Их влияние и высокий общественный престиж определялись многовековыми религиозно-этическими и культурными традициями, особой ролью ислама как действенного регулятора общественной жизни и наиболее устойчивой формы массового сознания»¹². В связи с этим любые нововведения и изменения, которые шли вразрез с традиционными исламскими нормами, воспринимались улама в штыки. Так, в конце XIX – начале XX в. традиционалисты употребили все свое влияние, чтобы предотвратить распространение идей реформаторского течения (*ислах*), основным выразителем которых был шейх ал-Азхара Мухаммад Абдо¹³.

Реформаторы придерживались более гибкой позиции в трактовке коранических текстов, искали возможность согласовать их с новой действительностью, вобравшей в себя многие элементы европейской культуры. Западный востоковед Альберт Хаурани, характеризуя деятельность Мухаммада Абдо, писал, что для него, «с одной стороны, стоял ислам, выразивший волю Аллаха в вопросе, как должны жить люди, а с другой, – необратимое движение современной цивилизации, начавшееся с Европы, но ставшее всемирным и по самой природе своих институтов принуждавшее людей жить определенным образом»¹⁴.

Такой подход деятелей реформаторского течения гармонизировал с идеями лидеров египетских либералов, также ратовавших за согласованность ислама и менявшегося мира. Неслучайно Аббас Махмуд ал-Аккад называл Мухаммада Абдо «самым выдающимся [общественным] деятелем Египта и сопредельных регионов за последние пять веков»¹⁵, ведь он первым показал, что сохранение традиционного положения вещей ведет к застою и упадку. Однако существовало и серьезное отличие: представители либеральной интеллигенции требовали пересмотреть место исламских институтов в общественной жизни страны. Руководствуясь западным опытом, лидеры течения считали необходимым сократить влияние религиозных деятелей в тех сферах, в которых они считали его излишним.

¹² Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1989. С. 17.

¹³ Мухаммад Абдо (1849–1905) – мусульманский богослов и лидер реформаторского движения. В 1905 г., незадолго до смерти, был уволен из ал-Азхара за свои взгляды.

¹⁴ Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age. Cambridge, 1983. P. 161.

¹⁵ Ал-‘Аккад, ‘Аббас Махмуд. Ана (Я). Каир, 2013. С. 43.

Одна из этих сфер – научная, непосредственно сопряженная, по мнению египетских либералов, с идеей прогресса.

В 1925 г. была опубликована книга шариатского судьи (*кади*) Али Абд ар-Разика¹⁶ «Ислам и основы власти»¹⁷. Основываясь на современных методах текстологического анализа, ее автор пришел к выводу, что Халифат (*хилафа*), как форма правления, не был связан с первоначальным исламом, а возник позже в ходе эволюции политической системы арабов. Спустя год Таха Хусейн опубликовал курс лекций «О доисламской поэзии». В них он доказывал, что образцы стихотворного творчества арабов времен *Джахилийи*¹⁸ были созданы позже и приписаны поэтам доисламского периода из политических соображений¹⁹.

Эти работы не только затрагивали темы, монополия на которые на протяжении нескольких веков сохранялась за шейхами ал-Азхара, но и ставили под сомнение устоявшуюся традицию. В связи с этим консервативная часть улама посчитала необходимым употребить все свое влияние, чтобы не допустить распространения опасных, с точки зрения ее лидеров, идей. Али Абд ар-Разик под предлогом того, что он опозорил ал-Азхар, был лишен удостоверения выпускника (*шахада*) и потерял право выступать арбитром в суде²⁰. Таху Хусейна консерваторы под предводительством Рашида Риды²¹ объявили отступником и потребовали отправить его в отставку с поста профессора Каирского университета²². Тираж его книги был изъят, однако решение о его увольнении было заблокировано прокуратурой Египта²³.

Жесткая позиция, которую заняли представители алимского корпуса в данном вопросе, подтверждала неспособность традицио-

¹⁶ Али Абд ар-Разик (1888–1966) – египетский ученый и юрист. Выпускник ал-Азхара и Оксфорда.

¹⁷ Подробнее о книге см.: 'Абд ар-Разик, 'Али. Ал-Ислам ва усул ал-хукм (Ислам и основы власти). Каир, 2012. С. 25–29.

¹⁸ *Джахилийя* (букв. невежество) – период в истории арабов, предшествовавший возникновению ислама.

¹⁹ Хусейн, Таха. Фи-ш-ши'ар ал-джахили (О доисламской поэзии). Суса, 1998. С. 59.

²⁰ Хейкал, Мухаммад Хусейн. Музакаррат фи-с-сийаса ал-мысрийя (Воспоминания о египетской политической жизни). Т. 1. Каир, 1951. С. 198.

²¹ Мухаммад Рашид Рида (1865–1935) – египетский религиозный и общественный деятель, противник европеизации арабских стран.

²² Vatikiotis P.J. The History of Egypt from Muhammad Ali to Mubarak. Baltimore, 1991. P. 307.

²³ The Cambridge History of Egypt... P. 402.

налистов адаптироваться к новым веяниям. Критика авторов с позиции доктрины отражала, в свою очередь, непонимание реальных причин, побудивших тех обратиться к подобной проблематике. Вопреки утверждениям консерваторов, представители либерального течения не стремились бросить исламу вызов. Объектом их критики в большей степени являлась сама корпорация богословов, представители которой не предпринимали попыток измениться. Лидеры либерального течения лишь заполняли своими исследованиями вакуум, образовавшийся в исламской науке в 1920–1930-е годы. Общество нуждалось в рациональном осмыслении своего прошлого, что, по их мысли, ускорило бы темпы прогресса.

Помимо сокращения влияния улама в научной сфере, либеральная интеллигенция требовала прекратить постоянные попытки исламских богословов вмешиваться в вопросы права и уважать новые законы. Свободу мнений и самовыражения ее представители считали одной из базовых при построении современного и конкурентоспособного общества. Как отмечал западный востоковед П.Дж. Ватикотис, адепты либерального течения, следуя западной традиции, рассматривали «свободу как таковую в качестве предварительного условия прогресса»²⁴. Конституция закрепила за гражданами Египта свободу мнений, однако представители алимского корпуса по-прежнему считали возможным ее попираť, как это было в случае с Али Абд ар-Рази́ком и Тахой Хусейном.

Мухаммад Хусейн Хейкал в своих воспоминаниях отмечал, что после неоднократного ознакомления с Уставом ал-Азхара не нашел ни одной причины для преследования автора монографии «Ислам и основы власти». Более того, в своих статьях он обратил внимание общественности на тот факт, что нападки на Али Абд ар-Рази́ка не имеют никакого юридического обоснования, а действия корпорации богословов прямо противоречат тексту основного закона страны²⁵. Как и другие представители либерального течения, Хейкал считал, что любой человек вправе высказывать свою точку зрения, которую следует уважать, а критику направлять только на аргументы автора, воздерживаясь от применения санкций сомнительного обоснования²⁶.

Похожим образом дело обстояло и с Тахой Хусейном. Потерпев поражение в 1926 г., традиционалисты предприняли новую попытку добиться его увольнения из университета в 1933 г., после выхода в

²⁴ *Vatikiotis P.J.* Op. cit. P. 308.

²⁵ *Хейкал, Мухаммад Хусейн.* Муза́ккарат фи-с-сийаса ал-мысриййя (Воспоминания о египетской политической жизни). Т. 1. Каир, 1951. С. 196.

²⁶ Там же. С. 195.

свет нового издания его работы «О доисламской поэзии». На этот раз кампания завершилась успешно, и Таха Хусейн был отправлен в отставку с поста декана гуманитарного факультета под предлогом антиисламской деятельности²⁷.

Если в ситуации с Али Абд ар-Разиком речь шла о нарушении конституционных прав жителей страны, то в истории с Тахой Хусейном либеральная интеллигенция акцентировала внимание общества на вторжении консервативных кругов в дела светского учебного заведения. С точки зрения египетских либералов, Каирский университет должен был пользоваться всеми теми привилегиями, которыми обладали университеты Европы²⁸. Одной из них была независимость в научных вопросах (в рамках утвержденных программ) и в выборе тем исследования²⁹. Требуя кадровых перестановок под предлогом неприемлемости затрагиваемой проблематики, алимский корпус демонстрировал свою неготовность отказаться от традиционного влияния в вопросах образования.

В своих рассуждениях представители либерального течения затрагивали еще одну проблему – постоянные попытки алимского корпуса оказывать влияние на принятие политических решений. Исследователи отмечают³⁰, что, не имея возможности действовать самостоятельно в тех или иных ситуациях, улама нередко прибегали к помощи консервативно настроенных политических деятелей Египта. Как правило, это касалось устранения из общественного пространства неугодных лиц. Так, например, обстоит дело с увольнением Тахи Хусейна в 1933 г., формальным инициатором которого стала группа депутатов парламента, симпатизировавшая традиционалистам³¹.

Для представителей либерального течения тесное сотрудничество алимского корпуса и политического истеблишмента не являлось секретом. Еще в студенческие годы Таха Хусейн обратил внимание, что многие шейхи ал-Азхара замешаны в специфичных отношениях как с высокопоставленными политиками, так и с королевским двором. Рассчитывая на поддержку властей, некоторые из них не гнушались клеветы и доноса³².

²⁷ *Vatikiotis P.J.* Op. cit. P. 307.

²⁸ *Хусейн, Таха.* Мустакбал ас-сакафа фи мыср (Будущее культуры в Египте). Каир, 2015. С. 258.

²⁹ *Хусейн, Таха.* Хадис ал-маса' (Вечерний разговор). Каир, 1983. С. 10.

³⁰ *Vatikiotis P.J.* Op. cit. P. 307.

³¹ *Хусейн, Таха.* Хадис ал-маса' (Вечерний разговор). С. 3.

³² *Хусейн, Таха.* Ал-Аййам (Дни). Каир, 1992. С. 286.

Особенно ярко взаимодействие улама и политических деятелей проявилось в начале 1930-х годов, когда к власти в Египте пришел Исмаил Сидки³³. Его правительство сформировало с традиционалистами успешный тандем: премьер-министр активно лоббировал интересы корпорации, а та, в свою очередь, принимала его сторону в спорных вопросах³⁴.

Знаковым эпизодом в истории этого союза стал вопрос о Каирской опере. В 1933 г. проходили парламентские слушания, на которых обсуждалась постанова на государственный баланс главного великосветского места проведения досуга. В одной из своих статей Таха Хусейн отмечал, что имам ал-Азхара сознательно отложил встречу с королем Ахмадом Фуадом³⁵, чтобы избежать необходимости высказывать мнение по данному вопросу и дать законодательному акту пройти³⁶. При этом принятое законодателями решение наносило явный ущерб казне Египта, и без того пострадавшей от мирового экономического кризиса (1929–1933) и последовавшего за ним падения цен на хлопок – основной экспортный товар страны³⁷.

Наблюдая за последствиями деятельности такого союза, лидеры либерального течения не могли не призывать к слому устоявшейся традиции взаимодействия исламских богословов и египетских политиков. Они придерживались западных представлений о четко проведенной линии разделения полномочий между административным аппаратом и церковью, а также о независимости действий первого от второй. Либеральная интеллигенция предлагала установить более жесткий контроль над ал-Азхаром, чтобы покончить с вторжением его шейхов в вопросы политики и избежать сохранения своеобразного «государства в государстве»³⁸, пользовавшегося автономией и тормозившего развитие страны.

Несмотря на частые обвинения в посягательствах на ислам, объектами которых становились адепты либерального течения обще-

³³ Исмаил Сидки-паша (1875–1950) – премьер-министр Египта в 1930–1933 гг. Период его правления характеризовался подъемом консервативных сил и стремлением воспрепятствовать распространению либеральных ценностей в обществе.

³⁴ Хусейн, Таха. Хадис ал-маса' (Вечерний разговор). Каир, 1983. С. 92.

³⁵ Ахмад Фуад I (1868–1936) – султан (1917–1922), затем король Египта и Судана (1922–1936).

³⁶ Хусейн, Таха. Хадис ал-маса' (Вечерний разговор). Каир, 1983. С. 93.

³⁷ Шалби, 'Али. Азват ал-касад ал-'алами ал-кабир (Большой мировой экономический кризис). Каир, 2006. С. 36.

³⁸ Хусейн, Таха. Мустакбал ас-сакафа фи мыср (Будущее культуры в Египте). Каир, 2015. С. 62.

ственной мысли в первой трети XX в., существенного пересмотра роли религии светские интеллектуалы не предлагали. Наоборот, в своих работах они постоянно отмечали, что религия, как и в прежние времена, должна быть инструментом адаптации новых членов к жизни в социуме³⁹. Вопрос о месте ислама и исламских институтов в развитии Египта был, в первую очередь, связан с пересмотром закреплённого традицией положения алимского корпуса в структуре общества. Существенное сокращение сферы влияния корпорации исламских богословов, а также большая терпимость к переменам с их стороны способствовали бы, по мнению представителей либерального течения, не только прогрессу египетского общества и государства, но и укреплению положения улама в новой действительности.

Уже во второй половине 1930-х годов призыв либеральной интеллигенции к большей открытости по отношению к новому был услышан в алимской среде. Публикации работ по истории начального периода ислама – «Жизнь Мухаммада» (1935 г.) Мухаммада Хусейна Хейкала, «Гениальность Мухаммада» и «Гениальность Умара» (обе – 1941 г.) Аббаса Махмуда ал-Аккада – не встретили жесткой критики со стороны исламских богословов.

Рассуждая об использовании западных методов исследования во вступительной статье к «Жизни Мухаммада»⁴⁰, шейх Махаммад ал-Мари́ги⁴¹ отмечал: «Беспристрастность, проведение эксперимента и индукция – давно известные пути постижения истины... Но в восточной науке они долгое время пребывали в забвении... И лишь после того, как европейцы довели их до совершенства... мы снова стали ими пользоваться, увидели новый путь в науке»⁴².

Обращение лидеров либерального течения к вопросу о месте ислама и исламских институтов в жизни Египта являлось попыткой побудить консервативные круги к действию. В своих работах они стремились показать, что ислам в новой действительности стране необходим, как и прежде. Но с одной оговоркой: его служители должны стать более открытыми, принять изменившиеся условия. Это позволило бы алискому корпусу сохранить и даже упрочить

³⁹ Там же. С. 262.

⁴⁰ Подробнее о значении статьи см.: *Essays in Arabic Literary Biography*. 1850–1950. Weisbaden, 2010. P. 133.

⁴¹ Мухаммад Мустафа ал-Мара́ги (1881–1945) – египетский шариатский судья и шейх ал-Азхара.

⁴² *Хейкал, Мухаммад Хусейн*. Хайят мухаммад (Жизнь Мухаммад). Каир, 2014. С. 18.

свои позиции, а также способствовало бы дальнейшему прогрессу общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1989.
2. Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979.
3. The Cambridge History of Egypt. Т. 2. Cambridge, 2008.
4. Essays in Arabic Literary Biography 1850–1950. Weisbaden, 2010.
5. Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age. Cambridge, 1983.
6. Vatikiotis P.J. The History of Egypt from Muhammad Ali to Mubarak. Baltimore, 1991.
7. 'Абд ар-Разик, 'Али. Ал-Ислам ва усул ал-хукм [Ислам и основы власти]. Каир, 2012.
8. Ал-'Аккад, 'Аббас Махмуд. Ана [Я]. Каир, 2013.
9. Хейкал, Мухаммад Хусейн. Музакарат фи-с-сийяса ал-мысрийя [Воспоминания о египетской политической жизни]. Т. 1. Каир, 1951.
10. Хейкал, Мухаммад Хусейн. Хайят мухаммад [Жизнь Мухаммад]. Каир, 2014.
11. Хусейн, Таха. Ал-Аййам [Дни]. Каир, 1992.
12. Хусейн, Таха. Мустакбал ас-сакафа фи мыр [Будущее культуры в Египте]. Каир, 2015.
13. Хусейн, Таха. Фи-ш-ши'ар ал-джахили [О доисламской поэзии]. Суса, 1998.
14. Хусейн, Таха. Хадис ал-маса' [Вечерний разговор]. Каир, 1983.
15. Шалби, 'Али. АзMAT ал-касад ал-'алами ал-кабир [Большой мировой экономический кризис]. Каир, 2006.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

16. Ал-Ахрам (Каир).
17. Ал-Мусаввар (Каир).

Nikolay S. Fedorov

EGYPTIAN INTELLECTUALS OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY ABOUT THE PLACE OF ISLAM AND ISLAMIC INSTITUTIONS IN THE COUNTRY DEVELOPMENT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991*

The article based on the materials from the works of Egyptian intellectuals of the first third of the 20th century such as Taha Hussein, Mohammed Hussein Heikal, 'Abbas Mahmud al-'Aqqad and others examines discussions on the place of Islam and Islamic institutions in the life of the country undergoing modernization processes. An assessment is given to the state of Egyptian society in the interwar

period, as well as the reasons that prompted the intellectuals to reconsider the traditional role of religious structures in the life of Egyptians. On concrete examples the author analyses the key reasons for dissatisfaction of the representatives of the liberal current of public thought provoked by some actions of conservative Islamic theologians – ‘ulama’. Special attention is paid to the analysis of some spheres of influence of religious corporation in the public space. The article explains how and why the ideological struggle between different currents of thought was mixed with the political one, as well as what kind of forms it took. In response to the criticism sheikhs of the leading mosque-university Al-’Azhar persecuted leaders of the liberal intellectuals of the country. Intellectuals, contrary to the traditionalists statements, did not seek a radical revision of the tradition. They only called for reducing the sphere of influence of Islamic institutions in the life of Egypt because of their obsolescence. At the same time, the Egyptian intellectuals of the first third of the XXth century recognized the importance of the role of religion in the formation of a strong national state. They offered conservative circles to compromise and accept the changes in order to achieve prosperity and progress of society, as well as the growth of the country’s authority in the world.

Key words: progress; ‘ulama’; liberal current; Taha Hussein; Mohammed Hussien Heikal; ‘Abbas Mahmud al-’Aqqad.

About author: *Nikolay S. Fedorov* – Postgraduate Student, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nikolasfedorov93@gmail.com).

REFERENCES

1. Kirillina S.A. *Islam v obshchestvennoy zhizni Egipta (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Islam in the Egypt’s Social Life (second half of the XIX – beginning of the XX c.)]. Moscow, 1989. (In Russ.)
2. Chernovskaya V.V. *Formirovaniye egipetskoy intelligentsia v XIX – pervoy polovine XX v.* [Forming of the Egyptian Intellectuals Group in the XIX – first half of the XX c.] Moscow, 1979. (In Russ.)
3. *The Cambridge History of Egypt*. T. 2. Cambridge, 2008.
4. *Essays in Arabic Literary Biography 1850–1950*. Weisbaden, 2010.
5. Hourani A. *Arabic Thought in the Liberal Age*. Cambridge, 1983.
6. Vatikiotis P.J. *The History of Egypt from Muhammad Ali to Mubarak*. Baltimore, 1991.
7. Abd al-Raziq, Ali. *Al-Islam wa usul al-hukm* [Islam and the Foundations of Governance]. Cairo, 2012. (In Arabic)
8. Al-Aqqad, Abbas Mahmud. *Ana* [Me]. Cairo, 2013. (In Arabic).
9. Heikal, Mohammed Hussein. *Muzakkarat fi-l-siyyasa al-misriyya* [Memories on Egyptian politics]. Vol. 1. Cairo, 1951. (In Arabic)
10. Heikal, Mohammed Hussein. *Hayat muhammad* [Life of Muhammad]. Cairo, 2014. (In Arabic)
11. Hussein, Taha. *Al-Ayyam* [The Days]. Cairo, 1992. (In Arabic)
12. Hussein, Taha. *Mustaqbal al-thaqafa fi misr* [The Future of Culture in Egypt]. Cairo, 2015. (In Arabic)

13. Hussein, Taha. *Fi-l-shi'ar al-jahili* [On Pre-Islamic Poetry]. Soussa, 1998. (In Arabic)
14. Hussein, Taha. *Hadith al-masa'* [Evening Conversation]. Cairo, 1983. (In Arabic)
15. Shalbi, Ali. *Azmat al-kasad al-'alami al-kabir* [The Great Global Economic Crisis]. Cairo, 2006. (In Arabic)

PERIODICALS

16. Al-Ahram [The Pyramids]. Cairo.
17. Al-Musawar [Illustrated]. Cairo.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С.А. Кириллина, Д.Р. Жантиев, Т.Ю. Кобищанов

БЛИЖНИЙ ВОСТОК ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В ФОКУСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

14–16 октября 2019 г. в Кракове (Польша) в связи с празднованием 100-летия Института востоковедения Ягеллонского университета была проведена международная конференция востоковедов под названием «Языки и цивилизации. Востоковедение в Кракове 1919–2019» [“Languages and Civilizations. Oriental Studies in Cracow 1919–2019”]. Представительный международный форум открыли ректор Ягеллонского университета профессор *Войцех Новак* и директор Института востоковедения Ягеллонского университета, известный польский арабист, специалист по современной арабской литературе профессор *Барбара Михалак-Пикульска*.

Конференция востоковедов носила международный характер, а ее тематика охватывала широкий спектр гуманитарных дисциплин: историю, лингвистику, литературоведение, религиоведение, этнологию, культурологию и искусствоведение. Наряду с изучением стран и культур Дальнего Востока и Южной Азии, особое внимание в ходе конференции уделялось ближневосточным исследованиям. Их доля составила 47,5% (29 из 61) от общего числа выступлений, и распределились они следующим образом:

Кириллина Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.kirillina@gmail.com).

Жантиев Дмитрий Рустемович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (zdimitry@mail.ru).

Кобищанов Тарас Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (kobischanov@mail.ru).

Научное направление	Араби-стика	Тюрко-логия	Иранистика	Общее число выступлений
История и историография	11			11
Этнология		1	1	2
Философия и религиозное-ведение	2			2
Филология и лингвистика	4	4	1	9
Литературоведение	6	2	1	9
Культурология и искус-ствоведение	1		1	2
Всего	24	7	4	

Указанное в таблице общее число тем, относящихся к гуманитарным наукам, (35) превышает количество выступлений (29) в силу того, что некоторые из них охватывали несколько отраслей знания. Это касается, в частности, доклада турецкой исследовательницы **Хюльи Байрак Акылдыз** «Образ женщины в литературных произведениях раннереспубликанской эпохи» [“Representation of Women in Early Republic Era Novels”], совмещающего литературоведческие и гендерные штудии. Другим примером междисциплинарного подхода служит доклад ливанского исследователя *Базилиуса Баварди* «Богохульство в современной арабской поэзии: Назих Абу Афаш и Адунис как текстовая модель» [“Blasphemy in Modern Arabic Poetry: Nazih Abu Afash and Adunis as a Textual Model”], в котором текстологический анализ сочетается с религиозноведческим. Использованное поэтами кораническое и библейское наследие сопоставляется автором с их собственной альтернативной экзистенциальной концепцией, основанной на секуляристских ценностях. На стыке религиоведения и классического исторического исследования находится также выступление болгарского исламоведа *Павла Павловича* «Карима бинт Ахмад аль-Марвазийя и передача ‘Сахиха’ аль-Бухари» [“Karima Bint Ahmad al-Marwaziyya and the Transmission of al-Bukhari Sahih”], посвященное жизни и деятельности прославленной средневековой собирательницы повествований (хадисов) о жизни Мухаммада.

Среди докладов по ближневосточной тематике наибольшая доля пришлась на арабистику: 21 из 29 выступлений (72%); шесть докладов относились к тюркологии (21%) и два – к иранистике (7%). Любопытно, что в последних двух группах в фокусе исследований

находились тюрко- и ираноязычные меньшинства в иноэтничном окружении. В их числе были как работы по этнологии, например, доклад *Виктории Аракеловой* «Талыши и заза: воображаемое родство или подлинный союз» [“The Talyshis and the Zazas: An Imagined Kinship or a Real Alliance”], так и по филологии и лингвистике, в частности, доклады *Евы Чато* и *Бирселя Каракёча* «Рукопись на среднем азери в Университете Упсалы» [“A Middle Azeri Manuscript at Uppsala University”] и *Магдалены Левицкой* «Исследования Китаб. Сфера польской ориенталистики» [“Kitab Studies. A Field of Oriental Studies in Poland”], посвященные письменному наследию татар Великого княжества Литовского.

Как следует из приведенной таблицы, самой представительной из всех ближневосточных секций оказалась историческая, причем она была полностью посвящена арабо-мусульманской цивилизации. В фокусе внимания находились сюжеты, связанные с медиевистикой (четыре доклада), а также с изучением и научной интерпретацией источников и историографии (также четыре доклада). Различные вопросы истории стран ближневосточного региона и Северной Африки в Новое время освещались только в докладах российских ученых, представлявших профессорско-преподавательский коллектив кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ – профессора *С.А. Кириллиной* («Диалог или конфронтация? Египетская религиозная элита и французские оккупационные власти (1798–1801 гг.)» [“Dialogue or Confrontation: the Egyptian Religious Elite and the French Occupation Authorities (1798–1801)”]); а также доцентов *Д.Р. Жантиева* («Хроника Никулы ат-Турка как источник по истории похода Бонапарта в Сирию в 1799 г.» [“The Chronicle of Nikula al-Turk as a Source on the History of the Campaign of Bonaparte in Syria in 1799”]) и *Т.Ю. Кобищанова* («На заре колониализма: арабские правители и российские власти во время войны 1768–1774 гг.» [“On the Eve of Colonialism: Arab Rulers and Russian Authorities during the War of 1768–1774”])). Докладов по новейшей истории на конференции представлено не было.

Сделанный российскими участниками конференции акцент на истории арабского мира в Новое время является следствием того, что в ИСАА МГУ сложилась школа османистики, получившая признание на международном уровне. В то же время выступавшие в Ягеллонском университете западные и арабские историки в качестве приоритета исследований рассматривают медиевистику и введение в научный оборот малоизвестных источников, их углубленный критический и сравнительный анализ. В качестве примера проводимых

изысканий в этих направлениях можно привести темы выступлений польского востоковеда *Паулины Левицкой* «Быть доктором самому себе. Арабо-исламские пособия по самолечению в качестве источников по истории медицинской культуры Ближнего Востока до эпохи модернизации» [“Being One’s Own Doctor. Arabic-Islamic Self-Treatment Manuals as Sources for the History of Medical Culture of the Pre-Modern Near East”] и ее британского коллеги *Алекса Меткалфа* «Арабские источники о средневековых волшебных фокусах» [“Arabic Sources for Medieval Magic Tricks”].

Конечно, общее число докладов, представленных на конференции в Кракове, сравнительно невелико и не позволяет делать широких обобщений о тенденциях развития современной ориенталистики. Вместе с тем оно дает определенные представления о характере гуманитарных исследований, проводимых как в Западной Европе, так и на Ближнем Востоке, и том месте, которое может занять в них отечественная востоковедная школа.

**Svetlana A. Kirillina, Dmitry R. Zhantiev,
Taras Y. Kobishchanov**

**THE MIDDLE EAST OF THE MIDDLE AGES
AND THE MODERN TIMES IN THE FOCUS
OF THE INTERNATIONAL ACADEMIC COMMUNITY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

About the authors: *Svetlana A. Kirillina* – D.Sc. (History), Professor, Head, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.kirillina@gmail.com); *Dmitry R. Zhantiev* – PhD (History), Associate Professor, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zdimitry@mail.ru); *Taras Y. Kobishchanov* – PhD, Associate Professor of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kobishchanov@mail.ru).

Б.А. Захарьин

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЯЗЫКАМ ЮЖНОЙ АЗИИ В ПАРИЖЕ

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В период 29–31 октября 2019 г. в Париже проводилась 35-я Международная конференция по анализу языков Южной Азии (SALA-35), организованная французским Национальным Институтом Восточных Языков и Цивилизаций (INALCO). Некогда ограниченные в плане реализации, но не по составу участников, рамками одних США, конференции SALA в XXI в. стали подлинно международными и, будучи весьма престижными для индологов-лингвистов всего мира, проводятся регулярно в разных странах Европы и Южной Азии. На октябрьскую конференцию 2019 г. было подано рекордное количество заявок на доклады и сообщения (165) и, решив напечатать их все в сборнике предварительных материалов к конференции, Оргкомитет отобрал для зачитания на заседаниях более 60 докладов. В их числе были и доклады проф. Б.А. Захарьина, и доц. Л.В. Хохловой, выступавших представителями ИСАА МГУ.

Работа парижской конференции осуществлялась в рамках пяти параллельно проходивших секций: двух или трех (в зависимости от дня и времени заседаний) «общих», посвященных ключевым направлениям в области лингвистических исследований языков Индостана, и двух «внутренних семинаров», на одном из которых рассматривались проблемы Южной Азии как языкового союза, а на другом — вопросы изучения эллипсиса в разноструктурных южноазиатских языках. С сообщениями и докладами на секциях выступили ученые из России, США, Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Италии, Португалии, Польши, Чехии и многих других стран, включая Австралию, но, как обычно, большинство докладов было представлено лингвистами из Индии. К сожалению, коллеги из Пакистана из-за проблем с визами не смогли принять участие в конференции.

Захарьин Борис Алексеевич — доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, зав. кафедрой индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: Zakharyin13@mail.ru).

В ходе церемонии открытия с кратким вступительным словом выступил профессор *Шарма*, главный организатор конференции, а за ним последовали столь же лаконичные приветствия участникам со стороны представителей директората INALCO, после чего докладчики и слушатели разошлись по соответствующим секциям. В первый же день заседаний на четырех разных секциях было заслушано более 30 сообщений. Особый интерес представляли доклады в рамках семинара о Южной Азии как языковом союзе (*Sprachbund*).

Семинар начался с доклада группы ученых из Швеции и США «Лингвистические отношения в Южной Азии, отраженные в «Лингвистическом Атласе Индии». В коллективном докладе, зачитанном Ларсом Борином из Гетеборгского университета (Швеция), были представлены результаты анализа 200 языков Индостана, распределенных в соответствии с генетическими и лингвогеографическими характеристиками, которые частично были намечены и обоснованы еще Дж. Гриссоном в его «Лингвистическом Атласе Индии» (1903–1927).

Тему соотношения генетических и лингвогеографических параметров при классификации южноазиатских языков продолжили и другие докладчики. Так, в совместном сообщении *К. Строньского* (Университет Познани, Польша) и *С. Фербеке* (Университет Гента, Бельгия) рассматривалось распределение индоарийских языков Северной Индии по группам «западные — восточные» на основании критерия «наличие — отсутствие эргативности» и типовых отношений порядка составляющих в предложении. Было, в частности, продемонстрировано особое положение авадхи и характер его контактов с языками пахари, занимающими промежуточное положение между кашмири и диалектами восточного хинди. Также было показано, что второе место глагола в высказываниях кашмири не является, как предполагалось ранее, спецификой одного лишь этого языка, но присуще также и диалектам западного пахари, кулуи и бангани.

Весьма важный доклад *Х. Лильегрена* (Университет Стокгольма, Швеция) был посвящен анализу 59 генетически различных языков в области Гиндукуш — Каракорум. Автор продемонстрировал несостоятельность «дардской гипотезы», убедительно показав, что индоарии-носители теперешних эргативоидных языков пришли в регион достаточно поздно из южных равнинных районов и усвоили признаки вторичной эргативности в ходе интенсивных контактов с первопоселенцами, говорившими на тибето-бирманских языках.

Ряд важных методологических соображений в связи с проблематикой индийского *Sprachbund* высказал *Х. Хок* (Университет Иллинойса, США) в докладе «Конвергенция или ее отсутствие?

География и история». Анализируя данные по языку хмар (группа куки-чин), автор убедительно показал, что существующий в хмар контраст «дентальные — ретрофлексные смычные», традиционно объяснявшийся контактами с индоарийскими языками, на самом деле обусловлен внутренней эволюцией самого хмар, а интерпретация его с позиций конвергенции в данном случае не работает. На основе анализа фонологических проблем в индоарийском и дравидийском им также было показано, что в одних случаях (в частности, в связи с преобразованием исторических групп типа «*r* + дентальный смычный») контактный фактор не может привлекаться для объяснения явления, так как он не подкреплён данными языковой истории, тогда как в других случаях (в связи с имевшим место в истории и индоарийского, и дравидийского сокращением долгой гласной перед консонантными кластерами) опорой для интерпретации может служить только совместная — и конвергентная, и историческая — мотивировка соответствующего события.

Обстоятельный доклад *К. Суббарао* (Делийский Университет, Индия) «Панорама южноазиатских релятивных конструкций. Проблемы структурной конвергенции, дивергенции и инноваций» был выстроен на большом и до недавнего времени плохо исследованном материале ряда индоарийских и тибето-бирманских языков, в том числе принадлежащих к группам куки-чин и нага. Было показано, что контакты языка *X*, в котором некая синтаксическая конструкция отсутствует или встречается редко, с имеющим ее языком *Y* обычно ведут к заимствованию конструкции из *Y* в *X* и, возможно, к последующим инновационным преобразованиям в системе *X*. Эти последние сводятся к двум основным типам: либо под воздействием конструкции в *Y* в системе *X* активизируется и становится универсальной конструкция-калька, аналогичная существующей в *Y*, либо система *X* вводит дополнительные синтаксические ограничения на заимствованную из *Y* конструкцию.

Общий итог исследованиям в области индийского Sprachbund был представлен в часовом докладе Дж. Петерсона (Университет Киль, Германия) «Порыв из прошлого — распределение морфосинтаксических характеристик в современных языках как средство разрешения проблем лингвистической истории восточно-центральных регионов и других областей Южной Азии». Автор исследовал связи между индоарийскими, дравидийскими и аустроазиатскими языками на базе следующих типологически значимых параметров: морфологическое устройство местоименных парадигм, виды лексических ограничений, типы падежного маркирования и согласовательных

связей между предикатом и именными группами в предложении, выраженность глагольных категорий времени, аспекта, модальности и лица, наличие конструкций с косвенным падежом субъекта, наличие словообразовательных моделей «эхо», порядковое место глагола в предложении, варианты аналитических конструкций, морфосинтаксическая обозначенность противопоставления «отчуждаемой — неотчуждаемой принадлежности», именные категории числа и рода, наличие системы числовых классификаторов, — и ряда других. Было показано, что соответствующая консолидированная картина значима не только для синхронии, но и для диахронии, в частности, и для лингвистической праистории Южной Азии в целом.

Второй день конференции был отведен на семинары по языковому союзу и по эллипсису и на заседания двух групп «общей» тематики. В рамках этих последних подавляющее большинство докладов было сделано лингвистами из Индии, рассматривавшими конкретные проблемы морфологии, синтаксиса, лексикологии и прагматики в современных языках Индийского субконтинента. Этого направления придерживались и российские авторы — *А. Крылова* и *Е. Ренковская* (ИВ РАН, Москва), — сообщившие в совместном докладе о контактных влияниях на базисную лексику языков Южной Ориссы.

На семинаре по эллипсису основными докладчиками стали представители Италии, сообщавшие о своих исследованиях в области преимущественно синтаксического эллипсиса, характеризуемого с позиций теории «минимализма» Н. Хомского. Большинство докладов основывалось на материале современных языков Индостана, но в двух из них источниками служили данные по санскриту, в частности, в совместном докладе *Т. Понтилло* (Университет Кальяри, Италия) и *М. Кондотти* (Университет Пизы, Италия) «Ненужность “нуля” при анализе компонентов в сложных словах “бахуврихи”».

1. Подчинительные стратегии Панини и первичность синтаксиса при образовании сложных основ» и в докладе *М. Росси* (Университет Милана, Италия) «Ведийские “бахуврихи” меж обнулением и контрастной акцентуацией: изучение встречаемостей типа ‘pRthú-budhna/pRthu-budhná’». Общим проблемам эллипсиса был также посвящен насыщенный примерами и продуманной аргументацией часовой доклад *Е. Манетта* (Университет Вермонта, США) «Кашмири и дебаты относительно эллипсиса, сопровождаемого разрывом аналитической глагольной составляющей».

В заключение второго дня конференции *Р. Бхатт* (Университет Массачусетса, США) зачитал свой часовой доклад «Импликации, задаваемые реализацией релевантных свойств в хинди-урду: проблема

предложений со связками». Теоретическим основанием сообщения служила разработанная Н. Хомским и его сторонниками генеративная модель языка. Автор доклада, ссылаясь на труды Вагнера, Куна и других своих предшественников, напомнил слушателям об обнаружении определенных иерархических отношений в рамках противопоставлений по лицу и числу в связочных предложениях немецкого и восточно-армянских диалектов. Излагая далее результаты собственного исследования, Бхатт показал, что иерархические отношения в аналогичных предложениях хинди-урду весьма близки к тем, что были установлены для немецкого и восточно-армянского, но отличны от последних в том, что, в свою очередь, обнаруживают зависимость от согласовательных процессов. В частности, иерархия в противопоставлениях по лицу, может ослабляться или не иметь места в случаях, когда связка увязывается с прошедшим временем, не предполагающим в хинди-урду кодирования по лицу. Сходное явление наблюдается в результате опущения составляющих или при операции «подъема» у максимально правой составляющей в случаях, когда правилами эллипсиса допускается неманифестированность именной группы, контролирующей согласование. Доклад был со вниманием выслушан участниками и побудил их к жаркой дискуссии.

В ходе третьего дня, заключительного для конференции, работа шла параллельно в четырех секциях «общего» направления, где было заслушано более 20 докладов. Одним из них был доклад профессора *Б.А. Захарьина* (ИСАА МГУ) «О семантико-грамматических корреспонденциях древнего индоарийского (ДИА) с русским (сфера отношений между «ролями» и «падажами»)». Доклад был посвящен рассмотрению конструкций ДИА с поливалентными глаголами, приведенных Панини или его комментаторами и оставленных без каких-либо семантических интерпретаций. Эти конструкции сопоставлялись с аналогичными построениями в русском, на базе анализа которых следовало или могло быть восстановлено их семантическое основание. Предполагалось, что аналогичные семантические противопоставления могли быть характерны и для образцовых конструкций ДИА.

Доклад доцента *Л.В. Хохловой* (ИСАА МГУ) «Семантическое поле «падение» в западных новоиндийских языках: хинди-урду, панджаби и гуджарати» был нацелен на выявление когнитивно значимых характеристик поля «падение», наборы которых определяют специфику лексического кодирования в трех новоиндийских языках Запада Индостана, а соответствующие лексемы и конструкции с ними активно используются в процессах метафоризации. Доклад был построен на

обширном лексическом материале и сопровождался демонстрацией слайдов, наглядно иллюстрирующих направления главных и побочных метафоризирующих потоков в анализируемых языках. Он был со вниманием выслушан присутствующими и по окончании стимулировал оживленную полемику части слушателей с автором доклада.

Остальные доклады участников в «общих» секциях были посвящены некоторым конкретным грамматическим проблемам и социолингвистическим характеристикам различных языков Индостана. В течение дня участникам были также представлены часовые доклады *М. Батт* (Университет Констанца, Германия) «Порядок слов и частицы в вопросительных предложениях урду» и *В. Дайял* (Йейлский Университет, США) «Множество обличей частицы *bhī* в хинди-урду». В докладе *Батт* на материале разнотипных вопросов в урду анализировалось взаимодействие между фонетико-просодическим устройством и особенностями синтаксиса, семантики и прагматики высказываний. В ходе исследования было установлено, что варьирование типового порядка составляющих обусловлено именно информационной структурой высказывания, но не характерными для него грамматико-прагматическими факторами. Доклад Дайял был посвящен анализу значений и функций «усилительной» частицы *bhī* в хинди-урду. Автор доказала, что традиционное соотнесение *bhī* с английской частицей ‘*even*’ «даже» неудачно и что функционально *bhī* скорее следует связывать с английской ‘*also*’ «также»; значение же «даже» — вторичное и обусловлено соотнесенностью *bhī* с фокусом высказывания.

Подведем итоги: на конференции в INALCO было рассмотрено множество актуальных и принципиально новых для современной языковедческой индологии проблем, и в этом она была исключительно полезна для участников, а ее намечаемые к опубликованию результаты также обещают быть значимыми и интересными для лингвистов-индологов всего мира.

Boris A. Zakharyin

INTERNATIONAL SOUTH ASIAN LANGUAGES ANALYSIS ROUNDTABLE IN PARIS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

About the author: *Boris A. Zakharyin* — PhD (Linguistics), D.Litt. (Linguistics), Professor-and-Head, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zakharyin13@mail.ru).

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** текста статей:

- текстовый редактор Microsoft Word (версия 6.0, 7.0, 95, 97, 2000 и т. д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный междустрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате RTF (rich text format) и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес института с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т. д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде подстрочных примечаний**, а список процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, междустрочному интервалу, некачественная печать могут существенно образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по: e-mail: office@iaas.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
Институт стран Азии и Африки МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Брагинский В.И., доктор филологических наук, профессор Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, Великобритания (SOAS, University of London, UK); **Ильбер Ортайлы**, профессор университета Стамбула, Турция (Istanbul University, Turkey); **Панчанан Моханти**, профессор университета Хайдарабада, Индия (Haiderabad University, India); **Ху Аньган**, профессор университета Цинхуа, Китай (Tsinghua University, China); **Экехард Шульц**, доктор филологических наук, профессор института Восточных исследований Лейпцигского университета, Германия (Institute of Oriental Studies, Leipzig University, Germany); **Ямасита Марико**, почетный профессор университета Токай, Япония (Tokai University, Japan)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Мейер М.С., президент ИСАА МГУ, докт. ист. наук, профессор — главный редактор; **Исаев В.А.**, докт. экон. наук, профессор — зам. главного редактора; **Захарьин Б.А.**, зав. кафедрой индийской филологии, докт. филол. наук, профессор — зам. главного редактора; **Волчкова Е.В.**, доцент кафедры истории Китая — ответственный секретарь

Члены редколлегии:

Абрамова И.О., директор Института Африки РАН, чл.-корр. РАН; **Басс И.И.**, доц., зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского ин-та культуры; **Быкова С.А.**, доцент, зав. кафедрой японской филологии; **Видясова М.Ф.**, проф.; **Громова Н.В.**, проф., зав. кафедрой африканистики; **Деоник Д.В.**, проф. кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; **Карапетьянц А.М.**, проф. кафедры китайской филологии; **Кириллина С.А.**, проф., зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока; **Ковельман А.Б.**, проф., зав. кафедрой иудаики; **Кулешова Н.С.**, зам. директора по науке, проф. кафедры политологии; **Мельянцева В.А.**, проф., зав. кафедрой международных экономических отношений; **Мосяков Д.В.**, проф., заведующий Центром исследований Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Ин-та востоковедения РАН; **Орлов В.В.**, проф. кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока; **Писарев А.А.**, проф. ф-та русского языка и междунар. отношений Тамканского университета (Тайвань); **Репенкова М.М.**, проф., зав. кафедрой тюркской филологии; **Сафронова А.Л.**, проф., зав. кафедрой истории Южной Азии; **Фролов Д.В.**, проф., зав. кафедрой арабской филологии, чл.-корр. РАН; **Яковлев А.И.**, проф., вед. науч. сотр. Института востоковедения РАН

Редактор И.В. Краснослободцева

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 1563 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 103009, Моховая, 11, стр. 1. Тел. 8 (495) 629-55-48

Подписано в печать 27.04.2020. Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж экз. Изд. № 11 527. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: (495)939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

ISSN 0201–7385

ISSN 0320–8095

ИНДЕКС 71013 (каталог «Роспечать»)

ИНДЕКС 40552 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201–7385. ISSN 0320–8095

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. 2020. № 1. 1–160.